

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Modern Studies of Social Issues

WWW.SOC-JOURNAL.RU

Том 12, № 3
2020

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 12, № 3, 2020

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 12, Number 3, 2020

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2020

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2020

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 12, № 3, 2020, 226 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 12, Number 3, 2020, 226 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2020

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-14-27

УДК 342:35(571.1/5)(091)

**ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ
В СИСТЕМЕ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В СИБИРИ XVII В.: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН***Еланцева О.П., Шаходанова О.Ю.*

***Цель.** Статья посвящена актуальной для современной науки теме – формированию феномена коррупциогенного поведения сибирских воевод XVII в. Предметом анализа выступают различные источники, отражающие факты злоупотреблений сибирских воевод. Авторы ставят целью проведение анализа причин формирования феномена коррупциогенного поведения сибирских воевод XVII в., основываясь на применении различных методологических подходов к изучению данного явления.*

***Метод или методология проведения работы.** Методологической основой исследования является принцип научного плюрализма, принцип историзма и научной объективности, методы источниковедческого анализа, герменевтический, феноменологический и компаративистский методы, а также принцип историко-философской реконструкции, предложенный А. Кожевым, при анализе проблем государства, власти и права.*

***Результаты.** Авторы считают, что модель существования «реальности коррупции» среди сибирских воевод совершенно не изучена в силу сложности интерпретации источников, в «лаборатории ученого», изучающего проблему коррупции, необходимо применение междисциплинарного многоаспектного инструментария.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания истории, теории государства и права, административного права и процесса, курса исторических дисциплин.*

Ключевые слова: *коррупция; междисциплинарный подход; методы исследования; Сибирь; воеводы; злоупотребления.*

THE PHENOMENON OF CORRUPTION IN THE SYSTEM OF VOEVODSK GOVERNANCE IN SIBERIA OF THE 17TH CENTURY: INTERDISCIPLINARY APPROACH TO STUDYING CAUSES

Elantseva O.P., Shakhodanova O.Yu.

Purpose. *The article is devoted to the urgent topic for modern science of the formation of the phenomenon of corruptogenic behavior of the Siberian governor of the XVII century. The subject of the analysis is various sources reflecting the facts of abuse of the Siberian governor. The authors aim to analyze the causes and forms of the formation of the phenomenon of corruptogenic behavior of the Siberian governor of the XVII century. based on the application of various methodological approaches to the study of this phenomenon.*

Methodology. *The methodological basis of the study is the principle of scientific pluralism, the principle of historicism and scientific objectivity, methods of source study, hermeneutic, phenomenological and comparative methods, as well as the principle of historical and philosophical reconstruction proposed by A. Kozhev in the analysis of problems of state, government and law.*

Results. *The authors believe that the model of the existence of the “reality of corruption” among Siberian governors has not been studied at all due to the difficulty of interpreting the sources, in the “laboratory of a scientist” studying the problem of corruption, it is necessary to use multidisciplinary multi-aspect tools.*

***Practical implications.** The results of the study can be applied in the practice of teaching history, theory of state and law, administrative law and process, the course of historical disciplines.*

***Keywords:** corruption; interdisciplinary approach; research methods; Siberia; governors; abuse.*

Введение

Коррупция – сложное и многоаспектное явление, имеющие исторические корни, юридически-правовое, социологическое, нравственное и культурологическое изменение. Раскрывая значение этой формулировки следует в первую очередь сказать о специфике реконструкции исторического феномена коррупции. При изучении коррупции, в зависимости от конкретного аспекта исследования, могут относительно преобладать различные аспекты двуединой исследовательской задачи. Так, если в распоряжении исследователей мало материалов, относящихся к объекту исследования, вопросом первостепенной важности становится выяснение возможностей более полной эмпирической реконструкции процесса управления, биографии его участников, контекста деятельности и т.д. По мере того, как будет решаться задача всё более полной эмпирической реконструкции процесса управления, исследователи могут также обратиться и к аналитическому изучению предмета.

Анализ исторически сложившихся причин, видов, форм коррупции проводится учеными из разных отраслей знания. Мы считаем, что традиции взяточничества в Сибири периода воеводской системы управления были заданы самой историей становления государственного аппарата, ведь доходы «государевых людей» формировались из нескольких источников: натуральных (продукты, предметы обихода) и фискальных «мздоимство» (часть налога собранного в счет государевой казны и от оплаты за решение вопроса челобитчика первоначально шла в пользу собиравшего и решавшего). Естественно, что обе стороны (чиновник и население) были склонны к злоупотреблениям, но для государства разгул незаконных деяний «лихоимства» грозил социальными и политическими проблемами.

Государство регулярно вело борьбу со злоупотреблениями воевод, но действовать оно могло только через «сыск» по челобитным пострадавших от злоупотреблений воевод людей из числа местного населения. Взятка или «посул» впервые упоминается уже в правовых документах XIV в., как злоупотребление в «кормлении». Представители власти на местах не получали жалования, они «кормились» за счет населения, попадавшего в их управление (юрисдикцию). Должность воеводы, таким образом, имела значительные материальные выгоды и расценивалась как награда за военные заслуги, как своего рода отдых от службы. «Покормиться», пребывать «у корыстных дел» означало быть управленцем, представителем власти, иметь статус. Просители (претенденты на управленческую должность) обычно писали в своих челобитных «прошу отпустить покормиться» и упоминали о своих военных заслугах.

Цель работы

Основная цель данного исследования заключается в проведении анализа формирования феномена коррупционного поведения сибирских воевод XVII в. с применением различных методологических подходов к изучению данного явления. Предметом анализа выступают различные источники, отражающие факты злоупотреблений сибирских воевод. На основе архивных материалов анализируются механизмы формирования коррупционного поведения, примеры взаимоотношения должностных лиц с местным населением Сибири, которое представлено как русскими людьми, так и многочисленными коренными жителями. Авторы ставят задачу представить анализ преимуществ междисциплинарного подхода к изучению данной проблематики.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является системный подход. Он позволяет интерпретировать местное управление в качестве единого организма, сложноорганизованной системы. Системный подход в изучении взаимоотношений власти и общества,

претерпевавших существенные изменения в ходе становления и развития системы управления, позволяет выдвинуть новые принципы подхода к изучаемому явлению «коррупции». При системном исследовании один и тот же «материал» можно рассматривать с разных позиций «государство – регион», «государство – власть – государственный чиновник», «государство – государственный чиновник – общество». При этом система местного управления Сибири нами рассматривается в качестве составной части общегосударственной, как неотъемлемая часть власти и общества в целом, а коррупция рассматривается как явление, феномен.

Метод реконструкции предполагает воссоздание процессов связанных с системой управления новым регионом, опираясь на внутреннюю логику наличных фрагментов документов – челобитных, сыских дел и других исторических источников.

Принцип историзма, соответственно, позволяет рассматривать исследуемый объект – коррупцию – в качестве поступательно развивающегося, а также попытки снижения коррупции со стороны власти в соответствии с нахождением у власти конкретных воевод или поступления жалоб о «лихоимстве».

Большинство документов по истории злоупотреблений воевод в Сибири в XVII в. хранятся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Наиболее интересным является фонд Сибирского приказа (ф. 214), здесь хранится значительное число челобитных и сыские дела. Часть челобитных представлена в фонде И-47. Воеводская канцелярия Государственного архива Тюменской области (ГАТО).

При изучении документов большей частью исследователей обращающихся к вопросам воеводского управления, освоения Сибири, применяются общенаучные методы исследования, методы источниковедческого анализа, а также историко-генетический, историко-сравнительный, сравнительно-текстологический методы, метод структурного анализа. Мы предлагаем применять также герменевтический метод, основанный на принципах и способах изучения исследований о коррупции как общественно-политическом

и социально-психологическом феномене поведения, отраженного в историческом источнике, социально-антропологический метод.

Коррупция состоит из различных смыслов: злоупотребление властью, использования служебного положения в корыстных, иных личных или групповых целях. В современном нам мире мы придаем значения этим смыслам, интерпретируя их исходя из наших представлений об этом явлении. Важно определить какой смысл придавали современники действиям государственных лиц, системе принуждения, насилия. Правовая норма является символом, смысл которого должен быть установлен, но у каждой нормы есть второй контекстуальный, ситуационный смысл, без адекватного понимания которого невозможно правильное понимание всей нормы. Такой же подход возможен и в изучении корней и механизмов злоупотребления властью, и собственно текстов исторических источников, одна часть информации всегда на поверхности, вторая спрятана за «иносказательностью» автора документа, его мотивами, а третья это уже интерпретация текста исследователем.

Междисциплинарный подход к изучению проблемы позволит по-новому взглянуть на уже известные и анализируемые исследователем исторические источники.

Результаты исследования и их обсуждение

Сибирь была присоединена к Русскому государству к концу XVI в. что имело для страны ряд последствий: расширилось геополитическое пространство Московского государства, в его состав вошли земли с иноязычным населением, с особой религиозной, культурной и социально-политической структурой, возникала необходимость централизации власти, административного устройства, сбора налогов, выстраивания отношений с местным населением, приграничными государствами (территориями). Сначала управление Сибирью было поручено Посольскому приказу (центральное учреждение). С 1596 г. управление перешло в Новгородскую четь. С освоением новых земель и увеличением территории Сибири, она переходит в управление приказа Казанского дворца, первого

территориального приказа. С 1637 до 1710 год управление всеми сибирскими землями осуществлял Сибирский приказ (назначение и смещение воевод, служилых людей, учитывал сбор пошлин и ясака, следил за освоением новых земель и т.д.). Активное освоение сопровождается появлением городов, слобод и острогов. Внутренние процессы централизации власти, осознание правительством необходимости создания единого центра, способного контролировать и координировать социально-политическую и экономическую жизнь региона приводят к созданию новых форм местного управления – воеводской. Применение воеводской формы местного управления обусловлено рядом факторов: новые территориальные приобретения (Казань, Сибирь), изменившаяся внутренняя обстановка в Русском государстве второй половины XVI – начала XVII в. (падение послеопричинных органов местного сословного самоуправления, централизация государственной власти), отсутствие быстрой коммуникации с отдаленными регионами (по факту автономия управленцев на местах). Методы и принципы управления Сибирью, как считает большая часть исследователей, только определялись в московских приказах, по факту управление было сосредоточено в руках лиц, на начальных этапах возглавлявших процессы освоения сибирской территории. В совокупности внешние и внутренние факторы привели к формированию административной системы воеводского управления, с ее определенными отличиями от центра Русского государства [1]. Города, слободы и остроги составляли уезды во главе с воеводами. Помимо уездов, в Сибири, в отличие от центральной части Русского государства, образовывались разряды. Первоначально (в конце XVI в.) был образован только один разряд – Тобольский.

Тобольский разряд сложился к концу XVI – началу XVII вв., с административным центром городом Тобольск, ставшим к 1599 г. главным («столичным») городом. Тобольский разряд как административно-территориальная единица, включал несколько уездов, являясь военно-административно-территориальным образованием. В его состав входили уезды: Березовский, Верхотурский, Енисейский,

Кетский, Кузнецкий, Мангазейский, Нарымский, Пелымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский, Туринский, Тюменский. Если в центре Русского государства городами с уездами управляли наместники, то с самого начала возникновения сибирских городов ими управляли воеводы, их основавшие. Например, Василий Борисович Сукин – основатель и первый воевода города Тюмени (1586 г.), Петр Иванович Горчаков – первый воевода города Пелым (1593 г.) и др. Главой Тобольского разряда считался тобольский воевода. В 1629 г. образован Томский разряд, с 1687–1693 гг. существовал Верхотурский разряд [3]. В 70-х гг. XVII в. в Сибири было уже четыре разряда: Тобольский, Томский, Ленский и Енисейский. С 1687 по 1693 гг. существовал Верхотурский разряд.

Впервые к изучению системы местного управления в Сибири обратился Г.Ф. Миллер в XVIII веке [2]. Рассматривая деятельность правительственной администрации как главный фактор присоединения и освоения Сибири, Г.Ф. Миллер дает лишь самое общее описание структуры и функций органов власти в Сибири. Труд Г.Ф. Миллера носит в большей степени эмпирический, чем аналитический характер.

Начало изучения истории местного управления Сибири можно связать так же с именами Н.Н. Оглоблина, К.Б. Газенвинкеля и С.В. Бахрушина. Н.Н. Оглоблину принадлежит известная справочная работа по описанию архивных материалов Сибирского приказа. С.В. Бахрушин внес неоценимый вклад в изучение Сибири. Огромное достоинство его работ в том, что в их основе лежат неиспользованные до него архивные материалы. В целом советская историография оказалась перед лицом целого ряда проблем: это и трудности использования архивных фондов, и утверждение идеологии [3].

В XIX веке Б.Н. Чичерин, основываясь на опубликованных материалах, рассмотрел воеводское управление, а также деятельность местных органов самоуправления в России XVII века [4]. Характерно для его работы то, что он не отделяет материалы по Сибири от общероссийских. Б.Н. Чичерин в своей работе негативно оце-

нивает всю организацию системы местного управления как пережиток великокняжеских порядков. В целом исследователь пишет о всесии воевод, а местные органы самоуправления рассматривает как часть воеводского аппарата управления. Также в XIX в. систему воеводского управления рассматривали и такие историка как А.Д. Градовский и И.А. Андриевский [5]. Ими затрагиваются общие принципы, на которых строилось воеводское управление, характеризуются воеводские указы, определены функции, возлагающиеся на местные власти. Тем не менее, анализ коррупции на основе применения принципа историзма в трудах этих авторов практически отсутствует. Возникновение института воевод рассматривается как случайность. Воеводское управление не связывается с эволюцией государственного строя России.

Региональный аспект затрагивается в изучении управления XVII в. в работе М.М. Богословского [6]. Использование автором архивных источников, аналитический характер фактического материала способствовали тому, что до настоящего времени труд М.М. Богословского остается востребованным.

Качественно новый этап изучения воеводской системы управления связан с работами В.А. Александра и Н.Н. Покровского [7]. Вопреки устоявшемуся мнению о бесконтрольности и вседозволенности воеводского аппарата в Сибири эти ученые показали значительное участие сибирских мирских сообществ в делах местного управления.

Из современных историков, исследовавших воеводское управление в Сибири, необходимо выделить Е.В. Вершинина [8]. В своей работе ученый, исследует систему управления в Сибири, в том числе рассматривая вопросы злоупотреблений воевод.

Считаем, что высокая коррумпированность сибирских государственных чиновников в разные периоды становления российской государственности связана в первую очередь с особенностями именно системы воеводского управления и ментальности народных масс. Весомую роль возникновения коррупционных факторов поведения воевод играл сформированный еще в IX–X вв. институт «корм-

ления» представлявший собой систему содержания должностных лиц (наместников) за счет местного населения в течение периода службы.

Поиск объяснения появления моделей коррупционного поведения государственных чиновников и общества учеными ведется давно. Власть представляет собой по самой своей сути человеческий феномен (не природный), а это значит – социальный и исторический [12]. Считаем возможность применения принципа историко-философской реконструкции именно к коррупции, как части властной схемы взаимодействия власти с населением осваиваемых сибирских территорий.

Все дискуссии о национальной предрасположенности россиян к коррупционному поведению и сознательному созданию коррупциогенных факторов в системе управления, возможно, имеют под собой исторические основания. В своем крайнем выражении коррупция может рассматриваться как девиантное поведение, характеризующееся в смещении этических норм и ценностей и выражающееся в намеренном совершении коррупционных преступлений с целью личного обогащения, приобретения большего количества материальных благ. Как отмечает, Э. Фромм, поглощение предметов потребления позволяет индивиду убеждаться в том, что он в принципе существует [9], а Л.В. Гевелинг, размышляя о природе клептократии чиновников, подчеркивает, что в коррупции присутствует психологический аспект: «чем выше статус индивида, тем выше стоимость потребляемых и приобретаемых им вещей и благ. Возрастающее потребление не снижает тревожности, а напротив способствует развитию нравственных пороков личности. Коррупция в данном случае выступает возможностью потреблять больше» [10]. Мы считаем, что необходимо учитывать и психологические аспекты коррупционного поведения сибирских воевод при изучении фактов незаконной деятельности: взятки, спекуляции, прямое насилие. «Коррупция только в последствиях является правовой и экономической проблемой, а исходно психологической и общечеловеческой» [11].

Заключение

Анализ коррупции с различных позиций позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, для понимания природы незаконной деятельности сибирских воевод необходимо учитывать политические, экономические, морально-нравственные факторы и мотивы поведения каждой персонии (феноменологический подход), учитывать составляющие личности отдельного воеводы, его личные мотивы пребывания в должности; во-вторых, целесообразно применение психологических методов исследования; в третьих применение многоконцептуальности в подходах к изучению проблемы злоупотреблений сибирских воевод позволяет более шире взглянуть на поставленную проблему, выявить структурные компоненты коррупции с помощью различных подходов, которые послужат более полному пониманию и переосмыслению феномена коррупции в российской истории. Исторической наукой накоплен богатый опыт изучения процессов формирования системы воеводского управления, но проблема коррупции среди воевод практически не изучена и применение междисциплинарности позволит ликвидировать этот пробел.

Список литературы

1. Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. Автореф. Дисс.на соиск. Степ. к.и.н. Тюмень, 2000; Симачкова Н.В. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв. Автореф. Дисс.на соиск.степ.к.и.н. Нижневартовск, 2002.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2 т. М.; Л., 1937–1941.
3. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768): в 4 ч. М., 1825; Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири XVII века. Казань, 1892; Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 252–253.
4. Чичирин Б.Н. Областные Учреждения России в XVII в. М., 1856.
5. Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1; Андриевский И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864.

6. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 1–2.
7. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
8. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII). Екатеринбург, 1998. С. 16; 49.
9. Фром Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий/ Перевод с англ. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
10. Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М., 2001. 590 с.
11. Решетников М.М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008. 128 с.
12. Кожев А. В. Понятие власти / Пер. с фр. А. М. Руткевича. М.: Практис, 2007. (Новая наука политики)

References

1. Shakhodanova O.Yu. *Tsentral'nye i mestnye organy upravleniya Zapadnoy Sibir'yu v kontse XVI – nachale XVIII vv.* [Central and local governing bodies of Western Siberia in the late XVI – early XVIII centuries]. Abstract. Diss. For the competition. Step. Ph.D. Tyumen, 2000; Simachkova N.V. *Stanovlenie voevodskoy sistemy upravleniya v Sibiri v kontse XVI-nachale XVII vv.* [The formation of the voivodship management system in Siberia at the end of the 16th and beginning of the 17th centuries]. Abstract Thesis for the degree of candidate of historical sciences. Nizhnevartovsk, 2002.
2. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. М.; Л., 1937–1941.
3. Ogloblin N.N. *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768)* [Review of columns and books of the Siberian Order (1592–1768)], 1825; Gazenwinkel K. B. *Knigi razryadnye v ofitsial'nykh ikh spiskakh, kak material dlya istorii Sibiri XVII veka* [Discharge books in their official lists, as material for the history of Siberia in the 17th century]. Kazan, 1892; Bakhrushin S.V. *Voevody Tobol'skogo razryada v XVII v.* [Governors of the Tobolsk rank in the XVII century]. Scientific works. М., 1955. V. 3. Part 1, pp. 252–253.

4. Chichirin B.N. *Oblastnye Uchrezhdeniya Rossii v XVII v.* [Regional Institutions of Russia in the XVII century]. М., 1856.
5. Gradovsky A.D. *Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii* [History of local government in Russia]. St. Petersburg, 1868. V. 1; Andrievsky I.A. *O namestnikakh, voevodakh i gubernatorakh* [About governors, governors and governors]. SPb., 1864.
6. Bogoslovskiy M.M. *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe v XVII v.* [Zemsky self-government in the Russian North in the XVII century]. М., 1912. V. 1–2.
7. Alexandrov V.A., Pokrovsky N.N. *Power and society. Siberia in the 17th century* Novosibirsk, 1991.
8. Vershinin E.V. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII)* [Governor's Office in Siberia (XVII)]. Ekaterinburg, 1998. P. 16; 49.
9. Fromm E. *Revoliutsiya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuziy* [The revolution of hope. Getting rid of illusions]. Moscow: Airis-press, 2005. 352 p.
10. Geveling L.V. *Kleptokratiya. Sotsial'no-politicheskoe izmerenie korruptsii i negativnoy ekonomiki. Bor'ba afrikanskogo gosudarstva s destruktivnymi formami organizatsiy vlasti* [Kleptocracy. The socio-political dimension of corruption and the negative economy. The struggle of the African state with destructive forms of power organization]. Moscow, 2001. 590 p.
11. Reshetnikov M.M. *Psikhologiya korruptsii: utopiya i antiutopiya* [The Psychology of Corruption: Utopia and Anti-Utopia]. SPb: East European Institute of Psychoanalysis, 2008. 128 p.
12. Kozhev A.V. *Ponyatie vlasti* [Concept of power] / Transl. with fr. A.M. Rutkevich. М.: Praxis, 2007.

ДАнные об авторах

Еланцева Ольга Павловна, доцент, кандидат исторических наук,
доцент
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
oelanceva@mail.ru

Шаходанова Ольга Юрьевна, доцент, кандидат исторических наук
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
scho_scho@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elantseva Olga Pavlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation
oelanceva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5480-6806

Shakhodanova Olga Yuryevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation
scho_scho@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7503-9503

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-28-47

УДК 63.3(2)51

КРЕДИТНЫЙ РЫНОК ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Назырова Е.А., Шелкоплясова Н.И.

Цель. Статья посвящена исследованию провинциального уровня финансово-кредитной системы в пореформенную эпоху. Предметом анализа выступает процесс становления и функционирования кредитных учреждений Тульской губернии второй пол. XIX – начала XX вв.

Методы и методология проведения работы. Методологической основой исследования являются принципы историзма и системности, которые реализуются с помощью историко-генетического, историко-типологического, аналитического методов.

Результаты. В Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. функционировали государственные, частно-публичные кредитные организации, микрофинансовые институты кредитной кооперации. Отделение Государственного банка можно отнести к классическому депозитному банку. Отделения Государственного Крестьянского поземельного и Государственного Дворянского земельного банков были призваны оказывать содействие аграрному сектору региональной экономики. С целью создания благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства открывались частные коммерческие банки. Для оптимизации источников финансирования хозяйственной и социально-культурной деятельности органов местного самоуправления учреждались Городские общественные банки. Проблемы широких слоев населения призваны были решать сберегательные кассы и учреждения кредитной кооперации мелких производителей. Таким образом, механизм доступного кредитования в губернии был отлажен и, в целом, успешно функционировал. Вместе с тем, стоит отметить, что

периодически наблюдались сбои в его работе, обусловленные несовершенством законодательной базы, недостаточным обеспечением компетентными специалистами, отсутствием должного контроля со стороны регулятора. Ситуация на Тульском рынке кредитования в данный период времени соответствовала общероссийской тенденции. Удовлетворительное состояние банковского дела в промышленно развитой губернии Центрального Черноземья можно рассматривать как фактор устойчивого социально-экономического развития Тульской губернии второй половины XIX – начала XX вв.

Область применения результатов. *Итоги проведенного исследования могут найти применение в исторической науке, исследующей особенности функционирования кредитных учреждений в разных регионах Российской империи, и краеведении в рамках изучения особенностей экономического развития Тульской губернии второй пол. XIX – начала XX вв. в целом, и банковского сектора, в частности.*

Ключевые слова: *кредитные учреждения; банки; социально-экономическое развитие; Тульская губерния; вторая половина XIX – начало XX веков.*

CREDIT MARKET OF THE TULA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Nazirova E.A., Shelkopyasova N.I.

Purpose. *The article is devoted to the study of the provincial level of the financial and credit system in the post-reform era. The subject of analysis is the process of formation and functioning of credit institutions of the Tula province of the second half. XIX – beginning of XX centuries. The authors aim to consider the influence of the state of the credit market on the socio-economic development of the region.*

Methodology. *The methodological basis of the study is the principles of historicism and system city, which are implemented using historical-genetic, historical-typological, analytical methods.*

Results. *In the Tula province in the second half. XIX – beginning of XX centuries. State, private-public credit organizations, microfinance institutions of credit cooperation functioned. A branch of the State Bank can be attributed to a classic deposit bank.*

Branches of the State Peasant Land and State Noble Land Banks were called upon to assist the agricultural sector of the regional economy. In order to create favorable conditions for the development of small and medium enterprises, private commercial banks were opened. To optimize the sources of financing the economic and socio-cultural activities of local authorities, City public banks were established. The problems of the general population were intended to be solved by savings banks and credit cooperation institutions of small producers. Thus, the mechanism of affordable lending in the province was debugged and, on the whole, successfully functioned, however, it is worth noting that interruptions in its work were periodically observed due to the imperfection of the legislative base, insufficient provision of competent specialists, and lack of proper control by the regulator. The situation in the Tula lending market in this period of time corresponded to the all-Russian trend. The satisfactory state of banking in the industrially developed province of the Central Black Earth Region can be considered as a factor in the sustainable socio-economic development of the Tula province the second half of the XIX – beginning of XX centuries.

Practical implications. *The results of the study can be used in historical science, which studies the features of the functioning of credit institutions in different regions of the Russian Empire, and local history, in the framework of studying the characteristics of the economic development of the Tula province of the second half. XIX – early XX centuries. In general, and the banking sector, in particular.*

Keywords: *Credit institutions; banks; socio-economic development; Tula province; the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries.*

Введение

Банковская система является одним из ключевых элементов, определяющих темпы экономического развития государства. Во второй половине XIX в. данный сектор российской экономики на-

ходился в состоянии структурной перестройки. Банковская система, включая общероссийский и региональный уровни, динамично развивалась. Однако в настоящее время научное знание обладает минимальным объемом информации о генезисе регионального уровня этого основополагающего элемента экономической системы Российской империи.

К середине XIX в. российская банковская система, состоявшая из государственных кредитных организаций, находилась на грани краха. Одной из причин данного состояния явился отзыв денежных средств, обусловленный их вложением в развитие промышленности и железных дорог. В сложившейся обстановке правительственная комиссия, изыскивающая пути выхода из кризиса, пришла к выводу о необходимости допущения частной инициативы в банковскую сферу. В результате ее реформирования, осуществляемого путем заимствования европейского опыта, во второй половине XIX в. была сформирована стабильно функционирующая трехуровневая система, состоящая из государственных кредитных учреждений, частных и общественных банков и микрофинансовых учреждений кредитной кооперации. За короткий промежуток времени сеть банковских учреждений покрыла всю страну. Сфера деятельности кредитных учреждений различалась. «Деловые», акционерные банки обеспечивали функционирование крупной промышленности, кредитовали масштабные торговые операции, работали с иностранным капиталом. С 1864 по 1873 гг. в стране было учреждено около 40 акционерных банков, особое место среди них занимали кредитные учреждения Петербурга, Москвы и Варшавы.

Ряд банков функционировал только на региональном уровне. Микрофинансовые учреждения кредитной кооперации призваны были удовлетворить потребность широких слоев народных масс в доступных кредитах.

Ряд историков – Я.А. Васильев, А.К. Кириллов, Б.А. Иванов, А.С. Чумакова – исследовали особенности становления банковского сектора экономики в таких регионах, как Западная Сибирь, Новгородская, Тверская, Симбирская губернии. К сожалению, бан-

ковская сфера Тульской губернии недостаточно изучена. С целью устранения этого пробела и было проведено данное исследование.

Материалы и методы

Источниковая база статьи основана на неопубликованных документах Государственного учреждения «Государственных архив Тульской области» (ГУ ГАТО), опубликованных материалах адрес-календарей, обзоров, памятных книжек, изданных в разные годы, информации периодической печати. Перечисленные источники позволяют в полной мере получить представление о состоянии регионального уровня банковской системы в Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Исследование проводилось с применением историко-сравнительного, историко-генетического, историко-типологического, аналитического методов.

Систематизация собранной информации позволила проследить процесс становления регионального уровня кредитной системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Историко-типологический метод использовался в процессе установления типичных и особенных признаков деятельности различных кредитных учреждений.

Применение историко-сравнительного метода дало возможность определить степень взаимодействия государственного и регионального уровней банковской системы.

Историко-генетический и аналитический методы были применены с целью выявления влияния банковского сектора на социально-экономическое развитие региона.

Результаты и их обсуждение

Региональный уровень банковской системы был представлен всеми формами кредитных организаций, функционировавшими в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Тульское отделение Государственного банка было учреждено 1 мая 1882 г. В нем открывались и обслуживались текущие счета;

принимались вклады на срок 5–10 лет под 3% годовых и бессрочные под 4,5%; производился учет векселей и иных срочных бумаг и обмен ветхих купюр; выдавались ссуды, не превышавшие 5 000 руб., на срок до 9 месяцев под процентные бумаги и кредиты под залог сахара и зерна в размере 40% стоимости товара на срок до 6 месяцев [11, с. 14]. Кредитное учреждение также могло оказать содействие в переводе денежных средств в размере не менее 25 руб. с помощью переводных билетов под 1/8% и телеграфа под 4% [7, л. 8]. Долгие годы в банке служили: в должности управляющего – барон Г.Г. Дрезен; контролеров – В.И. Такмаков и В.И. Федутинов; кассиров – П.В. Андреев и Г.С. Зарубин; бухгалтера – Д.Т. Ветренко.

С целью содействия в решении аграрного вопроса в 1882 г. правительством учрежден Государственный Крестьянский поземельный банк, который должен был кредитовать покупку помещичьей земли сельскими общинами и отдельными домохозяйствами [32, с. 77]. Операции по выдаче ссуд на срок от 13 до 50 лет начали производиться 10 апреля 1883 г. В стране в этот период времени функционировали 11 территориальных отделений Государственного Крестьянского поземельного банка. К 1895 г. их численность выросла до 43 [26, с. 168].

Кредитование в Государственном Крестьянском поземельном банке обходилось заемщикам гораздо дороже, чем в других банках. Так, в 1897 г. ссуды в данной кредитной организации выдавались под 7,5–8,5%, в то время, как в Государственном Дворянском земельном банке под 3,5% годовых [3, с. 39]. Несмотря на менее выгодные условия кредитования, с 1883 по 1895 гг. при посредничестве Государственного Крестьянского поземельного банка было оформлено 14 924 сделки стоимостью 82,4 млн. руб., по итогам которых крестьяне стали собственниками 2 411 700 десятин земли [4, с. 258]. Деятельность данного банка на фоне других кредитных учреждений выглядит скромно. Так, в 1895 г. на Государственный Крестьянский поземельный банк приходилось лишь 11,6% от общероссийского объема банковских операций; количество выданных ссуд составляло 3,8%; площадь заложенных земель – 4,5% [14, с. 110].

В Тульской губернии отделение Государственного Крестьянского поземельного банка открыли только в 1887 г. Управляющим был назначен В.Г. Ульяновский, функции бухгалтера выполнял И.А. Давыдов [20, с. 54].

С момента учреждения по 1899 г. при содействии Тульского отделения Государственного Крестьянского поземельного банка были заключены только 258 сделок на сумму 2 289 937 руб. 65 коп. «Крестьяне приобрели 25 062 десятины 2 263 кв. сажени земли. Банк предоставил 1 916 967 руб., что составило 84%. Лишь 16% от стоимости покупки, в размере 372 970 руб. 65 коп.», приходилось на денежные средства крестьян [33, с. 333]. Стоит подчеркнуть, что с 1899 по 1901 гг. количественные показатели увеличились в 2,5 раза и составили 727 сделок. 45 697 крестьян стали собственниками 54 557 дес. земли [16, с. 437].

В период с 1906 по 1917 гг., в рамках Столыпинской аграрной реформы, деятельность банка еще более активизировалась. Руководствуясь указом от 5 июля 1912 г. «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель», банки стали выдавать денежные средства и под приобретаемые наделы [27, л. 10]. В результате чего к концу 1913 г. было заключено 8 600 ипотечных договоров на сумму 1,5 млн. руб. В залоге у Тульского отделения Государственного Крестьянского поземельного банка находились наделы «одного товарищества, 21 имения и 20 индивидуальных владений» [33, с. 333]. Платежи по кредиту крестьянами Тульской губернии, в основном, вносились вовремя. Просрочка в 1913 г. составляла 17% и равнялась 266 867 руб. [16, с. 438].

Ещё с 1895 г. Тульское отделение Государственного Крестьянского поземельного банка начало приобретать землю с целью ее последующей реализации. К 1913 г. фонд был распродан. Банк реализовал «82 018 десятин земли из 84 732 десятин. 58 630 десятин стали собственностью частного лица. Учреждения купили 2 877 десятин земли. Товарищества и общества приобрели 20 485 дес., 26 десятин банк уступил безвозмездно» [12, с. 16].

С целью содействия в преобразовании структуры дворянского землевладения и передачи имений в руки предприимчивых хозяй-

ственников в 1885 г. правительством учреждается Государственный Дворянский земельный банк. С 1891 по 1897 гг. в его Московском отделении могли получить кредит не только помещики Московской губернии, но и Владимирской, Костромской, Тверской, Тульской, Ярославской.

15 февраля 1897 г. отделение Государственного Дворянского земельного банка в составе управляющего, членов-оценщиков и членов от дворянства заработало в Туле [6, л. 1]. Банк располагался на ул. Киевской, в доме братьев Ермолаевых-Зверевых. Если в 1897 г. в Тульском отделении Государственного Дворянского земельного банка, возглавляемом А.П. Сухотиным, служило несколько человек, то в 1917 г. в данном отделении кредитного учреждения под управлением И.А. Жедринского работало уже 45 человек [23, с. 23]. Служащие кредитного учреждения принимали заявления от потенциальных заемщиков; проверяли подлинность залоговых документов и корректность оценивания имений; готовили заключения о выдаче кредита, которые затем представлялись Совету банка для принятия окончательного решения; осуществляли контроль за ходом выполнения обязательств, принятых заемщиками; рассматривали заявления о предоставлении рассрочек от лиц, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах [6, л. 1].

Управляющего и членов-оценщиков назначало Министерство финансов. Члены от дворянства выбирались Губернским дворянским собранием на три года. В функциональные обязанности управляющего входил контроль за точным исполнением банковскими служащими Положения о банке, указов и инструкций Министерства финансов. Кроме того, он представлял для назначения кандидатуры членов-оценщиков, занимавшихся описью и оценкой земли, подлежавшей залогу.

Помимо указанных выше отделений государственных банков 1849 г. в Тульской губернии функционировали сберегательные кассы. В Российской империи подобные кредитные учреждения создавались на основании решения Государственного Совета при Приказах общественного призрения с 1846 г. Свидетельство об уч-

реждении сберегательной кассы в г. Туле было размещено в 36 номере газеты «Тульские губернские ведомости» от 3 сентября 1849 г. [30, с. 3]. Услугами данного кредитного учреждения пользовались мещане и крестьяне, чиновники и дворовые люди, лица духовного звания и военнослужащие. С 1849 по 1862 гг. в Тульской сберегательной кассе № 132 было открыто 23 448 вкладов [8, л. 8].

С 1862 г. все сберегательные кассы страны были переданы Государственному банку России. Тульская сберегательная касса с этого времени находилась в ведении Тульской казенной палаты. Прибыль кредитных организаций образовывалась за счет разницы между процентами по вкладам и доходностью 5%-х облигаций, в которые вкладывались привлеченные средства.

С 1863 по 1881 гг. сберегательные кассы Российской империи находились в затажном кризисе, одной из причин данного состояния явились низкие процентные ставки по вкладам. Сберегательные кассы предлагали 3% годовых, в то время как банки – 5–6%. Если 1 января 1863 г. на счетах Тульской сберегательной кассы № 132 размещалось 305 447 руб. 33,5 коп., то через год только 296 854 руб. 38,5 коп. [19, с. 23]. К 1872 г. объем денежных средств уменьшился до 3 347 руб. 73,5 коп. [33, с. 333].

Государственные кредитные учреждения являлись не единственными представителями рынка кредитования, кроме них ссуды предоставляли и городские общественные банки.

С 1846 по 1890 гг. в Туле функционировал Александринский Тульский банк [22, с. 4]. Открыт он был с целью финансирования деятельности детского приюта и дома престарелых, состоявших под высочайшим покровительством Государыни Императрицы. Уставным капиталом послужили имеющиеся финансовые ресурсы учреждений в размере 20 тыс. руб. серебром. Позднее фонд увеличился за счет средств Тульской городской думы и сиротского суда. Деятельность Александринского Тульского банка курировал Попечительский совет во главе с губернатором.

На фоне промышленного подъема 60–70-е гг. XIX в. в ряде уездных городов Тульской губернии, таких как Ефремов, Епифань,

Богородицк, Крапивна, Белёв, Алексин, Кашира, Одоев, Венёв, Новосиль, для «нужд удовлетворения общих по хозяйству города надобностей» стали учреждаться городские общественные банки.

Уставным капиталом выступили денежные средства запасных фондов городов. В ряде населенных пунктов учреждение банков стало возможно благодаря пожертвованию богатых предпринимателей. Так, капитал Крапивенского банка состоял из средств тульских купцов: Ивана Белобородова, Никиты Зотова, потомственного гражданина Демьяна Тимофеевского, почетного гражданина Михаила Немчинова; крапивенских купцов: Алексея Астафьева, Петра Юдина, Григория Баркова, братьев Залесковых [1, с. 226–227].

Уставной капитал Белевского общественного банка был внесен потомственным почетным гражданином, белевским купцом второй гильдии Амвросием Ивановичем Прохоровым.

6 ноября 1870 г. был открыт «Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк», получивший название в честь отца его основателей – Ивана и Петра Сушкиных. Уставной капитал, изначально составлявший 15 000 руб., за 10 лет функционирования банка увеличился до 515 356 руб. [10, л. 5].

Городские общественные банки осуществляли учет векселей, прием вкладов от представителей всех сословий, выдавали ссуды под залог ценных бумаг, городской недвижимости, вещей, не подлежащих порче. Прибыль от банковских операций должна была идти на расходы, связанные с хозяйственной жизнью населенных пунктов, на пособия неимущим к праздникам, на финансирование попечительных заведений и вопросы воспитания по усмотрению городского общества.

Деятельность не всех общественных банков была успешной. Экономический кризис 1881–1882 гг. особенно болезненно отразился на городских общественных банках в силу их институциональных особенностей. Они не могли выпускать акции и тем самым привлекать дополнительные средства. Кроме того, отдельные руководители шли на нарушение банковского законодательства, что также приводило к разорению.

В 1879 г. обанкротился Ефремовский общественный банк. В 1884 г. был признан банкротом Каширский общественный банк. В июне 1886 г. Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк был признан Тульским окружным судом несостоятельным. Убытки данного кредитного учреждения составили 1 400 000 руб. при основном капитале в 515 тыс. руб. и запасном в 180 тыс. руб., при этом не весь запасный капитал состоял из ценных бумаг, гарантированных правительством [9, л. 7].

В этом же году обанкротились еще два общественных банка: 22 января – Алексинский общественный банк, а 8 февраля – Одоевский общественный банк [20, с. 14]. Тульский Александринский банк был закрыт в 1890 г. [22, с. 4].

Несмотря на то, что Положение о городских общественных банках от 1883 г. ужесточило требования к кредитным учреждениям и установило контроль со стороны Минфина и МВД, с 1883 по 1894 гг. в стране разорились 44 общественных городских банка [13, с. 66]. Из 12 городских общественных банков Тульской губернии устояли только четыре. Лишь Крапивенский, Белевский, Веневский, Новосильский уездные общественные банки продолжали работу до 1917 г.

Наиболее массовым элементом трехуровневой банковской системы Российской империи являлись микрофинансовые институты кредитной кооперации, осуществляемой в различных формах [15, с. 57]. Начальный капитал мог формироваться из средств, выделенных Государственным банком, общественными организациями, земскими учреждениями. Первые учреждения мелкого кредита появились в стране в 1865 г., в Тульской губернии – в 1877 г. [31, с. 112]. Именно в этом году было учреждено Денисовское ссудо-сберегательное товарищество Денисовской волости Тульского уезда [28, с. 7].

В конце XIX в. в стране функционировали «11 союзов мелкого кредита, 3 528 ссудо-сберегательных и 9 952 кредитных товариществ, 6 476 кредитных организаций крестьян, 203 земские кассы» [2, с. 329].

В 1904 г. был принят Закон о мелком кредите, согласно которому все учреждения кредитной кооперации могли выдавать ссуды

своим членам, принимать деньги на хранение, брать займы для нужд участников.

В Тульской губернии вплоть до аграрной реформы Столыпина учреждения мелкого кредита в крестьянской среде не пользовались популярностью. Так, в 1905 г. функционировало четыре кредитных и семь ссудо-сберегательных товариществ. Аграрная реформа стимулировала развитие кредитных учреждений. Крестьяне нуждались в денежных средствах для приобретения или аренды земли, покупки скота и инвентаря. В сентябре 1908 г. в Тульской губернии число кредитных товариществ достигло 50, ссудо-сберегательных товариществ – восемь.

Предпочтение такой формы кооперации, как кредитное товарищество, было обусловлено тем, что в ссудо-сберегательном товариществе все участники вносили денежные паи, а для вступления в кредитное товарищество денежных сборов не предполагалось. Их капитал был не паевым, а заемным. Формировался он из ссуд Госбанка под 6% годовых со сроком выплаты до 13 лет. Кредитное товарищество выдавало ссуду уже под 12% годовых. Состояло в нем, в среднем, 400 членов. Учреждение находилось под контролем Тульского отделения Госбанка. В 1910 г. практически ежемесячно открывались по три учреждения. К сентябрю 1911 в 266 волостях насчитывалось 138 кредитных товариществ, а к январю 1915 г. – уже около 200 [28, с. 8]. Несмотря на бурное развитие промышленности в Тульской губернии, большая часть населения занималась сельским хозяйством. Так, на 1 января 1914 г. численность населения региона составляла 2 010 749 чел., сельское население насчитывало 1 800 471 чел., городское – 210 000 чел., из них 131 236 чел. проживали в Туле [17, с. 24]. Крестьянские кредитные организации преобладали в системе мелкого кредита. Они успешно функционировали в Тульской губернии вплоть до событий 1917 г. Так, согласно отчету губернской земской кассы, за 1916 г. вклады 1 124 участников составили 2 074 320 руб., прибыль кассы – 88 608 руб. 86 коп. [29, с. 3–9]. В 1916 г. в Туле был образован Банк объединенных кредитных кооперативов под руководством Московского народного банка.

Другим микрофинансовым институтом кредитной кооперации являлись ссудо-сберегательные кассы служащих и рабочих. Они создавались при различных казенных и частных учреждениях, обществах, банках, заводах и фабриках.

С 1875 г. действовала ссудо-сберегательная касса служащих в Тульской палате и Тульском губернском казначействе, с 1886 г. – в Тульско-Калужском акцизном управлении, с 1897 г. – в Богородицком уездном съезде. В 1907 г. были зарегистрированы кассы служащих в Тульской губернской типографии и городском полицейском управлении. В 1910 г. был утвержден устав ссудо-сберегательной кассы для лиц, служащих по вольному найму, а также мастеровых и рабочих Императорского Тульского оружейного завода. 7 ноября 1912 г. на меднопрокатном и патронном заводах были учреждены «ссудо-сберегательная и вспомогательная кассы служащих на случай оставления ими службы». Работали кассы на основании собственных уставов, утвержденных министерством финансов. Они принимали вклады и выдавали ссуды.

Средства кассы составляли оборотный и вспомогательный капиталы. Источников оборотного капитала было несколько: обязательные ежемесячные взносы из содержания по службе; добровольные вклады членов; проценты с ссуд (выдавались на срок не больше девяти месяцев под 6% годовых); проценты по капиталам кассы, размещенным в кредитные учреждения или обращенным в процентные бумаги; прибыль по добровольным вкладам; случайные поступления; средства, пожертвованные учредителями кассы; пени за просрочку ссудного долга. На отсрочку уплаты по ссуде давалась всего неделя. Делами касс управляли правление и общее собрание.

В кредитовании нуждались также и представители малого и среднего бизнеса. С целью обеспечения деятельности ремесленников и кустарей доступными источниками финансирования в 1897 г. при посредничестве Государственного банка стали открываться заведения мелкого кредита как в товарной форме, так и в форме кредитных и ссудо-сберегательных товариществ.

В 1914 г. в Тульской губернии действовали 222 кредитных товарищества ремесленников и кустарей, из которых 201 было открыто отделением Госбанка и 21 – попечением земства [18, с. 8].

20 апреля 1914 г. Тульское отделение Госбанка в лице управляющего отделением И.А. Скворцова издало циркуляр № 1140, в котором подробно излагались условия пользования кредитом из Госбанка и ссудами из правительственных источников. Правлениям кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, кредитующимся в Тульском отделении Государственного банка, сообщалось, что «основанием для поддержки учреждений мелкого кредита являются ссуды на производственные нужды, а не на личные нужды заемщиков, торговлю или уплаты старой ссуды. Непроизводительные ссуды являются недопустимыми, необходимо полностью и ежегодно погашать долги, не допускаются расплаты путем позаимствований» [24, с. 1–16]. Циркуляр содержал также информацию о мерах надзорного характера за пользовавшимися кредитами учреждениями и о правах инспекторов мелкого кредита.

Несмотря на то, что на микрофинансовые институты кредитной кооперации приходилось гораздо меньше учетно-ссудных и депозитных операций, именно они, охватив широкие слои населения, в конце XIX в., стали «институциональной основой» банковской системы Российской империи.

Выводы

Общесистемные изменения государственного уровня банковской сферы нашли отражение в промышленно развитой губернии Центрального Черноземья. Региональный уровень кредитно-банковской системы был достаточно развит. Учреждения краткосрочного кредита кредитовали промышленность и торговлю. Учреждения долгосрочного ипотечного кредита предоставляли денежные средства под залог земли и городской недвижимости.

Банки обеспечивали доступным кредитом не только различные сегменты товарного рынка, но и органы местного самоуправления.

Несмотря на успешное развитие промышленности, Тульская губерния была преимущественно аграрной. Крестьянские хозяйства,

получившие мощный импульс в ходе преобразований, нуждались в земле, усовершенствованной технике, семенах. Приобрести все это без доступных кредитов было крайне затруднительно. С целью решения задач, стоявших перед мелкими и средними производителями, стали открываться учреждения кредитной кооперации, которые успешно функционировали вплоть до 1917 года.

Таким образом, к началу XX в. в Тульской губернии функционировали учреждения коммерческого кредита, кредитующие промышленность и торговлю; учреждения, кредитующие под залог движимого имущества – ломбарды, учреждения кредитной кооперации мелких производителей и государственные кассы, привлекавшие средства мелких вкладчиков. Тульский рынок кредитования был достаточно развит. Доступные кредиты способствовали социально-экономическому развитию региона. Тульская губерния, являясь неотъемлемой частью Российской империи, следовала в русле общероссийских тенденций. Доступные кредиты способствовали развитию промышленности и сельского хозяйства, улучшению благосостояния населённых пунктов и отдельных домохозяйств.

Список литературы

1. Адрес-календарь Тульской губернии на 1868 г. Тула, 1869. 227 с.
2. Андрюшин С.А. Банковские системы. М.: ИНФРА-М, 2011. 384 с.
3. Вдовин В.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1885 гг.). М.: Госфиниздат, 1959. 107 с.
4. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948. 466 с.
5. Государственное управление Государственный архив Тульской области (ГУ ГАТО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.
6. ГУ ГАТО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.
7. ГУ ГАТО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
8. ГУ ГАТО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
9. ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.
10. ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 5
11. Деловая Россия. Тула. 1896. 21 с.

12. Деятельность Крестьянского банка в Тульской губернии за 1911–1913 гг. Тула. 1913. 65 с.
13. Ефимкин А.П. Государственный надзор за кредитными учреждениями России // Деньги и кредит. 2007. №6. С. 65–69.
14. Кисмина Е.В. Государственные банки в системе кредита Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 5 (115). С. 103–111.
15. Левичева И.Н. Особенности становления банковской системы России во второй половине XIX века // Деньги и кредит. 2002. №10. С. 56–65.
16. Назырова Е.А., Шелкоплясова Н.И. Развитие ипотечного кредитования в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. (на примере Тульской губернии) // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2018. С. 436–438.
17. Обзор Тульской губернии за 1913 год. Тула. 1915. 198 с.
18. Обзор Тульской губернии за 1914 год. Тула. 1916. 201 с.
19. Памятная книжка Тульской губернии за 1864 г. Тула, 1865. 230 с.
20. Памятная книжка Тульской губернии за 1887 г. Тула, 1888. 236 с.
21. Памятная книжка Тульской губернии за 1888 г. Тула, 1888. 228 с.
22. Памятная книжка Тульской губернии за 1900 г. Тула, 1901. 237 с.
23. Памятная книжка Тульской губернии за 1917 г. Тула, 1917. 230 с.
24. Правлениям кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, кредитующимся в Тульском отделении Государственного банка. Тула, 1914. 21 с.
25. Проскуракова Н. Ипотека в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 1995. №9. С. 9-17
26. Пчелинников А.Г. История зарождения банковских правоотношений в России // МФЮА. 2014. №4. С. 166–170.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 592. Оп. 44 Д. 521. Л. 10.
28. Сахаров А.Н. Беседа о мелком кредите. Тула: Тул. губ. земство, 1908. 26 с.
29. Тульская губернская касса мелкого кредита за 1916 год. Тула, 1917. 31 с.

30. Тульские губернские ведомости. 1849. № 36.
31. Уразова С.А. Генезис банковской системы России: системно-эволюционный аспект. Ростов на/Д, 2007. 167 с.
32. Фадейкина Н.В., Демчук И.Н. Эволюция банковской системы России // Банковское дело. 2010. № 4. С. 76–84.
33. Nazirova E. A., Shelkoplyasova N. I. Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province). *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1, pp. 325–336.

References

1. *Adres-kalendar 'Tul'skoy gubernii na 1868 yr* [Address-calendar of Tula province for 1868]. Tula, 1869. p. 227.
2. Andryushin S.A. *Bankovskiy sistem* [The banking system]. Moscow: INFRA-M, 2011. 384 p.
3. Vdovin V.A. *Krest'yanskiy pozemel'nyy bank (1883–1885 yr.)* [The peasant land Bank]. Moscow: Gosfinizdat, 1959. 107 p.
4. Gindin I.F. *Russkiye kommercheskiye banki. Iz istorii finansovogo kapitala v Rossii* [Russian commercial bank. From the history of financial capital in Russia]. Moscow: Gosfinizdat, 1948. 466 p.
5. *Gosudarstvennoye upravleniye Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti* [State governance State archive of the Tula region (GU GATO)]. F. 39. Op. 1. D. 169. L.1.
6. *GU GATO*. F. 39. Op. 1. D. 169. L. 1.
7. *GU GATO*. F. 120. Op. 1. D. 2. L. 8.
8. *GU GATO*. F. 122. Op. 1. D. 1. L. 8.
9. *GU GATO*. F. 156. Op. 1 D. 19. L. 7.
10. *GU GATO*. F. 364. Op. 1 D. 1. L. 5
11. *Delovaya Rossiya* [Business Russia]. Tula. 1896. 21 p.
12. *Deyatel'nost' Krest'yanskogo banka v Tul'skoy gubernii za 1911–1913 yr.* [Activities of the Peasant Bank in the Tula province in 1911–1913]. Tula. 1913. 65 p.
13. Efimkin A.P. Gosudarstvennyy nadzor za kreditnymi uchrezhdeniyami Rossii [State supervision of credit institutions in Russia]. *Den'gi i kredit*, no 6 (2007): 65–69.

14. Kismina Ye.V. Gosudarstvennyye banki v sisteme kredita Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v [State banks in the credit system of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no 5 (2014): 103–111.
15. Levicheva I.N. Osobennosti stanovleniya bankovskoy sistemy Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [Features of the formation of the Russian banking system in the second half of the XIX century]. *Den'gi i kredit*, no 10 (2002): 56–65.
16. Nazyrova Ye.A., Shelkoplyasova N.I. Razvitiye ipotechnogo kreditovaniya v rossiyskoy provintsii na rubezhe XIX–XX vv (na primere Tul'skoy gubernii) [Development of mortgage lending in the Russian province at the turn of the XIX–XX centuries. (Tula province as an example)]. *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta*. Tula: Izdatel'stvo Prompilot, 2018, pp. 436–438.
17. *Obzor Tul'skoy gubernii za 1913 god* [A review of the Tula province for 1913]. Tula, 1915. 198 p.
18. *Obzor Tul'skoy gubernii za 1914 god* [A review of the Tula province for 1914]. Tula, 1916. 201 p.
19. *Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1864 yr.* [Memorial book of the Tula province for 1864]. Tula, 1865. 230 p.
20. *Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1887 yr.* [Memorial book of the Tula province for 1887]. Tula, 1888. 236 p.
21. *Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1888 yr.* [Memorial book of the Tula province for 1888]. Tula, 1888. 228 p.
22. *Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1900 yr.* [Memorial book of the Tula province for 1900]. Tula, 1901. 237 p.
23. *Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1917 yr.* [Memorial book of the Tula province for 1917]. Tula, 1917. 230 p.
24. *Pravleniyam kreditnykh i ssudo-sberegatel'nykh tovarishchestv, kredituyushchimsya v Tul'skom otdelenii Gosudarstvennogo banka* [To the boards of credit and savings and loan associations that are credited in the Tula branch of the State Bank]. Tula, 1914. 21 p.
25. Proskuryakova N. Ipoteka v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Mortgage in Russia in the late XIX – early XX century]. *Voprosy istorii*, no 9(1995): 9–17.

26. Pchelinnikov A.G. Istoriya zarozhdeniya bankovskikh pravootnosheniy v Rossii [History of the origin of banking relations in Russia]. *MFYUA*, no 4 (2014): 166–170.
27. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* (RGIA). F. 592. Op. 44 D. 521 L. 10.
28. Sakharov A.N. *Beseda o melkom kredite* [Conversation about small loans]. Tula: Tul. gub. zemstvo, 1908. 26 p.
29. *Tul'skaya gubernskaya kassa melkogo kredita za 1916 god* [Tula provincial cash register of small credit for 1916]. Tula, 1917. 31 p.
30. *Tul'skiye gubernskie vedomosti* [Tul'skie Gubernskie Vedomosti], no 36 (1849).
31. Urazova S.A. *Genezis bankovskoy sistemy Rossii: sistemno-evolyutsionnyy aspekt*. [Genesis of the Russian banking system: system-evolutionary aspect] Rostov-on-Don, 2007. 167 p.
32. Fadeykina N.V., Demchuk I.N. Evolyutsiya bankovskoy sistemy Rossii [Evolution of the Russian banking system]. *Bankovskoye delo*, no 4 (2010): 76–84.
33. Nazirova E.A., Shelkoplyasova N.I. Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province). *Vlye Gody*, no 51 (2019): 325–336.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Назырова Екатерина Александровна, доцент кафедры «Философия, история и право», кандидат исторических наук
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации (Тульский филиал)
ул. Оружейная, 1а, г. Тула, Тульская область, 300012, Российская Федерация
ENazyrova@fa.ru

Шелкоплясова Надежда Ивановна, доцент кафедры «Философия, история и право», кандидат исторических наук
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации (Тульский филиал)

ул. Оружейная, 1а, г. Тула, Тульская область, 300012, Российская Федерация
Schelkopliasova2015@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nazirova Ekaterina Aleksandrovna, Associate Professor of the Department “Philosophy, History and Law”, candidate of historical sciences, PhD in History
Financial University under the government of the Russian Federation (Tula branch)
1a, Oruzheynaya Str., Tula, Tul'skaya Region, 300012 Russian Federation
ENazyrova@fa.ru
SPIN-code: 1951-3837
ORCID: 0000-0002-0099-5920
Researcher ID: AAI-2318-2020
Scopus Author ID: 57208386283

Shelkoplyasova Nadezhda Ivanovna, Associate Professor of the Department “Philosophy, History and Law”, PhD in History
Financial University under the government of the Russian Federation (Tula branch)
1a, Oruzheynaya Str., Tula, Tul'skaya Region, 300012 Russian Federation
Schelkopliasova2015@yandex.ru
SPIN-code: 7384-8102
ORCID: 0000-0002-9296-7731
Researcher ID: AAI-2330-2020
Scopus Author ID: 57208386283

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-48-68

УДК 02(091)

ПРОФЕССОРА-БИОЛОГИ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОХРАНИВШИЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ИХ ЛЕКЦИЙ

Жарова Е.Ю.

Цель. Целью статьи является систематизация полученных данных о сохранившихся экземплярах профессорских лекций в архивах и библиотеках.

Метод и методология. Основные методы, примененные при написании статьи, – это методы объективности, источниковедческого анализа и сравнительный.

Результаты. Профессорская лекция как отражение научного потенциала профессора должна рассматриваться не только сама по себе, но и в контексте сохранившихся мемуарных упоминаний о том, какое воздействие профессор, ее прочитавший, имел на аудиторию. Сохранившиеся экземпляры лекций отечественных дореволюционных профессоров-биологов не являются многочисленными. Особенно это касается первой половины XIX в., когда в университетах было много иностранных профессоров, лекции которых в связи с недостаточным знанием иностранных языков студентами были трудными для восприятия. Среди известных нам сохранившихся лекций этого периода доступны только лекции русскоязычных профессоров. Большинство сохранившихся лекций профессоров-биологов относятся именно ко второй половине XIX в., когда во многих университетах работали довольно крупные ученые того времени. Тем не менее, несмотря на охват, подавляющее большинство известных нам сохранившихся лекций – это лекции профессоров Московского университета.

Выводы. Полученные результаты говорят о труднодоступности сохранившихся экземпляров лекций, а также об отсутствии

системного подхода к их сохранению. Обязательность передачи архивов известных ученых в архив Академии наук привело к тому, что именно в этом архиве сосредоточено наибольшее количество известных экземпляров лекций.

***Ключевые слова:** история биологии; университеты; профессора; естественные отделения; лекции.*

PROFESSORS OF LIFE SCIENCE OF THE UNIVERSITIES OF RUSSIAN EMPIRE AND EXTANT COPIES OF THEIR LECTURES

Zharova E.Iu.

***Purpose.** The purpose of this article is systematizing the information about extant copies of professorial lectures in the archives and the libraries.*

***Methodology.** The main methods are the methods of objectivity, source analysis and the comparative method.*

***Results.** A lecture as a reflection of the professor's scientific potential should be considered not only on its own but also in the context of the memories about those professors who was the author of the lectures. The extant copies of the lectures of professors are not numerous. Especially it was problematic to keep them in the first half of the 19th century when universities had many foreign professors whose lectures were difficult to understand due to insufficient knowledge of foreign languages by students. Among the known lectures of this period, there are only lectures of Russian-speaking professors. Most of the extant lectures of the professors of life science are from the second half of the 19th century when many famous scientists worked at universities. Nevertheless, the overwhelming majority of the known lectures are lectures of the professors of Moscow University.*

***Conclusions.** It's quite hard to discover the place of conservation of the lectures. Also, the lack of a systematic approach to their preservation must be admitted. The obligation to transfer the papers of famous scientists to the archive of the Academy of Sciences had led to the fact*

that nowadays this archive has got the largest number of known copies of lectures.

Keywords: *the history of life science; Universities; professors; natural science department; lectures.*

Введение

На протяжении нескольких десятилетий профессорская лекция служила единственной формой передачи знаний от профессора к студенту, что было связано как с отсутствием специальных учебных руководств, так и затрудненностью получения знаний студентами из иностранной литературы. Более того, именно профессорская лекция является объективным источником, благодаря которому появляется возможность оценить как уровень преподавания, так и уровень научной подготовки того или иного профессора. Особое значение лекция приобретает в том случае, если профессор по той или иной причине не занимался публикацией научных трудов, но высказывал свое мнение в аудитории. В этом случае сохранившиеся экземпляры профессорских лекций являются единственным источником, способным дать представление о научном мировоззрении отдельных профессоров. Современные исследователи уделяют больше внимания массово сохранившимся литографированным экземплярам профессорских лекций [10; 12; 13], однако литография – это инструмент второй половины XIX в. Кроме того, не все профессора разрешали литографировать свои лекции, поэтому обзор сохранившихся рукописных лекций может дополнить уже имеющиеся сведения о литографированных экземплярах.

Материалы и методы

Основными материалами, использованными для написания статьи, являются архивные источники. Так как проведенный анализ базируется на выявлении сохранившихся в архивохранилищах, а также отделах рукописей крупнейших научных библиотек, экземпляров лекций профессоров естественных отделений университетов Российской империи.

В качестве методов необходимо указать в первую очередь принцип объективности, который позволил избежать пристрастной оценки суждений. Важную роль в исследовании сыграли методы источниковедческого анализа и сравнительный метод. Метод источниковедческого анализа позволил установить потенциал сохранившихся исторических источников. Сравнительный метод позволил выявить особенности сохранившихся экземпляров профессорских лекций.

Результаты и обсуждение

Единственным местом, где сходились «жители» университетского пространства – профессора и студенты, где происходил обмен знаний и передача опыта от одного поколения к другому, была университетская аудитория. А способ передачи этого знания – профессорская лекция. Длительное время лекция была единственной формой передачи знаний в университетах, так как другие формы взаимодействия – семинары, практические занятия просто отсутствовали. Известны воспоминания знаменитого питомца Московского университета И.М. Сеченова, который сокрушался по поводу отсутствия практических занятий по предметам естественнонаучного цикла у студентов-медиков [31, с. 424]. И это было в 1850-е гг., когда в Германии опыты на лягушках были привычным делом для любого студента, изучающего физиологию. Именно по причине отсутствия каких бы то ни было иных способов массовой передачи информации от профессора к студентам, кроме лекции, посещение этих лекций было единственным способом приобщиться к науке, храмом которой воспринимался университет.

Кроме передачи знаний как таковых, лекция служила той особенной формой общения профессора со студентами, когда он мог показать себя и показывал, как ученый в своей области науки и как педагог. Не случайно студенческие воспоминания очень красочно описывают лекции любимых и нелюбимых профессоров, особенно много таких описаний в воспоминаниях второй половины XIX века, когда в университетах на всех без исключения факультетах преподавала целая плеяда выдающихся ученых.

Для первой половины XIX века, особенно для первой трети, не характерно обилие восторженных характеристик профессорских лекций по той простой причине, что профессора в основном были иностранцами, плохо или вообще не говорившими по-русски, в связи с этим очарование профессорской лекции для студента, не всегда понимавшего, что говорит профессор, несколько меркло. Очень метко это подметил П.Н. Милюков, писавший в «Очерках по истории русской культуры»: «...профессору приходилось диктовать латинский текст лекции, затем объяснять его по-немецки той части аудитории, которая не училась французскому, и по-французски другой части аудитории, которая не училась немецкому: и при всем том содержание лекций должно было оставаться для слушателей в тумане» [15, с. 312].

Как подчеркивают авторы коллективной монографии «Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века», такую картину можно было наблюдать не только применительно к началу XIX в. [32, с. 539]. В книге приводится такой пример: в 1834 г. лишь шесть студентов Казанского университета оказались в состоянии понимать лекции, читанные на французском языке профессором политической экономии и дипломатики Г. Винтером. Очень часто профессора жаловались на незнание студентами латыни. Даже в 1850-е гг. И.М. Сеченов признавался, что не знал латынь в той мере, чтобы слушать на ней лекции, поэтому ему пришлось заниматься дополнительно [17, с. 285].

Можно предположить, что это обстоятельство явилось одной из причин отсутствия рукописных лекций профессоров этого времени в архивных собраниях. Еще одной причиной, возможно, было то, что первые профессора были иностранцами, их собрания могли уехать из России вместе с ними, когда профессора покидали страну, а даже если они оставались, то в связи то ли с неким предубеждением, то ли с чужеродностью, их коллекции ждала печальная участь, как, например, это произошло с богатейшим собранием известного казанского профессора Карла Фукса, отдавшего России 40 лет своей жизни и умершего в Казани в 1846 г. Это был ученый с широкими

интересами, один из характерных представителей ученых эпохи Просвещения, натуралист, врач, этнограф, нумизмат, историк.

Вероятно самыми ранними среди сохранившихся учебных курсов русских профессоров-естественников являются рукописи из фонда М.А. Максимовича (ф. XXXII), хранящиеся в настоящее время в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Конечно, немаловажную роль в сохранении материалов М.А. Максимовича сыграло то обстоятельство, что он был первым ректором Киевского университета св. Владимира. И хотя в Киеве он уже не занимался естественной историей в целом и ботаникой в частности (то, чем он занимался в Москве), его многочисленные записи по естествознанию (по методологии и истории ботаники, зоологические записки, записки по систематике растений), в том числе лекции учеников 8 класса (1831–1832 гг.) по естественной истории, лекции по физиологии растений (1820–1830 гг.) сохранились. М.А. Максимович (1804–1873) окончил физико-математический факультет Московского университета в 1823 г., работал там же адъюнктом, затем профессором ботаники, защитил магистерскую диссертацию и получил степень магистра физико-математических наук.

Безусловной заслугой М.А. Максимовича является создание учебной литературы на русском языке по ботанике и зоологии. Несколько актуально было создание подобных учебных руководств, можно судить по записке одного из профессоров Московского университета Юлия Ульрихса, который в 1832 г. писал: «Важное неудобство относительно читаемых лекций я нахожу в давно ощущаемом недостатке учебных книг (компендия). Высшее начальство, дабы пособить сему недостатку, потребовало конспекты преподаваемых лекций, и удостоенные одобрением конспекты донныне употребляются вместо компендий. Польза конспектов, по моему мнению, довольно ограничена: учащиеся могут пользоваться ими для удобнейшего обозрения систем преподаваемых им наук и для приготовления себя к предстоящим лекциям при помощи необходимых к тому других пособий. Но как конспекты содержат в себе только

исчисление предметов, объяснение которых составляет содержание лекций, то они не могут служить надлежащим руководством, в каком имеют нужду учащиеся» [22, л. 8]. Кстати сказать, традиции переписывать от руки учебные пособия сохранялась до середины XIX века (например, в ОПИ ГИМ в ф. 221 хранится учебное пособие по зоологии, переписанное от руки, датированное серединой XIX в. [20], в том же фонде есть литографированное пособие по зоологии, практически совпадающее с таковым (но рукописным) из научной библиотеки МГУ, однако экземпляр НБ МГУ является более ранним), пока в университетах не получила широкого распространения литография.

Впрочем, студенты 1830-х годов, не заставшие литографированных лекций, довольно скептически относились к этому явлению: «О литографированных лекциях и помину не было. Это – новейшее баловство, которое, конечно, имеет свою хорошую сторону в том, что сберегает много времени, избавляя слушателей от скучного труда переписывать, хотя... переписка эта служила в то же время и повторением лекций» [16, с. 82]. Как происходило это переписывание можно понять, обратившись к воспоминаниям. Так, студент Казанского университета в 1830-е гг. Н.И. Мамаев писал: «Очень немногие профессора преподавали по печатным руководствам; более – или давали записки своих лекций, которые мы списывали, возвращая оригиналы; или же просто «говорили». В последнем случае мы записывали со слов, потом – каждый из нас по заведенной очереди, отбирал от других записанные таким образом лекции, из всего составлял одну общую и носил профессору для просмотра. По получении от профессора составленной нами лекции в исправленном виде мы списывали ее в тетрадки и ими уже руководствовались» [14, с. 45].

Профессором-биологом Московского университета, чье сохранившееся научное и учебное наследие сопоставимо с наследием Максимовича, является Карл Францевич Рулье (1814–1858), служивший в Московском университете 20 лет. Воспоминания студентов рисуют его как одного из популярнейших профессоров

1840–1850-х гг. В отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета в настоящее время хранятся литографированные лекции, прочитанные им в 1850 г. на втором сводном курсе студентов математического и естественного отделений [28]. Там же находится написанный от руки самим Рулье и его учениками (по очереди, с указанием фамилий) его труд по зоологии – Зообиология [27], который до настоящего времени остается неопубликованным. Его лекции по зооанатомии и зоофизиологии в виде машинописной копии сохранились в фонде Н.М. Кулагина (1860-1940), профессора Московского университета, Московского сельскохозяйственного института, члена-корреспондента Академии наук, который находится в Московском отделении архива РАН – самом крупном архивохранилище, где в настоящее время можно ознакомиться с лекциями профессоров-биологов российских императорских университетов.

Итак, что касается первой половины XIX века, то сохранность лекций заставляет сожалеть о том, что в то время в России не существовало традиции сохранения профессорских и студенческих архивов. Конечно, это связано еще и с тем, что первые студенты физико-математических факультетов даже если и оставались в университетах в качестве профессоров (а это были единичные случаи), то не являлись учеными очень высокого уровня, поэтому их архивы уходили в небытие вместе с самими профессорами, хотя, конечно, память сохранила их имена и детали биографии для будущих поколений.

Настоящей находкой для профессорской лекции, точнее для сохранения профессорской лекции первоначально с целью копирования, явилось искусство литографии. Первая литографическая мастерская в России была открыта в Санкт-Петербурге еще в 1816 г., однако «приход» литографии в университеты уже не в качестве искусства, а в качестве вспомоществования студентам в учебе, относится к середине XIX века. По сведениям А.В. Зайцевой одно из самых ранних изданий литографированного курса профессорских лекций датировано 1845 г. Это был курс лекций по праву П.Д. Калмыкова, профессора Санкт-Петербургского университета [11, с. 89].

Как уже было сказано выше, литографированные лекции профессора Рулье из отдела рукописей и редких книг НБ МГУ датированы 1850 годом.

Здесь следует отметить, что расцвет литографии во второй половине XIX века, как единственно возможного источника копирования профессорских лекций спас эти лекции от забвения. Даже несмотря на запрет, последовавший в 1869 году, студенты продолжали литографировать лекции. Очень многие профессора относились к литографии отрицательно, запрещали литографировать свои лекции, однако студенческая хитрость находила обходные пути, так как зачастую литографированные лекции были единственным источником знаний, в университетах все так же не хватало пособий. И.Я. Акинфеев, учившийся в 1875–1881 гг. в Новороссийском университете, писал: «Позже, в конце восьмидесятых и в девяностых годах, появились более или менее удовлетворительные учебники и разного рода руководства и пособия. Но до того времени естествознание, потрясенное с шестидесятых годов в своих основах и методах гением Дарвина, Уэллеса, Лайеля и др., не только у нас в России, но и за границей являлось исключительно достоянием профессорской коллегии. Студенту учиться было не по чему, почитать о том, что говорит профессор на лекции, негде. Оставалось только исправно посещать лекции» [19, с. 153]. Однако хорошо известно, что не все студенты отличались прилежностью, поэтому литографирование лекций в университетах было поставлено на широкую ногу. В настоящее время крупнейшими собраниями литографированных лекций профессоров обладают Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека, а также библиотеки старейших университетов России.

Очень часто студенты литографировали профессорские лекции без ведома профессора, поэтому такие лекции могли содержать ошибки. Иногда профессора сами правили студенческие конспекты, чтобы этих ошибок не было. Были случаи, когда профессора являлись издателями своих лекций. Особенно ценными эти лекции

представляются сейчас, так как зачастую они являются единственным своего рода обобщающим трудом профессора, который не всегда имел цель публиковать таковой. Например, А.Н. Северцов (1866–1936), студент, затем профессор Московского университета вспоминал, что профессор зоологии С.А. Усов (1827–1886), «человек от природы очень талантливый, принадлежал к поколению (может быть это характерно только для Москвы той эпохи), представители которого как бы пренебрегли писанием и печатанием (может, это происходило от некоторой лени и нелюбви к черной работе писания, обработке написанного и т.д.) и результаты своей умственной работы любили излагать устно и на этом успокаивались. Поэтому написанное С.А. Усовым (а отмечу, что некоторые его работы, напр. Таксономические единицы и группы не утратили своего значения теперь, к сожалению, эта книга недостаточно известна молодым русским зоологам) не представляет и малой доли того, что им сделано в науке (в частности в зоологии) и что им передано в разговоре ученикам» [8, л. 45].

А.Н. Северцов называл курс зоологии С.А. Усова мастерски составленным, хорошо продуманным и оригинальным, сожалея о том, что профессор не написал и не издал его [8, л. 47 об.]. Нет сведений и о наличии изданного литографированного курса лекций С.А. Усова, однако нам встретились два сохранившихся рукописных экземпляра его лекций. Первый, прочитанный в 1879–1880 гг., хранится в фонде А.П. Богданова в архиве РАН [4]. Этот курс действительно выгодно отличается от тех, что читали раньше (например, в сравнении с лекциями К.Ф. Кесслера, хранящимися в том же фонде). Несмотря на то, что лекции читались по предмету зоологии позвоночных, профессор много внимания уделял эмбриологии, новейшим палеонтологическим данным, излагал даже систематику, довольно сухую науку, с точки зрения теории эволюции, действительно применяя совершенно непривычный подход к изложению. Второй экземпляр – это лекции Усова из фонда зоолога В.А. Вагнера [26] (Отдел рукописей РНБ), этого же периода времени (Вагнер окончил физико-математический факультет Московского университета

в 1882 г.). Кстати сказать, практически все экземпляры рукописных и литографированных лекций содержат прекрасные рисунки, особенно замечательно выполнены они В.А. Вагнером, в фонде которого сохранились также лекции А.П. Богданова по зоологии беспозвоночных.

Что касается Анатолия Петровича Богданова (1834–1896) – легендарного профессора зоологии Московского университета, основоположника антропологии в России, создателя Общества любителей естествознания, список заслуг которого занял бы несколько страниц, то лекции его не были столь привлекательными для студентов. Тот же А.Н. Северцов вспоминал, что «курсы А.П. Богданова были скучноваты, страдали может быть недостатком общей идеи, но в фактическом отношении они давали много» [8, л. 47 об.]. Приведем еще несколько характеристик его лекций.

П.П. Ефимов (1895–1900): «Лекции А. Богданова были бесцветны, крайне расплывчаты, но слушать его было интересно. Дома иногда хотелось подумать об его лекциях (а также и Зоографа), но при всем напряжении памяти не удавалось ничего вспомнить, приходили в голову отдельные словечки, вроде «вот извольте ли видеть», «не ешьте вы этих сосисок», да пухлая фигура профессора, длинная полка, стол, уставленный спиртовыми препаратами, спиртовой аромат старого зоологического кабинета, тесноту, скрипучие стулья, мрак, скудное электричество среди бела дня и педеля, всегда торчащего в вестибюле “Зоологии”» [29, с. 83–83].

И. Алексинский (1889–1891): «В своих занятиях со студентами он отличался большой педантичностью. Лекции его, начинавшиеся всегда точно в установленное время, были строго академичны. Никогда не позволял он себе какого-либо отступления от предмета лекции, каких-либо ораторских приемов, чтобы оживить внимание слушателей. Содержательность лекции и ясность изложения обеспечивали это внимание» [18, с. 356].

Д.Н. Прянишников (1883–1887): «А.П. Богданов отличался тем, что начинал лекции для первого курса прямо со специальных отделов, например с очень подробного изложения главы о червях, счи-

тая, что знакомство с фактическим материалом должно лежать в основе. Для меня, перешедшего с математического факультета, этот «ушат червей» после аналитической геометрии и дифференциального исчисления был большим контрастом» [30, с. 81].

Сопоставляя эти характеристики, можно сделать вывод, что лекции А.П. Богданова были поставлены на очень высоком уровне, поэтому не для всех студентов могли быть интересными. Читая сами лекции, сохранившиеся за разные годы в фонде самого А.П. Богданова в архиве РАН [2], приходишь к выводу, что в сравнении с лекциями Усова или Мензбира они действительно более сухи и академичные, но в то же время очень насыщены фактическим материалом. Вообще, фонд А.П. Богданова содержит не только лекции самого фондообразователя и С.А. Усова, но и лекции по зоологии петербургского (ранее – киевского) профессора К.Ф. Кесслера [3], по гистологии А.Н. Бабухина [1] и по анатомии растений К.А. Тимирязева [5], записанные Е.А. Богдановым в начале 1890-х гг.

Последние два профессора были популярными профессорами Московского университета, лекции которых привлекали студентов. И. Алексенский так описывал Бабухина и его лекции: «Это был несомненно человек, высокоодаренный способностью научного исследования и философского мышления, с большим ораторским талантом, но одержимый каким-то недугом. Неизвестно, что было преобладающим в его болезни – физическое ли страдание или резкая душевная неуравновешенность, но, очевидно, было и то и другое.

В описываемой мною период он жил как бы отшельником в своей квартире в здании университета. Получалось впечатление, что он выходил из своего помещения только для чтения лекций и занятий в лаборатории, но и это случалось нечасто. Бывало, что он неделями не покидал дивана в своем кабинете, предоставляя своим помощникам по кафедре ведение занятий со студентами.

Зато когда появлялась в аудитории его изможденная фигура в старом и сером халате с черной шапочкой на голове и когда к нам обращалось его сухое, землистого цвета лицо со взором аскета-мыслителя, мы с затаенным дыханием ловили слова его лекции.

<...> Содержание этих лекций выходило всегда за пределы его курса гистологии, захватывало обширные области биологии и философии и оставляло неизгладимое впечатление силой и красотой изложения» [18, с. 357].

Действительно, как вспоминал студент С.И. Мицкевич (1888–1893), Бабухин умел оживить сухую науку гистологию [16, с. 347]. В этих лекциях будто слышится живая речь профессора, он беседует со слушателями, задает вопросы, полемизирует сам с собой: «Часто на поверхности эпителия встречаются целые слои посторонней массы, которая отделяет клетки от влияния внешней среды. Этот слой составляет точку преткновения для гистологов. Откуда же он взялся? Тут мы встречаем не клетки, а какую-то постороннюю массу; эта масса названа кутикулярным слоем. Одни говорят, что это затвердевший продукт выделения клеток, другие же, которые не хотят понять, что неорганизованные вещества могут входить в состав тела, говорят, что это не продукт выделения, а затвердевшая поверхность клеток; кто прав, строго сказать нельзя. Бабухин до последнего времени держался последнего мнения, но чем более исследуешь низших животных, то тем более причин принять 1-е» [1, л. 6].

Большое впечатление на слушателей своей глубиной и эрудированностью производили лекции Тимирязева, на которые ходили не только естественники, но и студенты других факультетов. Более того, студенты естественного факультета посещали эти лекции ради самих лекций, чтобы послушать профессора, а из-за простоты изложения информация оставалась в памяти. Осталось огромное количество печатных работ Тимирязева, публиковались его лекции из Петровской академии, а вот лекции для студентов Московского университета – это редкость. Единственный известный нам сохранившийся экземпляр, как уже говорилось выше, находится в фонде А.П. Богданова.

Еще одним выдающимся ученым-зоологом был профессор Московского университета М.А. Мензбир, который являлся прекрасным лектором, лекции которого легко запоминались и интересовали студентов. Его лекции по зоологии беспозвоночных, хранящиеся в отделе рукописей РГБ [24], выходят далеко за рамки

университетских лекций, открывая студентам не только зоологические, но и палеонтологические, экологические сведения – все лучшее им было заимствовано из методики чтения лекций его учителем А.П. Богдановым, только «приправлено» талантом красноречия. В отличие от Богданова, сохранились и литографированные лекции М.А. Мензбира.

В конце XIX – начале XX века литография постепенно уступила место печатным курсам лекций, которые издавали сами профессора. Естественно, уровень этих изданий был значительно выше уровня студенческих литографий, да и выпускались они не только известными профессорами, но и малоизвестными тогда приват-доцентами, которые впоследствии стали не только профессорами, но и академиками АН СССР. Этот период (начало XX века) характеризуется также сохранностью черновых вариантов лекций в фондах учебных, например, А.Н. Северцова [7], Б.Л. Исаченко [6], Н.К. Кольцова [6] – действительно выдающихся ученых и профессоров.

Любопытно, что по результатам этого краткого обзора профессорских лекций выявляется следующая закономерность: лекции профессоров Московского университета оказались наиболее сохранны, или, может быть, наиболее доступны, так как хранятся в тех архивохранилищах, где привыкли работать исследователи. Закономерно и то, что их невозможно найти в тех архивах, где хранятся документы, связанные с университетами – эти архивы отражают только официальное делопроизводство.

Профессорские лекции сохранились в личных фондах профессоров, в тех фондах, которые формировались гораздо позже, уже во времена СССР, поэтому все эти драгоценные тетрадки в колленкорových переплетах хранятся в отделах рукописей РГБ и РНБ, архиве РАН. Кстати, рукопись лекций М.А. Мензбира хранится в фонде Варшавского университета, который представляет собой часть большого фонда, вывезенного из Варшавы в годы Первой мировой войны. Архив вместе с университетом был отправлен в Ростов на Дону, а потом вообще передан польской стороне (ныне хранится в Варшаве), но часть документов так и осталась в фондах

Румянцевского музея. Кстати, в этом же фонде сохранились лекции профессора Варшавского университета П.И. Митрофанова по сравнительной анатомии [25], а также конспект лекций Дерптского университета (на немецком) по микроскопической анатомии [23]. Отрывки лекций по агрономии на французском языке есть в ОПИ ГИМ [21], однако выяснить, где именно читались эти лекции, не представляется возможным.

В Отделе письменных источников (ОПИ ГИМ) есть два фонда, содержащие лекции профессоров Московского университета. Первый из них, ф. 221 формировался путем пожертвований и покупки рукописей Государственным историческим музеем в начале XX века, второй фонд ф. 292 был передан из Научной библиотеки МГУ. Но оба эти фонда содержат преимущественно лекции профессоров-гуманитариев – историков и юристов. Может быть, эти лекции представлялись как более заслуживающие внимания, нежели лекции по естественным и точным наукам, которых в этих фондах очень мало. Впрочем, интерес к признанным мастерам слова понятен, все-таки имена ученых историко-филологического и юридического факультетов гремели очень широко, хотя биологи были не менее известными и выдающимися учеными, многие из которых тоже читали публичные лекции.

Рассматривая данную статью как попытку систематизации сохранившихся профессорских лекций биологов, и выяснив закономерность о высокой сохранности лекций профессоров Московского университета, следует задаться вопросом, а с чем связана эта закономерность? Действительно ли с тем, что в Москве был старейший университет с признанной научной школой, питомцы которого, даже переезжая в другие города и работая в других университетах, сохраняли эту культуру и традиции путем бережного к ним отношения? Или это просто стечение обстоятельств, связанное с тем, что в Московском университете, крупнейшем как по числу студентов, так и по числу преподавателей, именно в связи с большим числом «причастных» к университету, у профессорской лекции было больше шансов сохраниться в веках? Но почему же подобное не наблюдается в отношении столичного Петербургского университета?

Если рассматривать период начала XX века, то выявленная закономерность может быть связана с высокой академической мобильностью как студентов, так и преподавателей, переходивших из одного университета в другой, кроме того, революции, войны, эвакуации (были эвакуированы Юрьевский, Варшавский, Киевский университеты), оккупация снижали шансы на сохранность рукописей, многие из которых наверняка можно найти в зарубежных архивах из-за эмиграции бывших студентов и профессоров. Должно быть, в музеях университетов также имеются экземпляры профессорских лекций, о которых нам неизвестно. Но следует признать, что профессорские лекции в настоящее время «распылены» по различным архивохранилищам, что, безусловно, затрудняет доступ к ним. В целом же, формирование фондов, где ныне хранятся профессорские лекции, было скорее случайным, нежели закономерным, поэтому логичным представляется тот факт, что до нас дошли именно лекции известных ученых. Большую роль сыграло то, что личные архивы академиков и членов-корреспондентов АН СССР после их смерти в обязательном порядке сдавались в архив Академии наук, который обладает самым значительным числом экземпляров профессорских лекций.

Что же касается середины XIX века, то лекции многих профессоров сохранились в фондах библиотек в виде литографий, например, в фондах РНБ есть литографированные лекции И.И. Мечникова по курсу морфологии животных (1869), а вот лекций А.О. Ковалевского, насколько нам известно, не сохранилось. То же касается лекций многих других профессоров, которые публиковали специальные научные работы, но даже не задумывались о том, чтобы опубликовать свои курсы лекций. В данном случае единственной возможностью ознакомиться с лекциями, в связи с отсутствием рукописных экземпляров, которых сохранилось крайне мало, являются литографии.

Университетская память в отношении профессорских лекций оказалась избирательной. Будто специально она отбирала лекции лучших профессоров того времени, тех, к чьим лекциям студенты не могли быть равнодушными даже спустя годы после окончания университета. Мы знакомы лишь с малой долей прочитанных в уни-

верситетах лекций, но опираясь на воспоминания тех, кто слушал эти лекции, становится понятно, почему «в глазах студента-новичка всякий профессор долгое время на своих лекциях был своего рода Пифией, а в лабораториях и кабинете за опытами и исследованиями он казался жрецом, которому одному доступны тайны природы» [19, с. 153].

Заключение

Результатом проведенного исследования является перечень архивохранилищ, в которых хранятся дошедшие до нас экземпляры профессорских лекций. Это Архив РАН, ОПИ ГИМ, ОР РГБ, ОР РНБ, НБ МГУ, ИР НБУ им. В.И. Вернадского.

При этом в подавляющем большинстве это лекции профессоров Московского университета. Особенно эффективным оказался способ сохранения архивов известных ученых-академиков, благодаря которому архив РАН, вероятно, обладает самой внушительной коллекцией лекций профессоров-биологов. Однако следует отметить, что данная статья не охватывает все возможные архивохранилища, поэтому весьма вероятно обнаружение других экземпляров лекций профессоров-биологов, которые могут внести коррективы в полученные результаты.

Список литературы

1. Архив Российской Академии Наук (АРАН). Ф. 446. Оп. 1 а. Д. 119.
2. АРАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 85, 87.
3. АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 118.
4. АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 120.
5. АРАН. Ф. 446. Оп. 4. Д. 17.
6. АРАН. Ф. 450. Оп. 1. Д. 60.
7. АРАН. Ф. 467. Оп. 1. Д. 275.
8. АРАН. Ф. 467. Оп. 2. Д. 3.
9. АРАН. Ф. 582. Оп. 1. Д. 2.
10. Глинникова С.В. С дозволения профессора: в ходу – литографированные лекции // Мир библиографии. 2012. № 1. С. 22–28.

11. Зайцева А.В. Учебные издания студентов Московского университета в фондах ГПИБ России // Библиография. 2012. №2. С. 88–98.
12. Зайцева А.В. Из истории издания учебной литературы в России // Высшее образование в России. 2014. № 8-9. С. 136–141.
13. Иванова Т.Н. Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России: науч. практика и образоват. миссия: материалы всерос. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 23–26.
14. Литературный сборник к 100-летию имп. Казанского университета. Былое из университетской жизни. Казань, 1904. 311 с.
15. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1897. 365 с.
16. Московский университет в воспоминаниях современников / Под ред. П.А. Зайончковского, А.Н. Соколова. М.: Изд-во МГУ, 1956. 487 с.
17. Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 734 с.
18. Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. 466 с.
19. Новороссийский университет в воспоминаниях современников: к 135-летию Одесского университета. Одесса: АстроПринт, 1999. 295 с.
20. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 221. Д. 7.
21. ОПИ ГИМ. Ф. 292. Д. 8.
22. ОПИ ГИМ. Ф. 404. Д. 21.
23. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 44. К. 14. Ед. хр. 26.
24. ОР РГБ. Ф. 44. К. 14. Ед. хр. 92.
25. ОР РГБ. Ф. 44. К. 15. Ед. хр. 10.
26. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 122. Д. 57.
27. Отдел редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ (ОРКиР НБ МГУ). Рукопись № 131, 132, 133.
28. ОРКиР НБ МГУ. Рукопись № 135.
29. ОРКиР. НБ МГУ. Рукопись № 630.

30. Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1961. 336 с.
31. Сеченов И.М. Собрание сочинений. Т.2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1908. 476 с.
32. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.

References

1. *Arhiv Rossijskoj Akademii Nauk (ARAN)* [The archive of Russian Academy of Science]. F. 446. Inv. 1 a. D. 119.
2. *ARAN*. F. 446. Inv. 1. D. 85, 87.
3. *ARAN*. F. 446. Inv. 1a. D. 118.
4. *ARAN*. F. 446. Inv. 1a. D. 120.
5. *ARAN*. F. 446. Inv. 4. D. 17.
6. *ARAN*. F. 450. Inv. 1. D. 60.
7. *ARAN*. F. 467. Inv. 1. D. 275.
8. *ARAN*. F. 467. Inv. 2. D. 3.
9. *ARAN*. F. 582. Inv. 1. D. 2.
10. Glinnikova S.V. S dozvoleniia professora: v hodu – litografirovannye lektsii [With the permission of a professor: in motion – lithographic lectures]. *Mir bibliografii*, no 1 (2012): 22–28.
11. Zaiceva A.V. Uchebnye izdaniia studentov Moskovskogo universiteta v fondakh GPIB Rossii [Academic publications of the students of Moscow university at the stock of the State Public Historical Library of Russia]. *Bibliografii*, no 2 (2012): 88–98.
12. Zaiceva A.V. Iz istorii izdaniia uchebnoi literatury v Rossii [From the history of publication of academic books in Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no 8-9 (2014): 136–141.
13. Ivanova T.N. Litografirovannye izdaniia lektsionnykh kursov profesorov XIX veka kak istoricheskii istochnik [Lithographic publications of the lectures of the professors of XIX century as a historical source]. *Soobshhestvo istorikov vysshej shkoly Rossii: nauch. praktika i obrazovanie. missija: materialy vseros. nauch. konf.* [Community of Historians of Higher School of Russia: Scientific. practice and educate. mission:

- materials vseros. scientific conf.]. Moscow, IVI RAN, 2009, pp. 23–26.
14. *Literaturnyj sbornik k 100-letiju imp. Kazanskogo universiteta. Byloe iz universitetskoj zhizni* [Analects for 100 anniversary of Imperial Kazan university. The past from the university life]. Kazan, 1904. 311 p.
 15. Miliukov P.N. *Oчерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церков'и школа (vera, tvorcestvo, obrazovanie)*. [Essays about the history of Russian culture. Part 2. Church and school (religion, creativity, education)]. Saint-Petersburg, 1897. 365 p.
 16. *Moskovskii universitet v vospominaniiakh sovremennikov* [Moscow university at the memories of contemporaries] / Ed. P.A. Zaionchkovskii, A.N. Sokolov. Moscow: Izd-vo MGU, 1956. 487 p.
 17. *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov: Sbornik* [Moscow university at the memories of contemporaries: collection] / ed. Iu.N. Emelianov. Moscow: Sovremennik, 1989. 734 p.
 18. *Moskovskii universitet. 1755–1930. Iubileinyi sbornik*. [The Moscow university. 1755–1930. Jubilee collection]. Paris, 1930. 466 p.
 19. *Novorossijskij universitet v vospominanijah sovremennikov: k 135-letiju Odesskogo universiteta* [Novorossia university at the memories of contemporaries: for the 135-years anniversary of Odessa university]. Odessa: Astroprint, 1999. 295 p.
 20. *Otdel pismennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (OPI GIM)* [Department of written sources of the State historical Museum]. F. 221. D. 7.
 21. *OPI GIM*. F. 292. D. 8.
 22. *OPI GIM*. F. 404. D. 21.
 23. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (OR RGB)* [Department of manuscripts of Russian state library]. F. 44. K. 14. Ed. hr. 26.
 24. *OR RGB*. F. 44. K. 14. Ed. hr. 92.
 25. *OR RGB*. F. 44. K. 15. Ed. hr. 10.
 26. *Otdel rukopisei Rossiiskoi nacionalnoi biblioteki (OR RNB)* [Department of manuscripts of Russian national library]. F. 122. D. 57.
 27. *Otdel redkikh knig i rukopisei nauchnoi biblioteki MGU (ORKiR NB MGU)* [Department of rare books and manuscripts of Scientific library of Moscow state university]. Rukopis № 131, 132, 133.

28. *ORKiR NB MGU*. Rukopis № 135.
29. *ORKiR NB MGU*. Rukopis № 630.
30. Prianishnikov D.N. *Moi vospominaniia* [My memories]. Moscow: Selkhozgiz, 1961. 336 p.
31. Sechenov I.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. V. 2. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1908. 476 p.
32. *Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [University in Russian Empire at XVIII – the first half of XIX century] / ed. A.Iu. Andreev, S.I. Posohov. Moscow: ROSSPEN, 2012. 671 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Жарова Екатерина Юрьевна, кандидат биологических наук, соискатель отдела историографии и источниковедения истории науки и техники

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

ул. Балтийская, 14, г. Москва, 125315, Российская Федерация
zharova_ekaterina@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zharova Ekaterina Iurievna, PhD in Biology, applicant for a doctorate of the Department of historiography and source study of the history of science and technology

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS

14, Baltiyskaya Str., Moscow, 125315, Russian Federation

SPIN-code: 7739-6094

ORCID: 0000-0002-1349-7496

ResearcherID: R-9419-2019

Scopus Author ID: 57190880856

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-69-96

УДК 341.234 + 316.7-054.57

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ КАК «ОТЛОЖЕННОЕ» ВООБРАЖЕНИЕ НАЦИИ В СОРБСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

Часть 1.

Изобретение нации в сорбском национализме в контекстах «отложенной» модернизации сообщества с неполными социальными структурами

Кирчанов М.В.

Цель. Автор анализирует проблемы сорбской этнической культуры как одной из изобретенных традиций сорбского национализма. Целью статьи является анализ стратегий, используемых интеллектуалами для актуализации и визуализации этнической культуры сорбов как формы идентичности и изобретенной традиции в современной ситуации.

Методы. Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии национализма, включая концепции воображения сообществ и изобретения традиций.

Выводы. Автор анализирует проблемы современной истории лужицкой идентичности в контекстах восприятия сорбов как воображаемого сообщества и изобретения традиций для развития их политической, культурной и этнической идентичности. Предполагается, что политическая идентичность сорбов развита менее чем этническая, включая культурные и лингвистические измерения. Автор анализирует культурные, образовательные и языковые инициативы сорбских националистов. Проанализированы как процессы изобретения традиций в обществе «запоздалой» модернизации, где нация, как политическое соображенное сообщество, возникло позднее чем в соседних регионах, так и противоречия доминирующего большинства в политике ассимиляции и интеграции меньшинств. Автор

полагает, что замедленная социальная и культурная динамика, отсутствие полных социальных структур, ассимиляция и германизация стали факторами, которые существенно замедлили процессы национальной консолидации сорбов, определив особенности их модернизации и трансформации из традиционного сообщества в нацию. Предполагается, что практики и стратегии сорбских интеллектуалов в изобретении традиций как основы функционирования идентичности фактически стали попытками актуализации этнического в современном глобализирующемся немецком обществе. Автор анализирует роль различных культурных практик сорбских интеллектуалов, которые они используют для ревитализации идентичности.

Ключевые слова: сорбы; Лужица; национализм; изобретение традиций; воображение сообществ; воображаемые / воображенные сообщества.

INVENTION OF TRADITIONS AS “POSTPONED” IMAGINATION OF THE NATION IN SORBIAN NATIONALISM

Part 1.

The invention of the nation in Sorbian nationalism in contexts of “delayed” modernization of a community with incomplete social structures

Kyrchanoff M.W.

Purpose. *The author analyses the problems of Sorbian ethnic culture as one of the invented traditions of Sorbian nationalism. The aim of the article is to analyse the strategies used by intellectuals in their attempts to actualise and visualise the ethnic culture of Sorbians as a form of identity and invented tradition in the actual situation.*

Methods. *Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography of nationalism, including the concepts of the imagination of communities and the invention of traditions.*

Results. *The author analyses the problems of the modern history of Sorbian identity in contexts of the perception of Sorbians as an imagined community and the invention of traditions for the development of their political, cultural and ethnic identity. It is assumed that the political identity of the Sorbians is less developed than ethnic one, including its cultural and linguistic dimensions. The author analyses the cultural, educational and linguistic initiatives of Sorbian nationalists. The author analyses processes of invention of traditions in a “late” modernisation society, where the nation, as a political community, emerged later than in neighboring regions, as well as the contradictions of the dominant majority in its politics of assimilation and integration of minorities.*

The author presumes that the slow social and cultural dynamics, the lack of complete social structures, assimilation and Germanization became factors that influenced the processes of national consolidation of the Sorbians significantly, determining the peculiarities of their modernization and transformation from the traditional community into a nation. It is assumed that the practices and strategies of Sorbian intellectuals in the invention of traditions as the basis for the functioning of identity became attempts to actualise the “ethnic” in modern globalizing German society. The author analyses the role of various cultural practices of Sorbian intellectuals, which they use to revitalize their identities.

Keywords: *Sorbians (Sorben / Wenden, Serby, Serbski lud); Lusatia (Lausitz, Łužica, Łužyca); nationalism; invention of traditions; imagining / imagined communities.*

Введение

Формулировка проблемы. Современные этнические культуры меньшинств, существующих в гетерогенных и многосоставных обществах, являются важным фактором как в сохранении, так и воспроизводстве национальных идентичностей как «изобретенных традиций» этих групп, которые, если их описывать в рамках модернистской парадигмы, могут быть определены как «воображаемые сообщества». Идентичность сорбов, славянского меньшин-

ства Германии, не является исключением из этой универсальной логики развития национализма.

В условиях преобладания именно модернистской историографии, которая начала доминировать в первой половине 1980-х годов, национализм и производные им нации как воображаемые сообщества и идентичности как изобретенные традиции описываются в рамках компромиссной схемы, выработанной историками 1990–2000-х годов, которая предусматривает изучение национализма как совокупности интеллектуальных и культурных практик националистически ориентированных интеллектуалов, позволяя воспринимать как нации, так и их идентичности в качестве, соответственно, «воображаемых сообществ» и «изобретенных традиций».

Специфика историографической ситуации. Поэтому история национализма и идентичности лужицких сербов (сорбов, лужичан, вендов) в зарубежной историографии на протяжении длительного времени писалась именно в этой методологической системе координат в рамках сорбастики [1; 10] – особого направления в славистике, которая успела стать как коллективным местом социальной и культурной памяти, так и изобретенной историографической традицией. Анализируя историографию сорбского национализма и воспроизводимых им идентичностей, во внимание следует принимать несколько факторов. На протяжении длительного времени сорбский национализм принадлежал к числу «невидимых» в международной историографии национализма.

Историография сорбского национализма на протяжении длительного времени была идеологизирована, развиваясь в рамках позитивистского модуса написания истории, сохраняя эксцессы националистического воображения, характерные, в том числе, и для идеологически мотивированной исторической науки ГДР [55; 59], склонной редуцировать сорбскую идентичность до этнографического и почти музейного факта [21], что, в целом, совпадало с проводимой властями политики германизации [40; 41], хотя последняя не декларировалась открыто, но активно стимулировалась как немецкими культурными деятелями, так и ру-

ководством СЕПГ [5]. Именно эти особенности политики в отношении сорбов в ГДР позволяют некоторым зарубежным авторами критически воспринимать достижения немецкой сорабистики, указывая на то, что она соотносилась с внешними идеологическими и политическими стимулами. Несмотря на то, что в польской историографии может признаваться, что «после Второй мировой войны враждебная политика Германии по отношению к сорбам была прекращена. Восточно-германское государство поддерживало сорбский язык и сорбскую культуру», тем не менее польские интеллектуалы определяют результаты сорбской политики как «отрицательные», причину чему следует искать «в политических и социологических условиях ГДР, социальных и экономических изменениях в Лужице, а также националистических и антисорбских настроениях, которые демонстрировали некоторые члены немецкого общества и партийные чиновники» [41].

Состоялся ли конструктивистский поворот в сорабистике? Ликвидация ГДР дала немецким интеллектуалам возможность ограниченно легитимировать и реабилитировать немецкий национализм, признав, что «ни одно государство не может быть создано только с помощью идеологии» [48], а отсутствие институционализированного или заметного несогласия с политической ассимиляцией ГДР и политикой люстрации фактически позволило проводить политику «по конструированию региональных и этнических меньшинств» [2] в той парадигме, которая соответствовала интересам немецкого меньшинства, вновь прочитанным и определенным как национальные. Ликвидация ГДР, ее поглощение ФРГ фактически реабилитировало немецкий национализм, легитимировав ксенофобию и антиславянские настроения в обществе [6]. Эти факты в немецкой историографии были осмыслены позднее, а события послевоенной истории сорбов в ГДР в ряде случаев интерпретируются в рамках конструктивистских и модернистских подходов к изучению истории национализма, и его производных в авторитарном обществе – идентичности и этничности [14], языка и культуры [34], лояльности [33] и протеста [45; 52].

Цель и задачи статьи. Поэтому, в центре авторского внимания в данной статье – проблемы актуализации и визуализации сорбской этнической культуры как одной из изобретенных традиций сорбского национализма. Целью статьи является анализ тех практик и стратегий, которые используются интеллектуалами для актуализации и визуализации этнической культуры как формы идентичности и изобретенной традиции в современной ситуации. Поэтому автор анализирует изобретенные традиции с использованием методологической оптики, несколько отличной от более ранней историографии, рассматривая акторов, вовлеченных в процессы изобретения традиций, особенности изобретения традиций в сорбском обществе как фронтирном, роль культурных активностей, исторического воображения и фактора этнического национализма в современных тактиках, практиках и стратегиях изобретения традиций. Задачами статьи является как изучение интеллектуальных практик в конструировании и воспроизводстве сорбской идентичности, так и ее актуализации в современном, фактически мультикультурном, немецком обществе, где традиционные формы воспроизводства идентичности постепенно утрачивают свое значение, оказываясь ослабленными новыми вызовами массовой культуры, склонной к функционированию в виртуальной, недели традиционном аналогом пространстве.

Методология. Методологически данная статья в целом основана на принципах, предложенных в междисциплинарной историографии национализма [18]. В качестве частных методологических принципов в основу статьи легли идеи, сформулированные в первой половине 1980-х годов британским историком Эриком Хобсбаумом в предложенной им теории «изобретения традиций» [57], позднее привнесенные в постсоветские историографии, в том числе и в славяноведение [25; 26]. Эрик Хобсбаум и другие историки, которые являются сторонниками модернистской парадигмы в описании национализма, полагают, что многие «традиции», воспринимаемые как этнические древние и обычно устойчивые, фактически являются модерновыми и поздними на-

ционалистическими новообразованиями, призванными не только легитимировать сам факт существования нации, но и доказать континуитет с более ранними донациональными формами культуры [16].

Эта фактически политическая функция «изобретения традиций» актуализируется в рамках различных культурных активностей интеллектуалов, которые принадлежат к этническим и языковым меньшинствам современных многосоставных и гетерогенных обществ, которые «изобретая» и «воображая» этническую культуру, интегрируют ее в доминирующие культурные практики, в большей степени характерные для общества потребления.

Результаты и обсуждение

Специфика изобретения традиций в сорбском национализме.

Идентичность в этой интеллектуальной ситуации выступает в качестве коллективного гранд-нарратива, синтезирующего более частные случаи националистического воображения и изобретения традиций, а сами сорбы – как нация в том ее значении, о котором писал Б. Андерсон [7] и его последователи [30; 31; 37], определяя нации как искусственные современные конструкты – «воображенные сообщества». Если на протяжении 19 и 20 веков изобретение традиций в сорбском национализме проявлялось преимущественно через производство гранд-нарративов, которые формировали различные дискурсы самости и инаковости, составляя, таким образом, националистический канон, то в начале 21 века ситуация в значительной степени изменилась.

Традиционные формы националистического воображения через производство нарративов, локализуемых, как правило, в рамках академической историографии и художественной литературы стали восприниматься как архаичные формы воображения сообществ, в большей степени ассоциируемые с эпохой модерна и тем миром, где нации-государства были основными акторами. Для этого периода в развитии исторического воображения была характерна склонность интеллектуалов систематизировать и клас-

сифицировать мир при помощи коллектив-сингуляров, или индивидуальных собирательных имен [4], которые в историографии, вероятно, предшествовали концепту изобретения традиций. Современный этап в развитии сорбского национализма, в том числе – и изобретения традиций, характеризуется качественно другими особенностями, связанными со сменой локализации националистического воображения, которое из аналоговой культуры книги как формы функционирования националистического метатекста, мигрирует в виртуальные пространства, в рамках которых аналоговые и офф-лайнные измерения националистического воображения (книга, публицистика, живопись и проч.) воспринимаются как рудиментарные архаизмы модерна в мире пост-постмодерна.

Изобретение традиций и сорбский национализм: хронология. Анализируя процессы изобретения традиций в сорбском националистическом воображении, во внимание следует принимать и особенности хронологии этого процесса в лужицком обществе как социуме с неполными социальными структурами и замедленными темпами модернизационных перемен, которые по скорости перемен отличались от аналогичных процессов в Западной Европе, превративших традиционные крестьянские группы в нации как воображённые сообщества [61]. Первым западным автором, кто академически анализировал процессы изобретения традиций был Э. Хобсбаум, который предположил, что массовое производство традиций в рамках европейских национализмов может быть датировано 1870–1914 годами [19], что имеет отношение к националистическим трансформациям традиционных групп в нации в Западной Европе. Лужицкие сорбы в этом процессе как группа с неполной социальной структурой не участвовали.

Этап воображения / изобретения традиций в рамках высокой культуры образованного меньшинства предшествовал массовому изобретению традиций или Mass-Producing Traditions (в терминологии, принятой в международной историографии) сорбского национализма и трансформации сорбов в нацию, как воображенное сообщество. Этот, фактический второй этап, вероятно,

следует датировать периодом существования ГДР. Объединение Германии положило начало следующему, третьему, этапу в изобретении традиций, что было связано как ростом этнического и языкового национализма в умеренных формах, так и с постепенной эрозией традиционных форм функционирования националистического воображения в рамках офф-лайн-овых либроцентричных культур модерна, на смену которым пришли новые виртуальные модели актуализации сорбской идентичности и ее изобретенных традиций.

Таким образом, следует охарактеризовать и проанализировать особенности как функционирования и визуализации, так и воспроизводства важнейших изобретенных традиций, которые составляют основу современной существующей сорбской идентичности. Анализируя изобретенные традиции в сорбских контекстах, автор считает необходимым сделать несколько замечаний. Во-первых, в историографии, вслед за Э. Хобсбаумом, под изобретенными традициями понимаются разного рода и происхождения политические и гражданские практики и ритуалы, эмоционально и символически важные и значимые для той или иной группы как воображаемого сообщества. Во-вторых, автор статьи анализирует в этом тексте изобретенные традиции в нескольких иных культурных и интеллектуальных контекстах как активности националистически ориентированных интеллектуалов по поддержанию сорбской идентичности как ее ревитализации в многосоставном обществе. В-третьих, автор не рассматривает текстуализированные формы изобретенных традиций, представленные гранд-нарративами и детально описанные в предшествующей историографии [3].

Интеллектуальное и массовое изобретение традиций. Первый и второй этапы в изобретении традиций сорбского национализма, охарактеризованные автором выше, отличались рядом особенностей, а именно: 1) основными акторами / участниками процессов изобретения традиций были националистически ориентированные сорбские интеллектуалы и связанные с ними просветительские, культурные и политические институции; 2) изобретение тради-

ций протекало в традиционной нарративной офф-лайнной или аналоговой форме; 3) поэтому, основными сферами изобретения традиций были художественная литература, публицистика и историография, которые в той или иной степени актуализировали основные особенности сорбского националистического дискурса; 4) в силу того, что изобретенные традиции этого периода были нарративны, они могут быть систематизированы, классифицированы и сведены до нескольких гранд-нарративов (или больших нарративов) и нормативных конструкций (образ идеализированной сорбской идентичности как самости, образ негативно и отрицательно окрашенной Другости как Инаковости, образ воображаемой и изобретаемой сорбской Родины как символического пространства и национального тела или тела Нации, национальный пантеон, предложенный националистами путем систематизации и рефлексии относительно националистических, интеллектуальных и культурных активностей их исторических предшественников), определявших основные векторы и траектории развития сорбского националистического воображения.

В результате активности нескольких поколений сорбских националистически ориентированных интеллектуалов, с одной стороны, возник компромиссный канон сорбского националистического воображения, основанный на воспроизводстве / изобретение традиций, ретранслируемых при помощи гранд нарративов. Примечательно и то, что развитие преимущественно лингвистической и этнической идентичности привело к тому, что политическое изменение в лужицком национализме получило меньшее развитие, чем этническое, что привело к тому, что государственно-политические проекты самоопределения лужичан [38] в большей степени оставались частью интеллектуальной истории, будучи перенесенными в сферу политической практики в меньшей степени.

С другой стороны, этот формирующийся канон не был гомогенным, но развивался в двух вариантах нижне- и верхне-лужицкой идентичностей, что позволяет ряду авторов относит сорбов к особой группе т.н. «двукультурных меньшинств» [11;

12] или вообще гетерогенных сообществ [9]. Эти коллектив-сингуляры сорбского национализма, возникающие и развивающиеся под академическим влиянием, что вполне нормально для групп, пребывающих в центре внимания историографии, которая специализируется на изучении меньшинств, могут быть сведены к следующему: сорбская идентичность основана на этничности, основным маркером которой является принадлежность к славянской группе через язык, сохранившийся в германском лингвистическом окружении; исторически сорбская этничность подвергалась угрозе ассимиляции через германизацию – поэтому, история сорбов – это романтизированная националистами история сопротивления неславянским вызовам, а немецкий мир – экзистенциальная угроза существованию сорбов как сообщества.

Ведущую роль в сохранении сорбской идентичности (в рамках модернистской терминологии – в воображении сообщества и изобретении традиций) играли культурные, литературные и языковые активисты Бедрих

Клин (в.-луж. Bjedrich Adolf Klin, нем. Friedrich Adolph Klin; 1792–1855 [54]), Хандрий Любенски (в.-луж. Handrij Lubjenski, нем. Andreas Lubensky, 1790–1840 [39; 63]), Юрий Лусчански (в.-луж. Jurij Łusčanski, нем. Georg Wuschanski, 1839–1905 [17; 46]), Густав Мерва (в.-луж. Gustaw Mjerwa, нем. Gustav Mürbe, 1882–1958 [32]), Якуб Вяцлавк (в.-луж. Jakub Wjačławkw, нем. Jakob Jatzwauk, 1885–1951 [43; 44]), Павол Недо (в.-луж. Pawoł Nedo, 1908–1984 [8]), Арношт Барт-Брезинчански (в.-луж. Arnošt Bart-Brězynčanski, 1870–1956 [65]), Ян Цыж (н.-луж. Jan Cyž, нем. Johann Ziesche, 1898–1985 [28; 56]), Павол Новотны (в.-луж. Pawoł Nowotny, 1912–2010 [51]), Герта Вичазец (в.-луж. Herta Wičazec, нем. Johanne Henriette Lehmann, 1819–1885 [58]), Гандрий Зейлер (в.-луж. Handrij Zejler, нем. Andreas Seiler 1804–1872 [63]), Ян Богувер Мучинк (в.-луж. Jan Bohuwěr Mučink, нем. Johann Traugott Mutschink, 1821–1904 [22; 54]), Юрий Брезан (в.-луж. Jurij Brězan, 1916–2006 [15; 23; 49]) – интеллектуалы, некоторые из которых современными националистами интегрированы в канон националь-

ной / исторической памяти как отцы-основатели нации, сами став изобретенными традициями в то время, как их творчество превратилось в коллективное текстуализированное «место памяти».

Институционализированные акторы изобретения традиций в современном сорбском национализме. Сорбский национализм на политических картах Европы возник позднее и, поэтому, для его развития была характерна более медленная социальная и культурная динамика в сравнении с другими славянскими (польским и чешским) и тем более немецким национализмом. Поэтому, как стартовые условия, так и результаты националистических модернизаций в лужицких землях были менее благоприятны для сорбских националистов в сравнении с достижениями других национализмов [29]. Практики и стратегии изобретения традиций, которые используются современными сорбскими национально ориентированными интеллектуалами, относительно разнообразны, варьируясь от культурных и фольклорно-этнографических до академических и образовательных инициатив.

Несмотря на формальную гетерогенность большинство этих проектов характеризуются несколькими общими особенностями, а именно: все они направлены как воспроизводство тех изобретенных традиций, введенных в социальный и культурный оборот предыдущими поколениями сорбских националистов, так и на виртуализацию сорбской идентичности сорбов как нации, года сферой актуализации их идентичности становится Интернет [20]. На современном этапе несколько культурных, литературных, этнографических, музейных, политических институций вовлечены в процессы воображения сорбов как нации путем изобретения для них традиций. Важнейшими акторами в символическом сорбском пространстве изобретения традиций являются:

1. культурно-просветительско-издательские объединения и группы, включая «Матицу сербску» (н.-луж. Mašica Serbska, в.-луж. Mašica Serbska [35; 60]), Национальное издательство «Домовина» (в.-луж. Ludowe nakładnistwo Domowina, н.-луж. Ludowe nakładnistwo Domowina, нем. Domowina-Verlag [27]), «Понаше-

- му» (н.-луж. Pónaschemu) и Союз лужицких художников (в.-луж. Zwjazzk serbskich wumělcow, нем. Sorbische Künstlerbund);
2. религиозные организации, включая «Общество святых Кирилла и Мефодия» (в.-луж. Towarstwo swj. Cyrila a Metoda, нем. Cyrill-Methodius- Verein [24]);
 3. средние учебные заведения и языковые курсы – Сербская гимназия Будишин (в.-луж. Serbski gymnazij, нем. Sorbisches Gymnasium Bautzen), Нижнелужицкая гимназия Котбус (н.-луж. Dolnoserbski gymnazium Chóšebuz, нем. Niedersorbisches Gymnasium Cottbus) и Школа нижнелужицкого языка и культуры (н.-луж. Šula za serbsku rec i kulturu, нем. Schule für die Niedersorbische Sprache und Kultur) в Котбусе;
 4. академические и научные институты [50], такие как Институт серболужицкого народоведения (Institut za serbski ludospyt, 1951–1992), Серболужицкий институт (в.-луж. Serbski institut, нем. Sorbisches Institut, с 1992 года) и Институт сорабистики (в.-луж. Institut za sorabistiku);
 5. музеи и культурные центры – Музей лужицких сербов (нем. Sorbisches Museum, в.-луж. Serbski muzej [36]), являющийся наследником Музея лужицкой истории и этнографии (Museum für sorbische Geschichte und Volkskunde), Сербский культурный центр в г. Слепо / Шлайфе (Serbski kulturny centrum Slepо / Sorbisches Kulturzentrum Schleife);
 6. театры и музыкальные коллективы – например, «Němsko-Serbske ludowe dźiwadło», «Serbski ludowy ansambl»;
 7. библиотеки – Серболужицкая центральная библиотека (в.-луж. Serbska centralna biblioteka);
 8. лингвистические комиссии, среди которых Нижнелужицкая языковая комиссия (н.-луж. Delnjoserbska rěčna komisija, DSRK) и Верхнелужицкая языковая комиссия (в.-луж. Hornjoserbska rěčna komisija, HRK);
 9. периодические издания – «Rozhlad. Serbski kulturny časopis», «Katolski Posoł. Časopis katolskich Serbow», «Nowy Casnik», «Serbska šula», «Serbske Nowiny» [11; 12];

10. культурно-благотворительные фонды – Фонд серболужицкого народа (н.- луж. Założba za serbski lud, в.-луж. Założba za serbski lud);
11. информационные службы и агентства – «Serbska kulturna informacija», Серболужицкое радио (в.-луж. Serbski rozhłós, н.-луж. Serbski rozgłos, нем. Sorbischer Rundfunk);
12. киностудии – Sorabia-Film-Studio, которая является наследницей существовавшей в ГДР Produktionsgruppe Sorbischer Film или Serbska filmowa skupina;
13. политические организации – Сорбское / вендское народное представительство (в.луж. Serbske ludowe zastupnistwo, нем. Sorbische / wendische Volksvertretung); Лужицкий альянс (в.-луж. Łužiska Alianca; н.- луж. Łužyska Alianca; нем. Lausitzer Allianz), являющийся наследником исторических партий, включая Łužiska Ludowa Strona (Lausitzer Volkspartei, 1919–1924) и Serbska Ludowa Strona (Wendische Volkspartei, 1924–1933 [53]).

Активность этих и других организаций, руководимых интеллектуалов, которые фактически были сорбскими националистами, привела к ряду результатов, которые определяют основные особенности сорбов как культурного и политического сообщества. К началу 21 века сорбские интеллектуалы сформировали несколько изобретенных традиций, которые составили основу функционирования идентичности.

Эти изобретенные традиции отличаются рядом особенностей, а именно: 1) большинство изобретенных традиций проявляются в сфере языка и культуры; 2) изобретенные традиции в одинаковой степени отражают как замедленные темпы модернизации, так и неполную социальную структуру сорбского общества; 3) в качестве изобретенных традиций сорбы как воображаемое сообщество лишены политических институтов, которыми обладают другие меньшинства Европейского Союза; 4) изобретенные традиции в сфере образования также являются неполными, так как отсутствует возможность обучения в университетах на верхне- или

нижне-лужицком языках; 5) изобретение традиций в сфере академического сообщества также не завершено, так как ресурсы сорбских националистов в сфере гуманитарных штудий несопоставимы с аналогичными ресурсами других европейских меньшинств, что вынуждает их культивировать сорбскую идентичность не на верхне- или нижнелужицком, но на немецком языке [13; 42; 47].

Роль этих формальных институций в процессах изобретения традиций в сорбском национализме очень значительна, хотя основной вклад в производство идентичности как традиций и гранд-нарративов вносят, конечно, отдельные сорбские интеллектуалы, культурный вклад и активность которых формируют повестку дня современного сорбского национализма.

Заключение

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определяют основные векторы и траектории актуализации сорбской идентичности через этническую культуру как совокупность изобретаемых традиций.

Сорбская этническая культура в формах, воображаемых усилиями современных интеллектуалов стала фактически политически мотивированными изобретенными традициями – конструктами, созданными и предложенными националистами, которые использовали проявления традиционной и архаичной, фольклорной и религиозной культуры и этничности, интегрировали их в контексты и визуальные пространства современной культуры потребления массового общества, наделив их необходимыми характеристиками «правильности» и «аутентичности», превратив в политически и идеологически санкционированный инструмент для актуализации и визуализации сорбской этнической культуры в двух социальных измерениях – с одной стороны, в современном глобализирующемся мире, а, с другой, в немецком обществе, которое сталкивается с вызовами миграции и мультикультурализма.

В XX веке сорбы в рамках национал-социалистического тоталитаризма столкнулись с угрозой полной ассимиляции и утраты

этнической идентичности, а авторитарная модель ГДР вынудила их подвергнуться консолидации, стимулируемой политической модернизацией, превратившей традиционные сорбские сообщества в нацию. Особенностью ситуации стало то, что процессы националистической модернизации сорбов и других наций Европы отличными друг от друга, несмотря формально очень близкие стартовых условий и сходные тактики и стратегии элит, националистических и культурных активистов, применяемые ими в рамках модернизации. До момента модернизации сорбы представляли собой традиционные сообщества с неполными социальными структурами, являясь группами с архаичными идентичностями.

Деятельность активистов сорбской этнической культуры, таким образом, представляет собой попытки актуализации этнического в современном глобализирующемся немецком обществе, в большей степени основанной на серийной культуре массового потребления, воспринимаемой как гарантия от радикализации и восстановления немецкого этнического национализма, что сопряжено с коллективной культурной травмой немецкой идентичности и комплексом вины полученной в XX веке. Поэтому в Германии после второй мировой войны сложилась в определенной степени парадоксальная ситуация, которая, с одной стороны, предусматривает возможности ограниченного поддержания, продвижения и визуализации этнических культур и идентичностей меньшинств (как старых – сорбы, фризы, датчане, так и относительно новых – турки, и новейших – арабы), но, с другой, содействует маргинализации этнических оснований идентичности формального большинства в связи с опасениями его радикализации.

Список литературы

1. Васильева Л. Сучасна львівська сорабістика: спадкоємність, тематика, персоналії // *Zeszyty Łużyckie*. Т. 45. *Łużycanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie*. Cz. I. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2011. S. 287–299.

2. Илляр П. Меньшинства и «регионализмы» в «Европе регионов» // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 86–91.
3. Кирчанов М.В. От балканских крестьян к македонцам: интеллектуальная история македонского национализма. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2016. 304 с.
4. Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / Ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОС-СПЭН, 2013. С. 57–93.
5. Мательски Д. Национальное самосознание и интеграционные процессы лужицких сербов в Германской империи. Часть II: От первой мировой войны до наших дней (от 1914 года до начала XXI в.) // *Nowa Polityka Wschodnia*. 2014. No 2 (7). С. 182–209.
6. Шевченко К.В. Вопреки пророчествам. Лужицкие сербы на пороге третьего тысячелетия // *Славянский альманах*. М.: Индрик, 2004. С. 314–324.
7. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983. 256 p.
8. Bržanec A. Pawoł Nedo 1908–1984. Ein biografischer Beitrag zur sorbischen Geschichte. Bautzen: Sorbische Institut, 2002. 351 s.
9. Derlatka T. Jedna, dwie, a może kilka „literatur (serbo-)łużyckich”? Raz jeszcze o podstawowym problemie literaturoznawstwa sorabistycznego // *Zeszyty Łużyckie*. T. 44. Przenikanie się języków i kultur w przeszłości i we współczesności. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2010. S. 185–215.
10. Deutsch E. Wkład stypendystów Fundacji na rzecz Narodu Łużyckiego w rozwój sorabistyki // *Zeszyty Łużyckie*. T. 45. Łużyczanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie. Cz. I. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2011. S. 58–70.
11. Dołowy-Rybińska N. Górnołużyckie media – próba oceny // *Zeszyty Łużyckie*. T. 46. Łużyczanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2012. S. 154–165.
12. Dołowy-Rybińska N. Jedna czy dwie kultury? Problemy i wyzwania dwukulturowych i dwujęzycznych mniejszości (Bretończycy i Łużycz-

- nie) // *Zeszyty Łużyckie*. T. 45. Łużycanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie. Cz. I. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2011. S. 142–154.
13. Domownja/Heimat Sorbische/wendische Perspektiven auf die Lausitz / hrsg. M. Norberg, P. Kosta. Potsdam: Universitetverlag Potsdam, 2010. 208 s.
14. Elle L. Die Domowina in der DDR. Aufbau und Funktionsweise einer Minderheitenorganisation im staatlich-administrativen Sozialismus. Bautzen: Domowina, 2010. 255 s.
15. Fürstová L. Pověst o Krabatovi v literatuře 20. století. Praha: Karolinum, 2011. 68 s.
16. Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1983. 170 p.
17. Georg Wuschanski // Meier H. Das Apostolische Vikariat in den Sächsischen Erblanden. Leipzig: Studien zur Katholischen Bistums- und Klostersgeschichte, 1981. S. 135–140.
18. Greenfeld L. Nationalism: A Short History. NY.: Brookings Institution Press, 2019. 150 p.
19. Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 263–308.
20. Itoya B. Internet łużycki – o Łużyczanach czy dla Łużyczan? // *Zeszyty Łużyckie*. T. 44. Przenikanie się języków i kultur w przeszłości i we współczesności. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2010. S. 299–323.
21. Jacobs T. Der Sorbische Volkstanz in Geschichten und Diskursen. Bautzen: Domowina, 2014. 248 s.
22. Janaš P. Ideologiske wliwy němskeje buržuazije srjedź 19. lětstotka na doprědkarskeho serbskeho wučerja sakskeje Hornjeje Łužicy Jana Bohuwěra Mučinka // *Lětopis*. 1957. Bd 4. S. 237–293.
23. Keil J. Betrachtungen zum Werk Jurij Bržzans. Bautzen: Domowina, 1976. 326 s.
24. Kilank R. Der Cyrill-Methodius-Verein // *Eine Kirche – zwei Völker. Deutsche, sorbische und lateinische Quellentexte und Beiträge zur Geschichte des Bistums Dresden-Meißen von der Wiedererrichtung 1921*

- bis 1929 / hrsg. D. Grande, D. Fickenscher. Bautzen – Leipzig: Domowina, 2003. S. 579–581.
25. Kyrchanoff M.W. Concepts of Selfness and Otherness in traditional Macedonian culture // Человек в глобальном мире. Материалы международной научной конференции (г. Воронеж, 19–20 мая 2015 года) / ред. Н.В. Бугусова. Воронеж, 2015. P. 338–343.
26. Kyrchanoff M.W. Non-academic forms of constructivism in folk historical imaginations in Macedonia and Slovenia // Трета меѓународна научна конференција, 26–27 април 2018, Штип Филологија, култура и образование: зборник на трудови. Воронеж – Штип: Воронежский государственный университет – Универзитет “Гоце Делчев”, 2018. P. 325–331.
27. Laduš M. Domowina sto lět. Budyšin: Ludowe nakładnistwo «Domowina», 2012. 224 s.; Sto lět Domowina (1912–2012) / wud. E. Pjech, I. Kellerowa. Budyšin: Serbski institut – Maćica Serbska – Domowina, 2014. 139 s.
28. Ladusch M. Zum 100. Geburtstag von Dr. Johannes Ziesche, Sorbischer Verleger, Bautzens Landrat und Schriftsteller // Oberlausitzer Kulturschau. 1998. Heft 2. S. 28–29.
29. Langewiesche D. Westeuropäischer Nationalismus im 19. und frühen 20. Jahrhunderts // Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd.1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. S. 90–106.
30. Lekan Th. Imagining the Nation in Nature: Landscape Preservation and German Identity 1885–1945. Harvard: Harvard University Press, 2009. 342 p.
31. Looker B. A Nation of Neighborhoods: Imagining Cities, Communities, and Democracy in Postwar America. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 432 p.
32. Malinkowa T. Gustaw Alwin Mjerwa (1882–1958) // Rozhľad. 2008. No 4–5. S. 133–138, 165–171.
33. Meškank T. Instrumentalisierung einer Kultur. Zur Situation bei den Sorben 1948–1989. Bautzen: Domowina, 2014. 275 s.

34. Meškank T. Kultura w służbje totalitarneho režima. Wo wobstejnosćach w Serbach 1948–1989. Bautzen: Domowina, 2011. 248 s.
35. Musiat S. Sorbische/wendische Vereine. 1716–1937. Bautzen: Domowina, 2001. 527 s.
36. Nawka T. Serbski muzej w Budyšinje / Sorbisches Museum in Bautzen. Dzieje powstania i rozwoju Muzeum Serbołużyckiego w Budziszynie // *Zeszyty Łużyckie*. T. 44. Przenikanie się języków i kultur w przeszłości i we współczesności. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2010. S. 265–277.
37. Nilekani N. *Imagining India: The Idea of a Renewed Nation*. L.: Penguin Books, 2009. 540 p.
38. Pałys P. Dwudziestowieczne koncepcje wolnych Łużyc // *Pro Lusatia*. *Opolskie Studia Łużycoznawcze*. 2017. T. XV–XVI. URL.: <https://prolusatia.pl/opolskie-studia-luzycoznawcze/zawartosc-tomow/481-tom-15-16.html>
39. Páta J. Neznámé listy lužického buditele Handrija Lubjenského do Čech // *Časopis pro moderní filologii a literatury*. 1922. T. 9. S. 30–40, 116–124.
40. Pjeh E. Die Sorbenpolitik der DDR 1949–1970. Anspruch und Wirklichkeit. Bautzen: Domowina, 1999. 309 s.
41. Pjeh E. Serbołužyczanie we wczesnym okresie NRD // *Pro Lusatia*. *Opolskie Studia Łużycoznawcze*. 2019. T. XVIII. URL.: <https://prolusatia.pl/opolskie-studia-luzycoznawcze/zawartosc-tomow/506-tom-18.html>
42. Reflexionen zur sorbischen/wendischen Sprache, Kultur und Literatur / hrsg. P. Kosta. Potsdam: Universitetverlag Potsdam, 2003. 96 s.
43. Reuther M. Jakob Jatzwauk zum 65. Geburtstag // *Zentralblatt für Bibliothekswesen*. 1950. Bd. 64. No 5–6. S. 163–167.
44. Reuther M. Jakob Jatzwauk: Eine Würdigung // *Zentralblatt für Bibliothekswesen*. 1951. Bd. 65. No 11–12. S. 407–415.
45. Richter M. Deutsche Parteien in der sorbischen Oberlausitz 1945–1953. Die politische Entwicklung in den zweisprachigen Kreisen nach dem Zweiten Weltkrieg. Bautzen: Domowina, 2017. 682 s.
46. Salowski M., Kilank R., Schmidt P. *Katholische sorbische Lausitz*. Leipzig: St. Benno-Verlag, 1976. 255 s.

47. Sammelband zur sorbisch/wendischen Kultur und Identität / hrsg. M. Norberg, P. Kosta. Potsdam: Universitetverlag Potsdam, 2008. 142 s.
48. Schoch Br. Mit Ideologie allein war kein Staat zu machen. Vom Scheitern des sozialistischen deutschen Nationalbewußtseins in der DDR // Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. S. 320–345.
49. Scholze D. Jurij Brěžan – Leben und Werk. Bautzen: Domowina-Verlag, 2016. 296 s.
50. Scholze-Šořta D. Instytut Serbołużycki / Sebskiinstitut w Budziszynie i Chociebužu. Kompleksowy ośrodek badań nad językiem, historią i kulturą Serbołużyczan w Niemczech // Pro Lusatia. Opolskie Studia Łużycoznawcze. 2014. T. XIII. URL.: <https://prolusatia.pl/opolskie-studia-luzycoznawcze/zawartosc-tomow/427-tom-13.html>
51. Scholze-Šořta D. Wspomnienie o Profesorze Pawle Nowotnym (1912–2010) // Zeszyty Łużyckie. 2011. T. 45. Łużyczanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, S. 383–388.
52. Schurmann P. Sorbische Interessen und staatliche Minderheitenpolitik in der DDR. Bautzen: Domowina, 2016. 663 s.
53. Sokół J.J. Sorbian National Party: Lusatian Alliance as a national minority and regional party // Nationalities Affairs. 2011. Vol. 39. No 1. P. 145–162.
54. Šořta J. Klin, Bjedrich Adolf // Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow / wud. J. Šořta, P. Kunze, Fr. Šěn. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1984. S. 254.
55. Šořta J. Wirtschaft, Kultur und Nationalität: Ein Studienband zur sorbischen Geschichte. Bautzen: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1990. 191 s.
56. Šurman P. Dr. Jan Cyž a Dolna Łužyca. K jogo 25. smjertnemu dnju // Nowy Casnik. 2010. No 38. URL.: <http://www.nowycasnik.de/artikle/302>
57. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 330 p.

58. Ulbrechtová H. Lužickoserbská literatura: její vývoj a pozice mezi středoevropskými literaturami. Praha: Karolinum, 2009. 298 s.
59. Urban R. Die sorbische Volksgruppe in der Lausitz, 1949–1977: Ein dokumentarischer Bericht. Berlin: J.G. Herder-Institut, 1980. 348 s.
60. Völkel M. Trać dyrbi Serbstwo. Budyšin: Ludowe Nakładnistwo Domowina, 1997. 55 s.
61. Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France. 1870–1914. Stanford: Stanford University Press, 1976. 632 p.
62. Wićaz O. Handrij Lubjenski, pastor primarius Budyski // Łužica. 1928. T. 43. S. 26–28.
63. Wićaz O. Handrij Zejler a jeho doba. Budyšin: Domowina, 1955. 414 s.
64. Wićaz O. Jan Bohuwěr Horisław-Mučink. Pěsnjer, ludowy spisowaćel // Łužica. 1930. Bd. 45. S. 83–84, 92–95.
65. Zwahr H. Arnost Bart-Brězynčanski. Z dokumentaciju wo cesćenju. Bautzen: Domowina Verlag, 1981. 196 s.

References

1. Vasyl'yeva L. Suchasna l'vivs'ka sorabistyka: spadkoyemnist', tematyka, personaliyi [Modern Lviv Sorabistics: continuity, subject matter, personalities], *Zeszyty Łužyckie. T. 45. Łužycanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie. Cz. I.* Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2011. pp. 287–299.
2. Illyar P. Men'shinstva i «regionalizmy» v «Yevrope regionov» [Minorities and “Regionalisms” in “Europe of the Regions”], *Voprosy natsionalizma* [Problems of Nationalism], 2010, No 4, pp. 86–91.
3. Kirchanov M.V. *Ot balkanskikh krest'yan k makedontsam: intellektual'naya istoriya makedonskogo natsionalizm* [From Balkan peasants to Macedonians: the intellectual history of Macedonian nationalism]. M.: BIBLIO-GLOBUS, 2016. 304 p.
4. Kaposov N. Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego [Historical concepts in a world without a future], *Kak my pishem istoriyu* [How do we write history] / red. G. Garreta, G. Dyufu, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013. pp. 57–93.

5. Matel'ski D. Natsional'noye samosoznaniye i integratsionnyye protsessy luzhitskikh serbov v Germanskoy imperii. Chast' II: Ot pervoy mirovoj voyny do nashikh dnei (ot 1914 goda do nachala XXI v.) [National identity and integration processes of the Lusatian Serbs in the German Empire. Part II: From the first world war to the present day (from 1914 to the beginning of the XXI century)], *Nowa Polityka Wschodnia*, 2014, No 2 (7), pp. 182–209.
6. Shevchenko K.V. Vopreki prorochestvam. Luzhitskiye serby na poroge tret'yego tysyacheletiya, *Slavyanskiy al'manakh* [Contrary to the prophecies. Lusatian Sorbs on the threshold of the third millennium]. M.: Indrik, 2004, pp. 314–324.
7. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983. 256 p.
8. Bržanec A. *Pawol Nedo 1908–1984. Ein biografischer Beitrag zur sorbischen Geschichte*. Bautzen: Sorbische Institut, 2002. 351 p.
9. Derlatka T. Jedna, dwie, a może kilka „literatur (serbo-)łużyckich”? Raz jeszcze o podstawowym problemie literaturoznawstwa sorabistycznego, *Zeszyty Łużyckie. T. 44. Przenikanie się języków i kultur w przeszłości i we współczesności*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2010, pp. 185–215.
10. Deutsch E. Wkład stypendystów Fundacji na rzecz Narodu Łużyckiego w rozwój sorabistyki, *Zeszyty Łużyckie. T. 45. Łużycanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie. Cz. I*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2011, pp. 58–70.
11. Dołowy-Rybińska N. Górnołużyckie media – próba oceny, *Zeszyty Łużyckie. T. 46. Łużycanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2012, pp. 154–165.
12. Dołowy-Rybińska N. Jedna czy dwie kultury? Problemy i wyzwania dwukulturowych i dwujęzycznych mniejszości (Bretończycy i Łużyczanie), *Zeszyty Łużyckie. T. 45. Łużycanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie. Cz. I*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2011, pp. 142–154.

13. *Domownja/Heimat Sorbische/wendische Perspektiven auf die Lausitz* / hrsg. M. Norberg, P. Kosta. Potsdam: Universitetverlag Potsdam, 2010. 208 p.
14. Elle L. *Die Domowina in der DDR. Aufbau und Funktionsweise einer Minderheitenorganisation im staatlich-administrativen Sozialismus*. Bautzen: Domowina, 2010. 255 p.
15. Fürstová L. *Pověst o Krabatovi v literatuře 20. století*. Praha: Karolinum, 2011. 68 p.
16. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1983. 170 p.
17. Georg Wuschanski, Meier H. *Das Apostolische Vikariat in den Sächsischen Erblanden*. Leipzig: Studien zur Katholischen Bistums- und Klostersgeschichte, 1981, pp. 135–140.
18. Greenfeld L. *Nationalism: A Short History*. NY.: Brookings Institution Press, 2019. 150 p.
19. Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870 – 1914, *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, pp. 263–308.
20. Itoya B. Internet łużycki – o Łużyczanach czy dla Łużyczan?, *Zeszyty Łużyckie. T. 44. Przenikanie się języków i kultur w przeszłości i we współczesności*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2010. pp. 299–323.
21. Jacobs T. *Der Sorbische Volkstanz in Geschichten und Diskursen*. Bautzen: Domowina, 2014. 248 p.
22. Janaš P. Ideologiske wliwy němskeje buržuazije srjedź 19. lětstotka na doprědkarskeho serbskeho wučerja sakskeje Hornjeje Łužicy Jana Bohuwěra Mučinka, *Lětopis*, 1957, Bd 4, pp. 237–293.
23. Keil J. *Betrachtungen zum Werk Jurij Brězans*. Bautzen: Domowina, 1976. 326 p.
24. Kilank R. Der Cyrill-Methodius-Verein, *Eine Kirche – zwei Völker. Deutsche, sorbische und lateinische Quellentexte und Beiträge zur Geschichte des Bistums Dresden-Meißen von der Wiedererrichtung 1921 bis 1929* / hrsg. D. Grande, D. Fickenscher. Bautzen – Leipzig: Domowina, 2003. pp. 579–581.

25. Kyrchanoff M.W. Concepts of Selfness and Otherness in traditional Macedonian culture, *Chelovek v global'nom mire. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Voronezh, 19–20 maya 2015 goda)* / Ред. Н.В. Бутусова. Воронеж: VGU, 2015. pp. 338–343.
26. Kyrchanoff M.W. Non-academic forms of constructivism in folk historical imaginations in Macedonia and Slovenia, *Трета меѓународна научна конференција, 26-27 април 2018, Štip Filologija, kultura i obrazovanie: zbornik na trudovi*. Voronež – Štip: Voronežskij gosudarstvennyj universitet – Univerzitet “Goce Delčev”, 2018, pp. 325–331.
27. Laduš M. *Domowina sto lět*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo «Domowina», 2012. 224 s.
28. Ladusch M. Zum 100. Geburtstag von Dr. Johannes Ziesche, Sorbischer Verleger, Bautzens Landrat und Schriftsteller, *Oberlausitzer Kulturschau*. 1998, Heft 2, pp. 28–29.
29. Langewiesche D. Westeuropäischer Nationalismus im 19. und frühen 20. Jahrhunderts, *Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster* / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. pp. 90–106.
30. Lekan Th. *Imagining the Nation in Nature: Landscape Preservation and German Identity 1885–1945*. Harvard: Harvard University Press, 2009. 342 p.
31. Looker B. *A Nation of Neighborhoods: Imagining Cities, Communities, and Democracy in Postwar America*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 432 p.
32. Malinkowa T. Gustaw Alwin Mjerwa (1882–1958), *Rozhľad*, 2008, No 4–5, pp. 133–138, 165–171.
33. Meškank T. *Instrumentalisierung einer Kultur. Zur Situation bei den Sorben 1948–1989*. Bautzen: Domowina, 2014. 275 p.
34. Meškank T. *Kultura w służbje totalitarneho režima. Wo wobstejnosćach w Serbach 1948–1989*. Bautzen: Domowina, 2011. 248 p.
35. Musiat S. *Sorbische/wendische Vereine. 1716–1937*. Bautzen: Domowina, 2001. 527 p.
36. Nawka T. Serbski muzej w Budyšinje / Sorbisches Museum in Bautzen. Dzieje powstania i rozwoju Muzeum Serbołużyckiego w Budziszynie,

- Zeszyty Łużyckie. T. 44. Przenikanie się języków i kultur w przeszłości i we współczesności.* Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2010. pp. 265–277.
37. Nilekani N. *Imagining India: The Idea of a Renewed Nation.* L.: Penguin Books, 2009. 540 p.
38. Pałys P. Dwudziestowieczne koncepcje wolnych Łużyc, *Pro Lusatia. Opolskie Studia Łużycoznawcze.* 2017. T. XV–XVI. URL.: <https://prolusatia.pl/opolskie-studia-luzycoznawcze/zawartosc-tomow/481-tom-15-16.html>
39. Páta J. Neznámé listy lužického buditele Handrija Lubjenského do Čech, *Časopis pro moderní filologii a literatury*, 1922, T. 9, pp. 30–40, 116–124.
40. Pjech E. *Die Sorbenpolitik der DDR 1949–1970. Anspruch und Wirklichkeit.* Bautzen: Domowina, 1999. 309 s.
41. Pjech E. Serbołużyczanie we wczesnym okresie NRD, *Pro Lusatia. Opolskie Studia Łużycoznawcze.* 2019. T. XVIII. URL.: <https://prolusatia.pl/opolskie-studia-luzycoznawcze/zawartosc-tomow/506-tom-18.html>
42. *Reflexionen zur sorbischen/wendischen Sprache, Kultur und Literatur* / hrsg. P. Kosta. Potsdam: Universitvetverlag Potsdam, 2003. 96 p.
43. Reuther M. Jakob Jatzwauk zum 65. Geburtstag, *Zentralblatt für Bibliothekswesen*, 1950, Bd. 64, No 5–6, pp. 163–167.
44. Reuther M. Jakob Jatzwauk: Eine Würdigung, *Zentralblatt für Bibliothekswesen*, 1951, Bd. 65, No 11–12. pp. 407–415.
45. Richter M. *Deutsche Parteien in der sorbischen Oberlausitz 1945–1953. Die politische Entwicklung in den zweisprachigen Kreisen nach dem Zweiten Weltkrieg.* Bautzen: Domowina, 2017. 682 p.
46. Salowski M., Kilank R., Schmidt P. *Katholische sorbische Lausitz.* Leipzig: St. Benno-Verlag, 1976. 255 p.
47. *Sammelband zur sorbisch/wendischen Kultur und Identität* / hrsg. M. Norberg, P. Kosta. Potsdam: Universitvetverlag Potsdam, 2008. 142 p.
48. Schoch Br. Mit Ideologie allein war kein Staat zu machen. Vom Scheitern des sozialistischen deutschen Nationalbewußtseins in der DDR, *Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten ver-*

- größte Ansicht in neuem Fenster* / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. pp. 320–345.
49. Scholze D. *Jurij Brězan – Leben und Werk*. Bautzen: Domowina-Verlag, 2016. 296 p.
50. Scholze-Šořta D. Instytut Serbołużycki / Sebskiinstitut w Budziszyniu i Chociebużu. Kompleksowy ośrodek badań nad językiem, historią i kulturą Serbołużyczan w Niemczech, *Pro Lusatia. Opolskie Studia Lużycoznawcze*. 2014. T. XIII. URL.: <https://prolusatia.pl/opolskie-studia-luzycoznawcze/zawartosc-tomow/427-tom-13.html>
51. Scholze-Šořta D. Wspomnienie o Profesorze Pawle Nowotnym (1912–2010), *Zeszyty Lużyckie*. 2011. T. 45. *Lużycanie i inne mniejszości językowe, kulturowe i etniczne w Europie*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, pp. 383–388.
52. Schurmann P. *Sorbische Interessen und staatliche Minderheitenpolitik in der DDR*. Bautzen: Domowina, 2016. 663 p.
53. Sokół J.J. Sorbian National Party: Lusatian Alliance as a national minority and regional party, *Nationalities Affairs*, 2011, Vol. 39, No 1, pp. 145–162.
54. Šořta J. Klin, Bjedrich Adolf, *Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow* / wud. J. Šořta, P. Kunze, Fr. Šěn. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1984. S. 254.
55. Šořta J. *Wirtschaft, Kultur und Nationalität: Ein Studienband zur sorbischen Geschichte*. Bautzen: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1990. 191 p.
56. Šurman P. Dr. Jan Cyž a Dolna Łużyca. K jogo 25. smjertnemu dnju, *Nowy Casnik*. 2010. No 38. URL.: <http://www.nowycasnik.de/artikle/302>
57. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 330 p.
58. Ulbrechtová H. *Lužickoserbská literatura: její vývoj a pozice mezi středoevropskými literaturami*. Praha: Karolinum, 2009. 298 p.
59. Urban R. *Die sorbische Volksgruppe in der Lausitz, 1949-1977: Ein dokumentarischer Bericht*. Berlin: J.G. Herder-Institut, 1980. 348 p.
60. Völkel M. *Trać dyrbi Serbstwo*. Budyšin: Ludowe Nakładnistwo Domowina, 1997. 55 p.

61. Weber E. *Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France. 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976. 632 p.
62. Wićaz O. Handrij Lubjenski, pastor primarius Budyski, *Łužica*, 1928, T. 43, pp. 26–28.
63. Wićaz O. *Handrij Zejler a jeho doba*. Budyšin: Domowina, 1955. 414 p.
64. Wićaz O. Jan Bohuwěr Horisław-Mučink. Pěsnjer, ludowy spisowaćel, *Łužica*, 1930, Bd. 45, pp. 83–84, 92–95.
65. Zwahr H. *Arnost Bart-Brězynčanski. Z dokumentaciju wo cesćenju*. Bautzen: Domowina Verlag, 1981. 196 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук доцент
Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kyrchanoff Maksym W., DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies
Voronezh State University
16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: 0000-00033819-3103

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-97-131

УДК 341.234 + 316.7-054.57

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ КАК «ОТЛОЖЕННОЕ» ВООБРАЖЕНИЕ НАЦИИ В СОРБСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

Часть 2.

Воображение сорбской этнической и политической нации в национализме меньшинства с «негативным» социальным наследием

Кирчанов М.В.

Цель. Автор анализирует проблемы сорбской этнической культуры как одной из изобретенных традиций сорбского национализма. Целью статьи является анализ стратегий, используемых интеллектуалами для актуализации и визуализации этнической культуры сорбов как формы идентичности и изобретенной традиции в современной ситуации.

Методы. Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии национализма, включая концепции воображения сообществ и изобретения традиций.

Выводы. Анализируя роль и значение этничности и этнической культуры в ее систематизированной и стандартизированной версии автор полагает, что эти факторы в сорбском национализме были более важны чем в других европейских национализмах, которые постепенно утрачивали потенциал этничности, сократив и минимизировав ее до музеифицированных форм. Автор полагает, что несколько факторов, включая угрозы германизации, отсутствие полных социальных структур, медленная динамика политических и социальных трансформаций стали стимулами для сорбских интеллектуалов использовать потенциал традиционной культуры в ее этнических формах. В целом предполагается, что актуальная фаза в развитии сорбского культурного национализма привела к его

виртуализации, изменению форм этнической мобилизации, окончательному превращению культурных активностей националистов в одну из практик изобретения традиций. В статье показано, что существование этнической культуры как изобретенной традиции является важным фактором в существовании сорбов как воображаемого сообщества и политической нации.

Ключевые слова: сорбы; Лужица; национализм; изобретение традиций; воображение сообществ; воображаемые / воображенные сообщества.

INVENTION OF TRADITIONS AS “POSTPONED” IMAGINATION OF THE NATION IN SORBIAN NATIONALISM

Part 2.

Imagination of the Sorbian ethnic and political nation in minority nationalism with a “negative” social heritage

Kyrchanoff M.W.

Purpose. *The author analyses the problems of Sorbian ethnic culture as one of the invented traditions of Sorbian nationalism. The aim of the article is to analyse the strategies used by intellectuals in their attempts to actualise and visualise the ethnic culture of Sorbians as a form of identity and invented tradition in the actual situation.*

Methods. *Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography of nationalism, including the concepts of the imagination of communities and the invention of traditions.*

Results. *Analysing the role and importance of ethnicity and ethnic culture in its systematized and standardized versions, the author believes that these factors in Sorbian nationalism were more important than in other European nationalisms, which lost the potential of ethnicity gradually, reducing and minimizing it to museumized forms. The author believes that several factors, including the threats of Germanization, the*

lack of complete social structures, and the slow dynamics of political and social transformations became incentives for Sorbian intellectuals to use the potential of traditional culture in its ethnic forms. In general, it is assumed that the current phase in the development of Sorbian cultural nationalism led to its virtualization, changed the forms of ethnic mobilization, and inspired the final transformation of the cultural activities of nationalists into one of the practices of invention of traditions. The article shows that the existence of ethnic culture as an invented tradition is an important factor in the development of Sorbians as an imagined community and political nation.

Keywords: *Sorbians (Sorben / Wenden, Serby, Serbski lud); Lusatia (Lausitz, Łužica, Łužyca); nationalism; invention of traditions; imagining / imagined communities.*

Введение

Формулировка проблемы. Изобретенные традиции современных наций или групп, претендующих на такой статус, отличаются значительным разнообразием варьируясь от политических ритуалов нации как гражданского сообщества до гетерогенных культурных и интеллектуальных практик нации как группы, в основе которой лежат идеи этничности, а концепты гражданской нации востребованы в меньшей степени, чем этническое наследие, оформленное в изобретенные традиции, фактически являющиеся наследием деятельности предыдущих поколений националистов. Конструктивистская парадигма в описании национализма и наций, как его производных, доминирует в современной междисциплинарной и международной историографии, определяя основные векторы и траектории изучения национализма и определяя основные принципы их изучения.

Эти принципы, конечно же, редуцируют историю национализма, превращая ее, с одной стороны, в преимущественно множественные социальные, культурные и интеллектуальные истории модернизации, тем не менее, именно они доминируют в историографии. С другой стороны, именно эти историографические практики в значительной степени сформировали тот модус описания / написа-

ния истории национализма и производных от него наций, который доминирует в историографии, сфокусированной на истории национализма тех групп, социальная и культурная история которых отличалась замедленной политической модернизацией, характерной не только для сорбов, но и целого ряда других европейских сообществ [2], чья идентичность колебалась между не совсем академической типологией национализма О. Неменского на «городской» и «сельский» [9], и чья трансформация из традиционных крестьянских групп в нации, протекала более медленно и которые не приняли участия в процессе, определённом Э. Хобсбаумом как «массовое производство традиций» [43]. Поэтому идентичность лужицких сорбов, которая проявляется в процессе изобретения традиций (анализируемом в этой статье), может быть определена как идентичность сообщества, относящегося к числу наций, определяемых в историографии как «опоздавшие» [5], то есть на протяжении длительного времени отличавшиеся неполными социальными институтами, а полемическая, этническая и культурная идентичности которых были развиты и представлены неравномерно и диспропорционально.

Специфика историографической ситуации. Если на протяжении 1950-х – первой половины 1970-х в историографии в целом, как полагает Ф. Досс, доминировала структуралистская парадигма, в основе которой лежал синтез лингвистики как «дисциплины-образца» с социологией и этнологией, то в 1980-е годы историки стали больше внимание уделять самой историчности, а не социальным структурам изучаемых обществ [4]. Подобная ситуация в значительной степени бала характерна и для междисциплинарной историографии национализма. Если на протяжении 1980–1990-х годов в основе парадигмы лежали марксистские подходы модернизма и конструктивизма, дополненные склонности к социальному анализу, то в 2000–2010-е годы эти концепты были дополнены осознанием роли воображения и изобретения наций и их идентичностей, как следствия прогресса развития национализма, хотя эти идеи были предложены еще в первой половине 1980-х годов. Зависимость от

этой теоретической конъюнктуры испытали на себе и штудии, сфокусированные на изучении сорбского национализма.

Историография, посвященная сорбскому национализму, гетерогенна как с идеологической, так и методологической точек зрения – например, польская [29], чешская [30; 49; 63; 105; 106] и украинская [6; 7; 12; 13] историографии, развивавшиеся в рамках событийной, преимущественной позитивистской, парадигмы на протяжении длительного времени актуализировали антигерманизм и использовали ресурс славянской солидарности. Примечательно и то, что сама дефиниция «национализм» [57] для обозначения сорбского национального движения используется не так часто, как для анализа аналогичных процессов в других славянских регионах. Некоторые рецидивы подобного подхода характерны и для современной российской историографии [1; 3; 14; 15], склонной интегрировать сорбские сюжеты в более широкие славянские или центрально-европейские контексты [8]. В современной российской историографии [11] доминирует неопозитивистская парадигма описания истории сорбов, сведя проявления национализма и производимой им этничности к почти исключительно событийной стороне истории культуры или языка [10].

Конструктивистская парадигма сорбистике? Современная немецкая историография несет в себе все эти родовые методологические травмы, унаследованные от восточногерманской исторической науки, вынуждая историков анализировать сорбскую проблематику в контекстах событийного подхода, что не исключает эпизодические интервенции радикальной модернистской эпистемологии [70], хотя последние являются чрезвычайно редки и немногочисленны, локализуясь, как правило, в рамках интеллектуальной истории и истории идей [35; 67; 104], фронтальных штудий и транскультурального подхода [18; 33], или теории многосоставного общества в его отношении к меньшинствам [64]. Некоторыми авторами предпринимаются интересные с точки зрения междисциплинарности попытки анализа сорбов как «образцового» меньшинства [31; 85; 102] и классического случая развития миноритарной

группы в многосоставном обществе. Новейшие тенденции использования конструктивизма в изучении сорбского национализма наметились позже [16; 52; 95], чем в изучении других региональных национализмов.

Это хронологическое отставание превращает как сам сорбский национализм, так и производимые им идентичности, представленные различными изобретенными традициями в форме национальной литературы [51; 68; 76] и языка [48; 72; 73], народного костюма, музыки, танца [17; 40], исторических штудий [42; 71; 92], в чрезвычайно перспективные темы в современной историографии в контексте конструктивистских подходов [55; 81; 82], предлагаемых историей идей, археологией идей, интеллектуальной историей, междисциплинарными исследованиями национализма, культурной историей... В целом, современные исследователи национализма Центральной

Европы [45] указывают на растущую роль национализмов [23; 44], хотя сорбский национализм и воспроизводимые им идентичности и их изобретенные традиции, как правило, пребывают вне сферы внимания исследователей прогнозируемой «шестой волны» [69] в развитии национализма.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в данной статье – проблемы актуализации и визуализации сорбской этнической культуры как одной из изобретенных традиций сорбского национализма. Целью статьи является анализ тех практик и стратегий, которые используются интеллектуалами для актуализации и визуализации этнической культуры как формы идентичности и изобретенной традиции в современной ситуации.

Методология. Методологически данная статья в целом основана на принципах, предложенных в междисциплинарной историографии национализма [37], на идеях, сформулированных Эриком Хобсбаумом в его концепции «изобретения традиций» [98]. Эрик Хобсбаум и другие историки полагают, что многие «традиции» фактически являются модерновыми националистическими новообразованиями, призванными легитимировать сам факт существования

нации [36]. Эта политическая функция «изобретения традиций» актуализируется в рамках различных культурных активностей интеллектуалов, которые на современном этапе интегрируют ее в доминирующие культурные практики, в большей степени характерные для общества потребления.

Результаты и обсуждение

Сорбское изобретение традиций: фронтальный случай периферийного национализма. С формальной точки зрения диапазон возможностей сорбских интеллектуалов как представителей национального меньшинства как в артикуляции, так и развитии собственной идентичности в Германии после объединения оказался в значительной степени ограниченным в силу того, что ликвидация ГДР стала стимулом для развития немецкого национализма, позволив интеллектуалам, даже тем, кто представляет академическое сообщество, открыто рассуждать о немцах как «государственном народе» [46].

Значительная часть активностей и коллективных усилий сорбских националистически ориентированных интеллектуалов на современном этапе, несмотря на формальное определение в ФРГ сорбов как меньшинства и признания за ними права свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную и языковую идентичность [60], направлена именно на развитие последней в том обществе, которое на протяжении длительного времени апробировало в их отношении различные стратегии германизации. В этой ситуации сорбские интеллектуалы, конструируя идентичность и наделяя ее необходимыми изобретенными традициями, активно используют ресурсы этничности, формулируя несколько вопросов, включая «Какую роль играет традиционная сорбская / вендская культура в наше время? Как вы можете развивать традиции дальше? И как традиционные элементы можно интерпретировать по-современному и превращать в привлекательные модные продукты?» [91]. Поэтому, сорбские активисты особое внимание уделяют актуализации лингвистической компоненты в самом про-

цессе изобретения традиций. На современном этапе реализуется несколько лингвистических проектов, призванных содействовать ревитализации [27; 32] лужицких языков и их большему присутствию в общественной жизни на региональном уровне.

Среди языковых инициатив, направленных на повышение роли верхне-лужицкого и нижне-лужицкого языков является проект «Witaj» [80], сфокусированный на развитии образования на языке славянских меньшинств в ФРГ [88], что, по мысли его вдохновителей [22; 25; 28; 41; 61], должно укреплять идентичность сорбов как отдельной группы и сообщества, актуализируя их опыт противостояния немецкому большинству и исходящей от него политики принудительной ассимиляции через германизацию [66].

Символические пространства изобретения традиций как формы функционирования идентичности сорбов разнообразны. Сорбские академические институции, с одной стороны, призваны генерировать компромиссные версии идентичности, основанные на воспроизводстве и продвижении историографических гранд-нарративов. Академические интеллектуалы вовлечены в процессы формирования канона исторической памяти как национальной, интегрируя в нее как собственно национализм, так и ассимиляцию, как различные формы протеста, так и различные версии лояльности и / или оппозиционности, что в первую очередь относится к национал-социалистическому периоду или истории ГДР [21; 24; 97]. С другой стороны, национальные и языковые активисты занимают иную нишу изобретения традиций, что относится к ее актуализации через образовательные инициативы, связанные с продвижением верхне- и нижнелужицкого языков в обществе.

Культура как сфера изобретения традиций. Промежуточное фронтальное положение между академическими националистами и сторонниками продвижения этнической и языковой идентичности занимают культурные активисты, которые используют несколько иной набор изобретения традиций, отдавая предпочтения различным формам и стратегиям визуализации самости сорбов, включая этнически мотивированные средства актуализации гендера

и национально узнаваемой сексуальности, воспринимаемого как компонент концепта *Domizna / Domovina* [96], в культурных пространствах. Наряду с такими радикальными вариантами изобретения традиций, интегрированными в массовую культуру общества потребления, сорбские культурные активисты используют и традиционные формы массового воспроизводства традиций, применяя потенциал музея как универсального социального института для консолидации идентичности.

Например, в числе культурных инициатив Сорбского музея входит экспозиция «*Mały lud. Bohata kultura*» или «*Kleines Volk. Reiche Kultur*» [54], которая актуализирует как уникальность лужицкой идентичности, так и ее место в немецком многосоставном обществе. Развитие образования на сорбских языках сохраняет свою роль в контекстах изобретения традиций, если речь идет об актуализации концептов Самости и Другости в силу того, что некоторые интеллектуалы не только не упускают возможности формировать негативные образы немцев как проводников политики германизации, но и периодически актуализируют именно славянскую традиционную этничность сорбов, указывая на их связи с другими славянскими нациями [94], которые достигли больших успехов в деле национальной консолидации, что не вызывает понимания со стороны властей ФРГ.

В этом контексте сорбские интеллектуалы с определенным хронологическим отставанием актуализируют роль истории [39] в процессах изобретения традиции, превращая прошлое, с одной стороны, и историческую память о нем, с другой, в инструмент как манипуляции с идентичностью, так и ее интеграции в те каноны и версии националистического воображения, которые создаются и продвигаются интеллектуалами. Языковые образовательные инициативы в сорбском культурном контексте следует интерпретировать как исключение из общей логики изобретения традиций, которую демонстрирует история европейских национализмов 19–20 веков в силу того, что как язык, так и языковое образование были факторами фрагментации, а не консолидации нации в силу того, что исто-

рически сложилась два сорбских сообщества, претендующими на статус гражданских и этнических наций со своими собственными изобретенными традициями.

На протяжении длительного времени немецкие интеллектуалы предрекали ассимиляцию лужичан и их полное исчезновение, что, вероятно, и предопределило определенный скепсис в отношении верхне- и нижнелужицкого языков, позволив некоторым интеллектуалам сомневаться в их статусе как живых или умирающих [53]. Анализируя языковые инициативы сорбских этнических активистов следует принимать во внимание и их ограниченный эффект, хотя определенный рост интереса к нижне- и верхнелужицкому языкам в условиях отказа властей ФРГ [59] от целенаправленной политики германизации меньшинств наблюдается [34], что, вероятно, позволяет говорить об отложенном или отсроченном процессе изобретения традиций.

Конструирование stawizny: национальная история как изобретенная традиции национализма. Процессы изобретения традиций на современном этапе осложнены и фрагментацией самих сорбов, которые используют два самостоятельных литературных языка. Если в предшествующие этапы истории лужицкого национализма изобретение, поддержание и воспроизводство этнических традиций было связано с необходимостью противостояния ассимиляции, то на современном этапе заметны тенденции к фрагментации националистического воображения сорбских культурных лидеров. Например, ведущую роль в этом процессе играет культурная организация «Rónaschemu», связанная с «Лужицким альянсом» Ханнеса Вильгельма-Келля (Hannes Wilhelm-Kell) известного среди лужичан как Ханзо Вилем-Кел (Hanzo Wylem- Keł), который (несмотря на то, что является этническим немцем), позиционирует группу в качестве именно нижнелужицкого проекта.

«Rónaschemu» не принимает инициативы «Домовины», обвиняя ее в поддержке только верхних лужичан, настаивая на сохранении традиционной аграрной культуры сорбов.

Развивая сорбский национализм в его этнизированной нижнелужицкой версии, «Rónaschemu» стремится вновь ввести в актив-

ное использование этноним «венды» для обозначения и актуализации отличий нижних лужичан от верхних, интегрировав при этом историю в арсенал изобретенных традиций. Усилиями некоторых радикальных сорбских интеллектуалов концепт «венды» и производные от него претендуют на то, чтобы стать новой изобретенной традицией сорбского национализма, но в этой интеллектуальной и культурной ситуации примечательно то, что слова «Wendojo» или «wendski» не существуют ни в верхне-, ни нижнелужицком языке, их использование носит эпизодический и несистемный характер [86], являясь скорее идеологическими неологизмами и кальками с немецкого, хотя и в самой немецкой интеллектуальной истории [93] эти понятия в большей степени претендуют на статус изобретенной традиции, (отягощенной негативными коннотациями в рамках германского националистического или национал-социалистического дискурсов), замененной более нейтральными «славянскими» дефинициями [20]. Несмотря на то, что немецкое общество имеет значительный опыт дискуссий относительно болезненных моментов истории XX века, включая историческую политику (Geschichtspolitik), политику прошлого (Vergangenheitspolitik), политику идентичности (Identitätspolitik), политики памяти (Erinnerungspolitik), культуру памяти (Erinnerungskultur), культуру истории (Geschichtskultur) и историческое сознание (Geschichtsbewusstsein) [74], сорбские националисты используют эти исторические инструменты в меньшей степени чем немецкие интеллектуалы, формирующие историографический мейн-стрим в современной ФРГ.

В историографии неоднократно высказывалось мнение, что «историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты... нации создаются в историческом воображении» [87]. Stawizny, или история, стала важной изобретенной традицией сорбского национализма, хотя первые

серьезные попытки как изобретения, так и продвижения истории как изобретенной традиции националистического воображения были предприняты в ГДР [19; 50; 75; 90]. Тем не менее в ФРГ сорбские интеллектуалы предприняли определенные усилия, направленные на декоммунизацию исторических нарративов, предпочтя их национализацию и этнизацию.

Поэтому некоторые современные сорбские активисты, пусть и со значительным хронологическим отставанием, прилагают значительные усилия к национализации исторического прошлого сорбов, его превращению в национальную историю как изобретенную традицию национализма. Сорбские националисты в своих исторических штудиях апеллируют к ранней истории Германии, указывая на то, что значительная ее часть была населена славянскими племенами, воображаемыми как исторические предки и предшественники сорбов. Эти идеи в современном воображении сорбского национализма имеют практическое значение, воспринимаясь как аргумент в полемике с немецкими националистами [38; 58; 78; 79], склонными минимизировать роль славян или редуцировать ее до эпизодического и случайного. Вероятно сорбские интеллектуалы на современном этапе вплотную подошли к тому моменту осознания и понимания важности «переписывания истории согласно этноцентричным канонам» [84, p. 558], которая уже давно вошла в арсенал националистического воображения и изобретения традиций в других национализмах.

Сторонниками «Рѳнаschemu» и «Лужицкого Альянса» предлагаются и альтернативные версии истории сорбов, основанные на воображении нижних лужичан как исторических, этнических и лингвистических преемников полабских славян. Как полагает американский историк Крэйг Калхун, «обращение к истории и примордиальной этничности – это ответ на проблемы современных притязаний на статус нации... этнические истоки – тема, доминирующая в националистической риторике» [26, p. 110–111], в том числе и политическом языке современного сорбского национализма, который осваивает потенциал использования истории для националисти-

ческих мобилизаций с определенным опозданием. При этом, роль исторического воображения [99] и связанных с ним дискуссий в современном культурном пространстве сорбского национализма не столь велика в отличие от других национализмов, идеологи которых активно используют историю в националистических мобилизациях.

Изобретение сорбских традиций идентичности: этнический национализм в постнациональном обществе. Кроме этого изобретение традиций как форм функционирования идентичности в сорбском случае отягощено и осложнено как значительной степенью ассимиляции и германизации, так и интеграцией сорбских интеллектуалов в немецкое общество, что сближает практикуемые ими тактики и стратегии с аналогичными практиками изобретения традиций, которые, например, характерны для современных ирландских интеллектуалов вынужденных использовать английский язык в качестве языка политического и культурного ирландского национализма.

Сорбские интеллектуалы, в свою очередь, вынуждены использовать немецкий [47; 77; 83; 100; 101], который, если не актуализируют различные варианты лужицкой идентичности в полной мере, то, как минимум, визуализирует память о ней в немецких языковых контекстах. Поэтому, сорбские интеллектуалы [88; 89] в своих практиках и стратегиях, направленных на изобретение и воспроизводство традиций, вынуждены лавировать между попытками выработки единого стандарта или признания гетерогенности идентичностей. Анализируя проект «Witaj» и роль подобных инициатив в современном немецком обществе, во внимание следует принимать то, что он не сможет стать важным фактором изобретения новых традиций в силу того, что для истории сорбского национализма, в отличие от соседних славянских национализмов, была характерна более замедленная динамика социальных и культурных изменений и трансформаций.

Реализация проекта началась в 1998 году, предусматривая внедрение и дальнейшее использование в детских садах языков лужицких славян, что позволяло бы продолжать обучение в средних учеб-

ных заведениях с преподаванием части дисциплин на языках тех сообществ, которые являются меньшинствами. Языковые инициативы, включая «Witaj», на современном этапе не столь эффективны в качестве формы изобретения традиций в силу ряда факторов, включая несколько столетий германизации, вызванные ей ассимиляционные потери, медленные темпы националистической мобилизации, что вынуждает лужицких этнических активистов признавать, что их усилия в значительной степени носят односторонний характер и не были бы столь эффективны без государственной поддержки [56] со стороны того многосоставного общества, в составе которого вынуждены функционировать сорбские сообщества.

Если польские и чешские националисты предприняли шаги по формированию национальной школы, как организационно структурированной системы, в 19 веке, то сорбские националисты не имели таких возможностей, что на современном этапе минимизирует роль образовательных инициатив и институций в процессах изобретения традиций, оставляя им, в лучшем случае, ограниченный набор возможностей ревитализации [62] и большей визуализации идентичности меньшинств в многосоставных обществах [72; 73; 103], на что указывают и сами сорбские активисты, сравнивая свой опыт с аналогичными практиками, используемыми фризскими и датскими сообществами в ФРГ [65; 66].

Заключение

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определяют основные векторы и траектории актуализации сорбской идентичности через этническую культуру как совокупность изобретаемых традиций.

Основным отличием сорбского национализма стала роль этничности и этнической культуры, как ее систематизированной и стандартизированной версии, что существенно отличает его от других европейских национализмов, которые в XX веке наоборот постепенно утрачивали потенциал этничности, сохранив ее в редуцированных и музейфицированных формах. Какова же роль этничности

и этнической культуры в развитии и функционировании современного сорбского национализма и националистического воображения интеллектуалов как основных участников воспроизводства этнической культуры, основанной на стандартизированном националистическом дискурсе, сложившемся благодаря различным активностям сорбских интеллектуалов?

Несколько факторов стали стимулами для сорбских интеллектуалов обратиться к традиционной культуре в ее этнических формах. Эти факторы разнообразны, включая в себя кризис предшествующей, более ранней либроцентричной культурной модели модерна, основанной на наследии как романтического национализма и формально ненационалистических светских и религиозных идеологий, в основе которых лежали офф-лайнные и аналоговые культурные практики, унаследованные нациями-государствами от эпохи доминирования высоких культур. Изобретенные традиции этнической культуры, с одной стороны, стали конструктами, стимулируемыми глобализацией, вызовами миграции, кризисом и эрозией немецкого общества как преимущественно немецкого и европейского. С другой стороны, они превратились в инструмент этнического национализма, как актора модернизации, деконструировавшего аутентичные этнические культуры в силу их чрезвычайной гетерогенности, невозможности интеграции в культурный канон модерна и в националистические практики изобретения традиций.

В этой ситуации националисты и этнические активисты не только вовлечены в процессы националистического воображения, изобретения этнической культуры, но и втянуты в практики кодификации и систематизации народных традиций, их адаптации к запросам современного общества потребления, которое вынуждено сосуществовать с сообществами меньшинств, склонными воспроизводить свои собственные этнические культуры, воспринимая их в качестве оснований собственных идентичностей. Поэтому тактики, практики и стратегии этнической визуализации и репрезентации национальных сорбских активистов в Германии отличаются значительной степенью гетерогенности, соотносясь с аналогичными стратегиями,

используемыми другими этническими группами. В условиях глобализации и регионализации роль этнического сорбского национализма, как фактора развития этнической культуры, поддерживаемой националистами-интеллектуалами, будет оставаться относительно значительной для современного немецкого общества, а этническая компонента в деятельности националистически ориентированных сорбских интеллектуалов, культурных и языковых активистов станет основной формой визуализации и актуализации не только национальной идентичности сорбов как политической нации, но и как этнического и языкового меньшинства.

Актуальная фаза в развитии сорбского национализма в его культурной и этнической форме ознаменована тенденциями виртуализации, что вносит значительные коррективы в число тактик, стратегий и форм этнической мобилизации, доступных для националистов, значительно расширяя его, превращая культурные, фольклорные, музыкальные активности в фактически формы изобретения традиций. В целом функционирование этнической культуры как одной из форм изобретения традиций и воображения сообществ является важным фактором в существовании сорбов как изобретаемой политической, культурной и этнической нации.

Изобретение традиций в сорбском национализме не ограничивается только теми аспектами, которые проанализированы в автором в этой статье. Культурная и интеллектуальная история сорбского националистического воображения в 19 и 20 веках обеспечивает его историков многочисленными примерами развития и конструирования гранд-нарративов как изобретения традиций, что относится к созданию образов Родины, нации, этнической идентичности, концептов Самости и Другости, которые могут стать предметом самостоятельных исследований сорбского национализма. Сорбский национализм, активность «культурных» националистов в их коллективных попытках ревитализации этнической и народной культуры, локализуемые в конструктивистской парадигме «изобретения традиций», могут быть определены как те факторы, которые подчеркивают необходимость дальнейшего изучения сорбского национализма как стимула

для сохранения, воспроизводства и развития этнической культуры, существующей в рамках изобретённых традиций как универсальной формы националистического воображения.

Список литературы

1. Андреева Г.Н. Сорбы в ФРГ: ценный опыт правового регулирования статуса национального меньшинства в немецкой и российской литературе // Социальные и гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 38–45.
2. Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. Под тенью зеркала. Дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1997. 304 с.
3. Гугнин А.А. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М.: Научный центр славяно-германских исследований, 1997. 224 с.
4. Досс Фр. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9–56.
5. Кильдюшов О. Первые среди опоздавших. Концепт «опоздавшей» нации в немецкой мысли // Вопросы национализма. 2011. № 5. С. 70–76.
6. Лужицкі серби / ред. В. Моторний. Львів: Видавництво ЛНУ ім. І. Франка, 1997. 266 с.
7. Моторный В.А., Трофимович К.К. Серболужицкая литература. Львов: Вища школа, 1987. 208 с.
8. Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб.: Петрополис, 1997. 176 с.
9. Неменский О. Национализм городской и сельский // Вопросы национализма. 2010. № 1. С. 49–56.
10. Нижник Н.С. Славянский анклав лужицких сербов: опыт сохранения статуса национального меньшинства // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2014. № 2. С. 35–42.
11. Плавская Е.Л. Культура лужицких сербов в XXI веке: проблемы и перспективы // Идеи и идеалы, 2017. № 3. С. 154–163.
12. Становлення та розвиток верхньолужицької літературної мови / ред. О. Албул, О. Лазор. Львів: Видавництво ЛНУ ім. І. Франка, 2009. 232 с.

13. Трофимович К., Моторний В. Нариси з історії серболужицької літератури. Львів: Видавництво ЛДУ, 1970. 93 с.
14. Шевченко К.В. Попытка лужицких сербов выйти из состава Германии в 1945–1946 годах // Славяноведение. 2007. № 3. С. 3–24.
15. Шевченко К.В. Лужицкий вопрос и Чехословакия (1945–1948). М.: Модест Колеров, 2004. 283 с.
16. Barker P. Slavs in Germany: The Sorbian Minority and the German State Since 1945. L. – NY.: Edwin Mellen Press, 2000. 233 p.
17. Beiträge zur slawischen Musik in Mitteldeutschland / hrsg. K. Rebling, B. Greiner. Berlin: Peter Lang GmbH, 2004. 126 s.
18. Beziehungsgeflecht Minderheit. Zum Paradigmenwechsel in der Kulturforschung / hrsg. E. Tschernokoshewa, U. Mischek. Münster – NY. – Berlin: Waxmann 2009. 150 s.
19. Brankač E., Měšk F. Stawizny serbow: Wot spočatkow hač do lěta 1789. Budyšin: Domowina, 1977. 311 s.
20. Brather S. Archäologie der westlichen Slawen. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im früh- und hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Ergänzungsbände / hrsg. H. Jankuhn, H. Beck. Berlin – NY.: Walter de Gruyter, 2001. S. 21–63.
21. Bržanec A. Socialistiska karjera w Instituće za serbski ludospyt – Klaus J. Schiller // Rozhľad. 2019. December. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/6113-socialistiska-karjera-w-institu-e-za-serbski-ludospyt-klaus-j-schiller>
22. Bržanowa B. 10 lět po založenju Rěčneho centruma WITAJ // Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis. 2011. No 3. S. 74–75.
23. Brubaker R. Nationale Minderheiten, nationalisierende Staaten und Bezugsländer im neuen Europa // Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. S. 149–180.
24. Brycka M. Wuskutki lěta 1968 za Institut za serbski ludospyt // Rozhľad. 2019. Nowember. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/6090-wuskutki-l-ta-1968-za-institut-za-serbski-ludospyt>
25. Budarjowa L. Aktualna analiza serbskeho šulstwa. Budyšin: Serbske šulske towarstwo z.t. Serbski institut, 2009. 46 s.

26. Calhoun C. Nationalism. L. – NY.: Open University Press, 1997. 144 p.
27. Chromik B. Aspekty pojęcia ideologii językowe istotne z perspektywy działań rewitalizacyjnych // *Zeszyty Łużyckie*. T. 48. Rewitalizacja kultur i języków mniejszościowych. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2014. S. 65–78.
28. Čižankowa J. 10 lét Rěčny centrum WITAJ // *Serbska šula*. Serbski pedagogiski časopis. 2011. No 3. S. 97.
29. Cygański M., Leszczyński R. Zarys dziejów narodowościowych Łużyczan. Opole: Instytut Śląski, 1997. 274 s.
30. David J. Lužičtí Srbové. Londýn: Československý výbor pro slovanskou vzájemnost, 1944. 22 s.
31. Dołowy N. Czy Łużycanie są mniejszością wzorcową? // *Zeszyty Łużyckie*. T. 41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużycanie jako mniejszość wzorcowa. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2007. S. 29–49.
32. Dołowy-Rybińska N. Sytuacja języków łużyckich – stan, instytucje, działania rewitalizacyjne // *Zeszyty Łużyckie*. T. 48. Rewitalizacja kultur i języków mniejszościowych. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2014. S. 173–190.
33. Einheit in Verschiedenheit. Kulturelle Diversität und gesellschaftliche Teilhabe von Minderheiten auf dem Prüfstand / hrsg. E. Tschernokosheva, I. Keller, F. Jacobs. Münster – NY.: Waxmann 2015. 240 s.
34. Elle L. Sprachenpolitik in der Lausitz. Sprachenpolitik und Sprachenrecht im deutsch-sorbischen Gebiet 1990 bis 2014. Bautzen: Sorbski institut, 2014. 150 s.
35. Förster Fr. Die “Wendenfrage“ in der deutschen Ostforschung 1933–1945. Die Publikationsstelle Berlin-Dahlem und die Lausitzer Sorben. Bautzen: Domowina, 2007. 256 s.
36. Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1983. 170 p.
37. Greenfeld L. Nationalism: A Short History. NY.: Brookings Institution Press, 2019. 150 p.
38. Greil L. Slawenlegende. Die Deutschen, Opfer einer irrigen Geschichtsbetrachtung. Aufklärungs-Dokumentation. Volkstum. Wien – München, 1971. 155 s.

39. Hagemannowa J. Serbski byś ako Cultural heritage w regionalnem sebjerozměšu Łužyce // Rozhlad. 2019. December. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/6109-serbski-by-ako-cultural-heritage-w-regionalnem-sebjerozm-u-u-yce>
40. Haupt L. Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz. Dresden: Saxoniabuch, 2015. 412 s.
41. Heyderowa G. Wuwiše materialijow za WITAJ-kupki w žiśownjach Dolneje Łužyce // Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis. 2011. No 3. S. 105–106.
42. Hitzke D. Nach der Einsprachigkeit: Slavisch-deutsche Texte transkulturell. Berlin: Peter Lang GmbH – Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 170 s.
43. Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870 – 1914 // The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 263–308.
44. Hroch M. Die historischen Bedingungen des “Nationalismus“ in den mittel- und osteuropäischen Ländern // Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. S. 107 – 120.
45. Hroch M. Nový nacionalismus ve střední a východní Evropě aneb: můžeme srovnávat stará a nová národní hnutí? // Studia Historica Nitra. 1999. T. VII. S. 127–136.
46. Jahn E. Die staatliche Transformation im Osten Europas. Die ‘zweite nationale Wiedergeburt’ oder Nationalismus, nationale Bewegungen und Nationalstaatsbildung im spät- und postkommunistischen Europa seit 1985 // Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. S. 17–89.
47. Jenč H. Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Bautzen: Domowina, 1999. 384 s.
48. Jodlbauer R., Spieß G., Steenwijk H. Die aktuelle Situation der niedersorbischen Sprache. Ergebnisse einer soziolinguistischen Untersuchung der Jahre 1993–1995. Bautzen: Domowina, 2001. 248 s.

49. Kapitán J. Srbská Lužice. Varnsdorf: Severočeské nakladatelství, 1945. 138 s.
50. Kasper M. Stawizny Serbow: Wot lěta 1917 hač do lěta 1945. Budyšin: Domowina, 1976. 329 s.
51. Kunze P. Die Sorben in Deutschland: Sieben Kapitel Kulturgeschichte. Bautzen: Sorbischen Kultur-Information am Haus für sorbische Volkskultur, 1993. 222 s.
52. Language and Culture of the Lusatian Sorbs throughout their History / ed. M. Kasper. Berlin: Akademie-Verlag, 1987. 219 p.
53. Lewaszkiwicz T. Dolnołużycki i górnołużycki - języki zagrożone czy wymierające? // Pro Lusatia. Opolskie Studia Łużycoznawcze. 2015. T. XIV. URL.: <https://prolusatia.pl/opolskie-studia-luzycoznawcze/zawartosc-tomow/454-tom-14.html>
54. Mały lud. Bohata kultura / Kleines Volk. Reiche Kultur. URL.: <https://sorbisches-museum.de/?lang=wen>
55. Marti R. Probleme europäischer Kleinsprachen: Sorbisch und Bündnerromanisch. Berlin: Peter Lang GmbH, 1990. 94 s.
56. Mičkec S. Bjez rěčneje politiki rewitalizacija njefunguje // Rozhlad. 2019. Februar. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/interview/item/5226-bjez-r-neje-politiki-rewitalizacija-njefunguje>
57. Mieczkowska M. Nacjonalizm kulturowy w wymiarze łużyckim // Zeszyty Łużyckie. T. 44. Przenikanie się języków i kultur w przeszłości i we współczesności. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut sławistyki zachodniej i południowej, 2010. S. 69–82.
58. Neményi Á. von, Der Slawen-Mythos. Wie aus Ostgermanen ein Volk der „Slawen“ mit fremder Sprache und Mythologie wurde. Norderstedt: LAP Verlag, 2015. 2012 s.
59. Neumann I. “Weil es eine sprechenswerte Sprache ist“. Einstellungen von Schülern des Niedersorbischen Gymnasiums Cottbus zur sorbischen Sprache und Kultur. Bautzen: Sorbski institut, 2014. 172 s.
60. Neumann M. Sorbische / Wendische identität als gegenstand deutscher politik // Sammelband zur sorbischen / wendischen Kultur und Identität / hrsg. M. Norberg. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2008. S. 48–69.
61. Norbergowa M. Dalejwježenje WITAJ-projekta pó žiśowni // Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis. 2011. No 3. S. 107.

62. Nowak M. Rewitalizacisku koncepciju za dolnoserbšćinu wuwiwaś – ale kak? // Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis. 2014. No 3. S. 66–67.
63. Páta J. Kapesní slovník lužicko-česko-jihoslovanský a česko-lužický. Praha: Českolužický spolek “Adolf Černý”, 1920. 320 s.
64. Pech E. Ein Staat – eine Sprache? Deutsche Bildungspolitik und autochthone Minderheiten im 20. Jahrhundert. Die Sorben im Vergleich mit Polen, Dänen und Nordfriesen. Bautzen: Domowina, 2012. 349 s.
65. Pjeh E. Kubłanska politika a narodne mjeńšiny w Němskej wot 1990 hač do přitomnosće. Serbja w přirunowanju z Danami a Sewjernymi Fri-zami // Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis. 2013. No 3. S. 75–78.
66. Pjeh E. Nationalsocialistiska kubłanska politika a narodne mjeńšiny // Serbska šula. Časopis za serbskich wučerjow a kubłarjow. 2004. No 6. S. 124 – 128.
67. Pohončowa A. Dołojcne serbojstwo we lužyskich casopisach 1793–1941. Bautzen: Domowina, 2007. 392 s.
68. Prunitsch Ch. Sorbische Lyrik des 20. Jahrhunderts: Untersuchungen zur Evolution der Gattung. Bautzen: Domowina-Verlag, 2001. 320 s.
69. Puhle H.-J. Neue Nationalismen in Osteuropa – eine sechste Welle? // Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster / hrsg. E. Jahn. Baden- Baden: Nomos, 2008. S. 170–198.
70. Reformation und Ethnizität. Sorben, Letten, Esten im 16. und 17. Jahrhundert / hrsg. S. Hose, M. Mahling, Fr. Pollack. Bautzen: Domowina, 2019. 260 s.
71. Roderer S. Ethnizität der Sorben: Diskurse sorbischer Identität. Berlin: GRIN Verlag, 2011. 140 s.
72. Šatava L. Sprachverhalten und ethnische Identität. Bautzen: Domowina, 2005. 288 s.
73. Šatava L. Zachowanje a rewitalizacija identity a rěče etniskich mjeńšin. Aktualne trendy a prócowanja. Budyšin: Serbski institut – Maćica Serbska – Domowina, 2000. 62 s.
74. Scherrer J. Kulturologie. Rußland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. 192 s.

75. Schiller K.J., Thiemann M. Stawizny Serbow: Wot lěta 1945 hač do přitomnosće. Budyšin: Domowina, 1979. 298 s.
76. Scholze D. Im Wettstreit der Werte: Sorbische Sprache, Kultur und Identität auf dem Weg ins 21. Jahrhundert. Bautzen: Domowina-Verlag GmbH, 2003. 445 s.
77. Scholze L. Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Bautzen: Domowina, 2008. 408 s.
78. Schröcke H. Germanen - Slawen. Vor- und Frühgeschichte des ostgermanischen Raumes. Wiesbaden: Panorama, 1999. 450 s.
79. Schröcke H. Indogermanen - Germanen - Slawen. Ihre Wurzeln im mittel- und osteuropäischen Raum. Berlin: Orion-Heimreiter-Verlag, 2003. 480 s.
80. Schulz-Šoćina J. Witaj-projekt jako wuspěšny koncept rewitalizowanja hornjoa delnjoserbskeje rěče? // *Zeszyty Łużyckie*. T. 48. Rewitalizacja kultur i języków mniejszościowych. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2014. S. 79–92.
81. Schurmann P. Die sorbische Bewegung, 1945-1948: Zwischen Selbstbehauptung und Anerkennung. Bautzen: Domowina, 1998. 337 s.
82. Schuster-Šewc H. Das Sorbische im slawischen Kontext: Ausgewählte. Bautzen: Studien Domowina, 2000. 424 s.
83. Šewc H. Das Sorbische im slawischen Kontext. Bautzen: Domowina, 2000. 424 s.
84. Shnirelman V. Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia // *Nationalities Papers*. 2009. Vol. 37. No 5. P. 557–587.
85. Siatkowska E. Co przemawia za wzorcowością Łużyczan? // *Zeszyty Łużyckie*. T. 41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużycanie jako mniejszość wzorcowa. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2007. S. 50 – 59.
86. Sind die Sorbische/Wendische Identität und Sprache noch zu retten? Ein internationales Kolloquium an der Brandenburgischen Technischen Universität (BTU) am 15. und 16. November 2007 in Cottbus. Programm. URL.: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/1953/file/pbs08_I_bericht01.pdf

87. Smith A.D. Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33. No 1–2. P. 58–80.
88. Šoščina J. Bilingualer Spracherwerb im Witaj-Projekt. Bautzen: Domowina, 2015. 232 s.
89. Šoščina J. Serbskorěčne kublanje mjez standardizowanjom a heterogenitu // *Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis*. 2011. No 4. S. 131–133.
90. Šošta J., Zwahr H. Stawizny Serbow: Wot lěta 1789 hač do lěta 1917. Budyšin: Domowina, 1975. 289 s.
91. Sorbisch modern. URL.: <http://www.sorbischmodern.de/>
92. Sprachen im Abseits: Regional- und Minderheitensprachen in Europa / hrsg. R. Schlösser. München: Akademische Verlagsgemeinschaft, 2015. 242 s.
93. Steinacher R. Wenden, Slawen, Vandalen. Eine frühmittelalterliche pseudologische Gleichsetzung und ihr Nachleben bis ins 18. Jahrhundert // *Auf der Suche nach den Ursprüngen. Von der Bedeutung des frühen Mittelalters* / hrsg. W. Pohl. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. S. 329–353.
94. Štillerová J. Čěščina a serbščina – krótke přirunanje // *Serbska šula. Časopis za serbskich wučerjow a kublarjow*. 2006. No 2. S. 42–43.
95. Stone G. *The Smallest Slavonic Nation: The Sorbs of Lusatia*. L.: Bloomsbury Academic, 2015. 224 p.
96. Suchec M. Fotowa wustajeńca Yvonne Most «Heimat – Domizna – Domowina» // *Rozhlad*. 2020. Měrc [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/interview/item/6229-fotowa-wustaje-ca-yvonne-most-heimat-domizna-domowina>
97. Šurman P. Stawizny Serbow, pśedhistorija a realizacija // *Rozhlad*. 2019. Oktober [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/5984-stawizny-serbow-p-edhistorija-a-realizacija>
98. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 330 p.
99. Wenzel W. Připućowanje Słowjanow // *Rozhlad*. 2019. Januar. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/5297-p-ipu-owanje-s-owjanow>
100. Wenzel W., Menzel S. *Sorbische Personennamen der östlichen Oberlausitz: Nach Quellen des 14. bis 18. Jahrhunderts*. Bautzen: Domowina, 2017. 174 s.

101. Wölkowa S. Geschichte der sorbischen Grammatikschreibung. Von den Anfängen bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Bautzen: Domowina, 2005. 304 s.
102. Wrocławska E. Łużyczanie – laboratorium spraw mniejszościowych // Zeszyty Łużyckie. T. 41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużyczanie jako mniejszość wzorcowa. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2007. S. 22–28.
103. Zdžerženje, rewitalizacija a wuwíce mjeńšinowych rěčow. Maintenance, Revitalization and Development of Minority Languages. Erhaltung, Revitalisierung und Entwicklung von Minderheitensprachen. Workshop Bautzen / Budyšin, 16. – 17. April 1999 / wud. L. Šatava, S. Hose. Budyšin: Serbski institut – Maćica Serbska – Domowina, 2000. 110 s.
104. Zeil W. Sorabistik in Deutschland. Eine wissenschaftsgeschichtliche Bilanz aus fünf Jahrhunderten. Bautzen: Domowina, 1996. 216 s.
105. Zmeškal V. Lužice v obrazech: o zemi a životě Lužických Srbů. Praha: Společnost přátel Lužice, 1945. 64 s.
106. Zmeškal V. Slovanskou Lužicí. Praha: Československo-lužický spolek Adolf Černý, 1930. 66 s.

References

1. Andreyeva G.N. Sorby v FRG: tsennyy opyt pravovogo regulirovaniya statusa natsional'nogo men'shinstva v nemetskoj i rossijskoj literature [Sorbs in Germany: valuable experience in the legal regulation of the status of a national minority in German and Russian literature], *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki* [Social Studies and Humanities], 2005, No 1, pp. 38–45.
2. Vasil'yev S.F., Shibanov V.L. *Pod ten'yu zerpala. Diskursivnost', samosoznaniye i logika istorii udmurtov* [Under Zerpal shadow. Discourse, self-awareness and logic of the history of the Udmurts]. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 1997. 304 p.
3. Gugnin A.A. *Vvedeniye v istoriyu serboluzhitskoj slovesnosti i literatury ot istokov do nashikh dney* [An introduction to the history of Serbian Lusatian literature from its origins to the present days]. M.: Nauchnyy tsentr slavyano-germanskikh issledovaniy, 1997. 224 p.

4. Doss Fr. Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony [How history is written today: a view from the French side], *Kak my pishem istoriyu* [How do we write history today] / red. G. Garreta, G. Dyufu, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013. pp. 9–56.
5. Kil'dyushov O. Pervyye sredi opozdavshikh. Kontsept «opozdavshyey» natsii v nemetskoj mysli [The first ones among latecomers. The concept of a “latecoming” nation in German thought], *Voprosy natsionalizma* [Problems of Nationalism]. 2011, No 5, pp. 70–76.
6. *Luzhyts'ki serby* [Lusatian Serbs] / red. V. Motornyi. L'viv: Vydavnytstvo LNU im. I. Franka, 1997. 266 p.
7. Motornyy V.A., Trofimovich K.K. *Serboluzhitskaya literatura* [Sorbian Lusatian Literature]. L'vov: Vishcha shkola, 1987. 208 p.
8. Myl'nikov A.S. *Narody Tsentral'noy Yevropy: formirovaniye natsional'nogo samosoznaniya XVIII–XIX vv.* [The peoples of Central Europe: the formation of national identity of the XVIII–XIX centuries]. SPb.: Petropolis, 1997. 176 p.
9. Nemenskiy O. Natsionalizm gorodskoy i sel'skiy [Urban and rural nationalisms], *Voprosy natsionalizma* [Problems of Nationalism], 2010, No 1. pp. 49–56.
10. Nizhnik N.S. Slavyanskiy anklav luzhitskikh serbov: opyt sokhraneniya statusa natsional'nogo men'shinstva [Slavic enclave of Luga Serbs: experience of maintaining the status of a national minority], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, No 2. pp. 35–42.
11. Plavskaya Ye.L. Kul'tura luzhitskikh serbov v XXI veke: problemy i perspektivy [The culture of the Lusatian Serbs in the XXI century: problems and prospects], *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2017. No 3, pp. 154–163.
12. *Stanovlennyya ta rozvytok verkh'oluzhyts'koyi literaturnoyi movy* [Formation and development of the Upper Lusatian literary language] / red. O. Albul, O. Lazor. L'viv: Vydavnytstvo LNU im. I. Franka, 2009. 232 p.
13. Trofymovych K., Motornyi V. *Narysy z istoriyi serboluzhyts'koyi literatury* [Essays on the history of Serbo-Lusatian literature.]. L'viv: Vydavnytstvo LDU, 1970. 93 p.

14. Shevchenko K.V. Popytka luzhitskikh serbov vyyti iz sostava Germanii v 1945–1946 godakh [An attempt by the Luga Serbs to secede from Germany in 1945–1946], *Slavyanovedeniye* [Slavic Studies], 2007, No 3, pp. 3–24.
15. Shevchenko K.V. *Luzhitskiy vopros i Chekhoslovakiya (1945–1948)* [Lusatian Question and Czechoslovakia (1945–1948)]. M.: Modest Kolerov, 2004. 283 p.
16. Barker P. *Slavs in Germany: The Sorbian Minority and the German State Since 1945*. L. – NY.: Edwin Mellen Press, 2000. 233 p.
17. *Beiträge zur slawischen Musik in Mitteleuropa* / hrsg. K. Rebling, B. Greiner. Berlin: Peter Lang GmbH, 2004. 126 p.
18. *Beziehungsgeflecht Minderheit. Zum Paradigmenwechsel in der Kulturforschung* / hrsg. E. Tschernokoshewa, U. Mischek. Münster – NY. – Berlin: Waxmann 2009. 150 p.
19. Brankač E., Měšk F. *Stawizny serbow: Wot spočatkow hač do leta 1789*. Budyšin: Domowina, 1977. 311 p.
20. Brather S. Archäologie der westlichen Slawen. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im früh- und hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa, *Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Ergänzungsbände* / hrsg. H. Jankuhn, H. Beck. Berlin – NY.: Walter de Gruyter, 2001. pp. 21–63.
21. Bržanec A. Socialistiska karjera w Institutu za serbski ludospyt – Klaus J. Schiller, *Rozhlad*. 2019. December. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/6113-socialistiska-karjera-w-institu-e-za-serbski-ludospyt-klaus-j-schiller>
22. Bržanowa B. 10 lět po založenju Rěčneho centruma WITAJ, *Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis*, 2011, No 3, pp. 74–75.
23. Brubaker R. Nationale Minderheiten, nationalisierende Staaten und Bezugsländer im neuen Europa, *Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster* / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. pp. 149–180.
24. Brycka M. Wuskutki leta 1968 za Institut za serbski ludospyt, *Rozhlad*. 2019. Nowember. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/6090-wuskutki-l-ta-1968-za-institut-za-serbski-ludospyt>

25. Budarjowa L. *Aktualna analiza serbskeho šulstwa*. Budyšin: Serbske šulske towarstwo z.t. – Serbski institut, 2009. 46 p.
26. Calhoun C. *Nationalism*. L. – NY.: Open University Press, 1997. 144 p.
27. Chromik B. Aspekty pojęcia ideologie językowe istotne z perspektywy działań rewitalizacyjnych, *Zeszyty Łużyckie*. T. 48. *Rewitalizacja kultur i języków mniejszościowych*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2014. pp. 65–78.
28. Čižankowa J. 10 lět Rěčny centrum WITAJ, *Serbska šula*. *Serbski pedagogiski časopis*, 2011, No 3, p. 97.
29. Cygański M., Leszczyński R. *Zarys dziejów narodowościowych Łużyczan*. Opole: Instytut Śląski, 1997. 274 p.
30. David J. Lužičtí Srbové. Londýn: Československý výbor pro slovanskou vzájemnost, 1944. 22 p.
31. Dołowy N. Czy Łużycanie są mniejszością wzorcową?, *Zeszyty Łużyckie*. T. 41. *Europejskie mniejszości etniczne. Łużycanie jako mniejszość wzorcowa*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2007. pp. 29–49.
32. Dołowy-Rybińska N. Sytuacja języków łużyckich – stan, instytucje, działania rewitalizacyjne, *Zeszyty Łużyckie*. T. 48. *Rewitalizacja kultur i języków mniejszościowych*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2014. pp. 173–190.
33. *Einheit in Verschiedenheit. Kulturelle Diversität und gesellschaftliche Teilhabe von Minderheiten auf dem Prüfstand* / hrsg. E. Tschernokoshewa, I. Keller, F. Jacobs. Münster – NY.: Waxmann 2015. 240 p.
34. Elle L. *Sprachenpolitik in der Lausitz. Sprachenpolitik und Sprachenrecht im deutsch-sorbischen Gebiet 1990 bis 2014*. Bautzen: Sorbski institut, 2014. 150 p.
35. Förster Fr. *Die “Wendenfrage“ in der deutschen Ostforschung 1933–1945. Die Publikationsstelle Berlin-Dahlem und die Lausitzer Sorben*. Bautzen: Domowina, 2007. 256 p.
36. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1983. 170 p.
37. Greenfeld L. *Nationalism: A Short History*. NY.: Brookings Institution Press, 2019. 150 p.

38. Greil L. *Slawenlegende. Die Deutschen, Opfer einer irrigen Geschichtsbetrachtung. Aufklärungs-Dokumentation. Volkstum*. Wien – München, 1971. 155 p.
39. Hagemannowa J. Serbski byś ako Cultural heritage w regionalnem sebjerozměšu Łużyce, *Rozhlad*. 2019. December. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/6109-serbski-by-ako-cultural-heritage-w-regionalnem-sebjerozm-u-u-yce>
40. Haupt L. *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*. Dresden: Saxoniabuch, 2015. 412 p.
41. Heyderowa G. Wuwiše materialijow za WITAJ-kupki w žišownjach Dolnje Łużyce, *Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis*, 2011, No 3, pp. 105–106.
42. Hitzke D. *Nach der Einsprachigkeit: Slavisch-deutsche Texte transkulturell*. Berlin: Peter Lang GmbH – Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 170 p.
43. Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914, *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. pp. 263–308.
44. Hroch M. Die historischen Bedingungen des “Nationalismus“ in den mittel- und osteuropäischen Ländern, *Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster* / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. pp. 107–120.
45. Hroch M. Nový nacionalismus ve střední a východní Evropě aneb: můžeme srovnávat stará a nová národní hnutí?, *Studia Historica Nitra*, 1999, T. VII, pp. 127–136.
46. Jahn E. Die staatliche Transformation im Osten Europas. Die ‘zweite nationale Wiedergeburt’ oder Nationalismus, nationale Bewegungen und Nationalstaatsbildung im spät- und postkommunistischen Europa seit 1985, *Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster* / hrsg. E. Jahn. Baden-Baden: Nomos, 2008. pp. 17–89.

47. Jenč H. *Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts*. Bautzen: Domowina, 1999. 384 p.
48. Jodlbauer R., Spieß G., Steenwijk H. *Die aktuelle Situation der niedersorbischen Sprache. Ergebnisse einer soziolinguistischen Untersuchung der Jahre 1993–1995*. Bautzen: Domowina, 2001. 248 p.
49. Kapitán J. *Srbská Lužice*. Varnsdorf: Severočeské nakladatelství, 1945. 138 p.
50. Kasper M. *Stawizny Serbow: Wot lěta 1917 hač do lěta 1945*. Budyšin: Domowina, 1976. 329 p.
51. Kunze P. *Die Sorben in Deutschland: Sieben Kapitel Kulturgeschichte*. Bautzen: Sorbischen Kultur-Information am Haus für sorbische Volkskultur, 1993. 222 p.
52. *Language and Culture of the Lusatian Sorbs throughout their History* / ed. M. Kasper. Berlin: Akademie-Verlag, 1987. 219 p.
53. Lewaszkiwicz T. Dolnołużycki i górnołużycki - języki zagrożone czy wymierające?, *Pro Lusatia. Opolskie Studia Łużycoznawcze*, 2015, T. XIV. URL.: <https://prolusatia.pl/opolskie-studia-luzycoznawcze/zawartosc-tomow/454-tom-14.html>
54. *Mały lud. Bohata kultura / Kleines Volk. Reiche Kultur*. URL.: <https://sorbisches-museum.de/?lang=wen>
55. Marti R. *Probleme europäischer Kleinsprachen: Sorbisch und Bündnerromanisch*. Berlin: Peter Lang GmbH, 1990. 94 p.
56. Miček S. Bjez rěčneje politiki rewitalizacija njefunguje, *Rozhlad*. 2019. Februar. URL.: <https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/interview/item/5226-bjez-r-neje-politiki-rewitalizacija-njefunguje>
57. Mieczkowska M. Nacjonalizm kulturowy w wymiarze łużyckim, *Zeszyty Łużyckie. T. 44. Przenikanie się języków i kultur w przeszłości i we współczesności*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2010. pp. 69–82.
58. Neményi Á. von, *Der Slawen-Mythos. Wie aus Ostgermanen ein Volk der „Slawen“ mit fremder Sprache und Mythologie wurde*. Norderstedt: LAP Verlag, 2015. 2012 p.

59. Neumann I. *“Weil es eine sprechenswerte Sprache ist“. Einstellungen von Schülern des Niedersorbischen Gymnasiums Cottbus zur sorbischen Sprache und Kultur*. Bautzen: Sorbski institut, 2014. 172 p.
60. Neumann M. Sorbische / Wendische identität als gegenstand deutscher politik, *Sammelband zur sorbischen / wendischen Kultur und Identität* / hrsg. M. Norberg. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2008. pp. 48–69.
61. Norbergowa M. Dalejweżeenje WITAJ-projekta pó žišowni, *Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis*. 2011. No 3. S. 107.
62. Nowak M. Rewitalizacisku koncepciju za dolnoserbšćinu wuwijaš – ale kak?, *Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis*, 2014, No 3, pp. 66–67.
63. Páta J. *Kapesní slovník lužicko-česko-jihoslovanský a česko-lužický*. Praha: Českolužický spolek “Adolf Černý”, 1920. 320 p.
64. Pech E. *Ein Staat – eine Sprache? Deutsche Bildungspolitik und autochthone Minderheiten im 20. Jahrhundert. Die Sorben im Vergleich mit Polen, Dänen und Nordfriesen*. Bautzen: Domowina, 2012. 349 p.
65. Pjech E. Kubłanska politika a narodne mjeńšiny w Němskej wot 1990 hač do přitomnosće. Serbja w přirunowanju z Danami a Sewjernymi Frijzami, *Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis*, 2013, No 3, pp. 75–78.
66. Pjech E. Nationalsocialistiska kubłanska politika a narodne mjeńšiny, *Serbska šula. Časopis za serbskich wučerjow a kublarjow*, 2004, No 6, pp. 124–128.
67. Pohončowa A. *Določne serbojstwo we lužyskich casopisach 1793–1941*. Bautzen: Domowina, 2007. 392 p.
68. Prunitsch Ch. *Sorbische Lyrik des 20. Jahrhunderts: Untersuchungen zur Evolution der Gattung*. Bautzen: Domowina-Verlag, 2001. 320 p.
69. Puhle H.-J. Neue Nationalismen in Osteuropa – eine sechste Welle?, *Nationalismus im spät- und postkommunistischen Europa. Bd. 1. Der gescheiterte Nationalismus der multi- und teilnationalen Staaten vergrößerte Ansicht in neuem Fenster* / hrsg. E. Jahn. Baden- Baden: Nomos, 2008. pp. 170–198.
70. *Reformation und Ethnizität. Sorben, Letten, Esten im 16. und 17. Jahrhundert* / hrsg. S. Hose, M. Mahling, Fr. Pollack. Bautzen: Domowina, 2019. 260 p.

71. Roderer S. *Ethnizität der Sorben: Diskurse sorbischer Identität*. Berlin: GRIN Verlag, 2011. 140 p.
72. Šatava L. *Sprachverhalten und ethnische Identität*. Bautzen: Domowina, 2005. 288 p.
73. Šatava L. *Zachowanje a rewitalizacija identity a řeče etniskich mjeńšin. Aktualne trendy a prócowanja*. Budyšin: Serbski institut – Maćica Serbska – Domowina, 2000. 62 p.
74. Scherrer J. *Kulturologie. Rußland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. 192 p.
75. Schiller K. J., Thiemann M. *Stawizny Serbow: Wot lěta 1945 hač do přitomnosće*. Budyšin: Domowina, 1979. 298 p.
76. Scholze D. *Im Wettstreit der Werte: Sorbische Sprache, Kultur und Identität auf dem Weg ins 21. Jahrhundert*. Bautzen: Domowina-Verlag GmbH, 2003. 445 p.
77. Scholze L. *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt*. Bautzen: Domowina, 2008. 408 p.
78. Schröcke H. *Germanen - Slawen. Vor- und Frühgeschichte des ostgermanischen Raumes*. Wiesbaden: Panorama, 1999. 450 p.
79. Schröcke H. *Indogermanen - Germanen - Slawen. Ihre Wurzeln im mittel- und osteuropäischen Raum*. Berlin: Orion-Heimreiter-Verlag, 2003. 480 p.
80. Schulz-Šoćina J. Witaj-projekt jako wuspěšny koncept rewitalizowanja hornjoa delnjoserbskeje řeče?, *Zeszyty Łużyckie. T. 48. Rewitalizacja kultur i języków mniejszościowych*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2014. pp. 79–92.
81. Schurmann P. *Die sorbische Bewegung, 1945-1948: Zwischen Selbstbehauptung und Anerkennung*. Bautzen: Domowina, 1998. 337 p.
82. Schuster-Šewc H. *Das Sorbische im slawischen Kontext: Ausgewählte*. Bautzen: Studien Domowina, 2009. 424 p.
83. Šewc H. *Das Sorbische im slawischen Kontext*. Bautzen: Domowina, 2000. 404 p.
84. Shnirelman V. Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia, *Nationalities Papers*, 2009, Vol. 37, No 5, pp. 557–587.

85. Siatkowska E. Co przemawia za wzorcowością Łużyczan?, *Zeszyty Łużyckie. T. 41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużycanie jako mniejszość wzorcowa*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2007. pp. 50–59.
86. *Sind die Sorbische/Wendische Identität und Sprache noch zu retten? Ein internationales Kolloquium an der Brandenburgischen Technischen Universität (BTU) am 15. und 16. November 2007 in Cottbus. Programm*. URL.: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/1953/file/pbs08_I_bericht01.pdf
87. Smith A.D. Nationalism and the Historians, *International Journal of Comparative Sociology*, 1992, Vol. 33, No 1–2, pp. 58–80.
88. Šoščina J. *Bilingualer Spracherwerb im Witaj-Projekt*. Bautzen: Domowina, 2015. 232 s.
89. Šoščina J. Serbskorěčne kubljanje mjez standardizowanjom a heterogenitu, *Serbska šula. Serbski pedagogiski časopis*, 2011, No 4, pp. 131–133.
90. Šošta J., Zwahr H. *Stawizny Serbow: Wot lěta 1789 hač do lěta 1917*. Budyšin: Domowina, 1975. 289 p.
91. *Sorbisch modern*. URL.: <http://www.sorbischmodern.de/>
92. *Sprachen im Abseits: Regional- und Minderheitensprachen in Europa* / hrsg. R. Schlösser. München: Akademische Verlagsgemeinschaft, 2015. 242 p.
93. Steinacher R. Wenden, Slawen, Vandalen. Eine frühmittelalterliche pseudologische Gleichsetzung und ihr Nachleben bis ins 18. Jahrhundert, *Auf der Suche nach den Ursprüngen. Von der Bedeutung des frühen Mittelalters* / hrsg. W. Pohl. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. pp. 329 – 353.
94. Štillerová J. Čěščina a serbšćina – krótke přirunanje, *Serbska šula. Časopis za serbskich wučerjow a kublarjow*, 2006, No 2, pp. 42–43.
95. Stone G. *The Smallest Slavonic Nation: The Sorbs of Lusatia*. L.: Bloomsbury Academic, 2015. 224 p.
96. Suhec M. Fotowa wustajeńca Yvonne Most «Heimat – Domizna – Domowina», *Rozhlad*. 2020. Měrc. URL.: <https://www.rozhlad.de/index>.

- php/hsb/interview/item/6229-fotowa-wustaje-ca-yvonne-most-heimat-domizna-domovina
97. Šurman P. Stawizny Serbow, pśedhistorija a realizacija, *Rozhlad*. 2019. Oktober. URL.: [https:// www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/5984-stawizny-serbow-p-edhistorija-a-realizacija](https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/5984-stawizny-serbow-p-edhistorija-a-realizacija)
 98. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 330 p.
 99. Wenzel W. Připućowanje Słowjanow, *Rozhlad*. 2019. Januar. URL.: [https:// www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/5297-p-ipu-owanje-s-owjanow](https://www.rozhlad.de/index.php/hsb/kultura/item/5297-p-ipu-owanje-s-owjanow)
 100. Wenzel W., Menzel S. *Sorbische Personennamen der östlichen Oberlausitz: Nach Quellen des 14. bis 18. Jahrhunderts*. Bautzen: Domowina, 2017. 174 p.
 101. Wölkowa S. *Geschichte der sorbischen Grammatikschreibung. Von den Anfängen bis zum Ende des 19. Jahrhunderts*. Bautzen: Domowina, 2005. 304 p.
 102. Wrocławska E. Łużyczanie – laboratorium spraw mniejszościowych, *Zeszyty Łużyckie. T.41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużyczanie jako mniejszość wzorcowa*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski – Instytut slawistyki zachodniej i południowej, 2007. pp. 22–28.
 103. *Zdžerženje, rewitalizacija a wuwice mjeńšinowych řečow. Maintenance, Revitalization and Development of Minority Languages. Erhaltung, Revitalisierung und Entwicklung von Minderheitensprachen. Workshop Bautzen* / Budyšin, 16. – 17. April 1999 / wud. L. Šatava, S. Hose. Budyšin: Serbski institut – Maćica Serbska – Domowina, 2000. 110 p.
 104. Zeil W. *Sorabistik in Deutschland. Eine wissenschaftsgeschichtliche Bilanz aus fünf Jahrhunderten*. Bautzen: Domowina, 1996. 216 p.
 105. Zmeškal V. *Lužice v obrazech: o zemi a životě Lužických Srbů*. Praha: Společnost přátel Lužice, 1945. 64 p.
 106. Zmeškal V. *Slovanskou Lužicí*. Praha: Československo-lužický spolek Adolf Černý, 1930. 66 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук доцент
Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kyrchanoff Maksym W., DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies
Voronezh State University
16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: 0000-00033819-3103

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-132-146

УДК 392.51

СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР УКРАИНЦЕВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН КАК ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Пилипак М.А.

Целью статьи является анализ свадебного фольклора украинцев Республики Башкортостан, как одного из факторов сохранения этнической идентичности.

Методы и методология проведения работы. В исследовании использованы метод стороннего наблюдения, метод опроса, историко-сравнительный метод.

Результаты. Выявлено, что традиционная свадьба украинцев Республики Башкортостан в процессе их длительного проживания в условиях полиэтничной среды, существенно трансформировалась. Отмечается прямая зависимость уровня наполнения фольклорными текстами каждого из этапов свадьбы от уровня сохранения ее структуры.

Основными причинами сокращения продолжительности свадьбы стали плохое материальное положение в послевоенное время, появление межнациональных браков, смена места ее празднования, а также ряд нововведений.

На современном этапе исследования спорадически зафиксировано бытование ритуальных, корильных (песен-насмешек), величальных свадебных песен, что свидетельствует о сохранении украинцами этнической идентичности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в научно-исследовательской работе и образовательном процессе.

Ключевые слова: украинцы; фольклор; свадебный обряд; свадебная песня; традиционная культура; экспедиция; этническая идентичность.

WEDDING FOLKLORE OF UKRAINIANS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AS A FACTOR IN THE PRESERVATION OF ETHNIC IDENTITY

Pylypak M.A.

Purpose. *The purpose of the article is to analyze the wedding folklore of Ukrainians in the Republic of Bashkortostan, as one of the indicators of ethnic identity.*

Methodology. *The study used the method of outside observation, the survey method, the historical-comparative method.*

Results. *It was revealed that the traditional wedding of Ukrainians in the Republic of Bashkortostan during their long stay in a multiethnic environment has significantly transformed. There is a direct dependence of the level of filling with folklore texts of each stage of the wedding on the level of preservation of its structure.*

The main reasons for the reduction in the duration of the wedding were the poor financial situation in the post-war period, the appearance of interethnic marriages, a change in the place of its celebration, and a number of innovations.

At the present stage of the study, the existence of ritual, ridiculous songs, and majestic wedding songs has been sporadically recorded, which indicates the preservation of ethnic identity by Ukrainians.

Practical implications. *The research results can be applied in research work and educational process.*

Keywords: *Ukrainians; folklore; wedding ceremony; wedding song; traditional culture; expedition; ethnic identity.*

Введение

Исследование традиционной культуры украинцев Республики Башкортостан, является одним из актуальных направлений современной этнологии. Переселяясь в далекий Башкортостан украинцы привезли с собой не только знания о материальной культуре, но и свои традиции, верования, язык и фольклор. Фольклор украинцев

был объектом исследования ряда ученых-этнологов и фольклористов. Так, в 1930-х гг. Башкирским научно-исследовательским институтом языка и литературы была организована экспедиция (руководитель – Н.П. Колпакова), по результатам которой учеными был зафиксирован ряд украинских песен [19].

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) сотрудниками Института народного творчества и искусств АН Украинской ССР (М.Я. Береговский, В.С. Ильин, П.С. Лысенко, М.М. Плисецкий и др.) в ходе экспедиций, организованных для изучения фольклора и быта украинцев БАССР, было собрано 327 песен, затем осуществлена их жанровая классификация, часть песен опубликована [21].

Образцы украинского народного творчества встречаются в материалах совместной фольклорной экспедиции Башкирского научно-исследовательского института языка и литературы и МГУ 1948–1949 гг. руководитель – Э.В. Померанцева) [20].

В 1960–1990-е гг. изучением фольклора украинцев в Башкортостане занимались преподаватели и студенты Башкирского государственного университета (руководители – Л.Г. Бараг, Л.И. Брянцева) [3; 4; 5], Стерлитамакского государственного педагогического института (И.Е. Карпухин) [7; 8].

Комплексное изучение традиционной культуры и фольклора украинцев Башкортостана началось 1970-е – 80-е гг. Так, В.Я. Бабенко было организовано более 10 экспедиций, во время которых помимо этнографического материала ученым был собран ценный аутентичный фольклорный материал [2; 9].

В 1990–2000 г. исследованием фольклора украинцев занималась Ф.Г. Ахатова, результатом ее исследования стала публикация ряда статей (в соавторстве) и книг по славянскому, в том числе и украинскому фольклору [1].

На современном этапе исследования, в 2011–2016 гг., проведен ряд фольклорно-этнографических экспедиций (руководитель – В.Я. Бабенко, участники: Д.А. Черниенко, Ю.В. Сиренко, М.А. Пилипак).

Материалы и методы

Основой для написания статьи стали экспедиционные записи автора (2012–2020 гг.), архивные материалы и научная литература. Для сбора первичной информации по исследуемой проблематике использованы метод стороннего наблюдения и метод опроса. При написании статьи использованы: историко-сравнительный метод, позволяющий выявить общее и особенное в свадебном фольклоре украинцев материковой Украины и украинцев, проживающих на территории Республики Башкортостан.

Результаты

Традиционный свадебный обряд украинцев Республики Башкортостан до второй половины XX в. во многом сохранял в себе древние архаические черты.

В послевоенное время отмечается сокращение продолжительности свадьбы, а в отдельных случаях ограничивается только регистрацией брака в сельских советах. Данный факт респонденты непосредственно связывают с плохим материальным положением: *Ми зійшлися всьо, без ніякої свальби...*[17].

Начиная с 1960-х гг. появляются межнациональные браки, которые также приводят к трансформации свадебного обряда, в частности, к исчезновению свадебного фольклора: *Свадьбы детям дедали тут «руссские», а приехали родственники с України, им так не понравилось. Песен не пели...*[22, с. 97].

Примерно с 1980-х гг. приобретает популярность проведение свадеб в кафе и ресторанах, что, в свою очередь, привело к исчезновению ряда традиционных свадебных обрядных действий и появлению нововведений.

По традиции начиналась свадьба со *сватовства*. В большинстве исследуемых украинских сел удалось зафиксировать традиционную речь сватов, которые приходили сватать девушку. Было зафиксировано несколько локальных вариантов речи сватов, что напрямую связано с местом происхождения украинцев. Так, в с. Черкассы Давлекановского района и с. Золотоношка Стерлитамакского райо-

на сваты заводили речь о голубке: *Мы шли, во все дома зашли – искали голубку для нашего голубя. Покажите же нам свою голубку* [2, с. 215–216]; *Ось ми йшли, а тут у вас голубка сіла на кришу, а в нас такий голуб єсть!* [10]. В селах Казанка и Тавричанка Альшеевского района, а также в Ново-Киевке Чишминского района, спрашивали о ярке или тьолке: *Приходили свати «шукать ярку»* [11]; *Шутя просили продати то тьолку, то ярку.* [12]; *Кажуть, що десь у нас пропала теличка, чи ягничка, шось шукаймо – ви не бачили? Отаке во – питались* [18].

По мнению ученых, сравнение жениха с соколом, голубем, месяцем, князем, а невесты – с лебедем, голубкой, зарею, во время сватовства, делалось с целью обмана злых духов, чтобы они не могли помешать осуществлению цели прихода [2, с. 215].

В отдельных населенных пунктах еще в начале 1980-х гг. учеными зафиксирован текст песни, приуроченной сватовству:

*Ой молодий Іване! (2р.)
Сватаєм тебе хороше,
Ой при отці, при матіноньці,
При всій своїй родиноньці* [9, с. 27].

На современном этапе исследования песен, которые исполняют во время сватовства, нами не зафиксировано.

После сватовства и жених и невеста приглашали на свадьбу гостей. Традиция очного приглашения существовала до середины 1980-х гг., при этом также использовали специальный текст: *«Тато і мама, і ми запрошуємо Вас до нас на весілля»*, или *«Просили тато, мама до нас на весілля»* [2, с. 217]; *«Батько і мати просили, і я прошу, приходьте до нас на свадьбу»*. Так ходили, звали [12]; *«Приглашайм Вас на свадьбу»* [15].

Сегодня, в большинстве случаев, на свадьбу приглашают с помощью специальных открыток.

Перед свадьбой в доме жениха и невесты пекли каравай, который и сегодня является одним из стойких атрибутов украинской свадьбы. На территории Украины весь процесс изготовления данной обрядовой выпечки сопровождался целым комплексом песен: начиная с момента

приглашения свах для его приготовления до разрезания. В украинских селах Республики Башкортостан песни каравайного обряда зафиксированы учеными в конце 1970-х гг. Так, в селе Александровка Уфимского района перед выпеканием каравая, просили благословения:

Благослови, Боже, (2)

І отець, і мати

Своєму дитяті

Коровай розчиняти.

Із семи літ пшениця,

Із семи криниць водиця,

Із семи кур яйця

До нашого коровайця [9, с. 28]. Часто случалось, что во время выпекания, каравай сильно поднимался и для того чтобы достать его, приходилось разбирать печь. Об этом свидетельствует песня:

А що в нашої печі...

А що в нашої печі

Низенькій плечі.

Будем піч рубати,

Коровай добувати [9, с. 29].

В с. Казанка Альшеевского района удалось зафиксировать песню, которую исполняли во время разрезания каравая:

Дружко коровай крає (2 р.)

Семеро дітей має,

Та всі з кошелями –

Коровай забрали, (2 р.)

Спасіба не сказали! [22, с. 119]

На современном этапе исследования свадебные караваи заказывают в пекарнях.

Одним из важных этапов свадебного обряда был девич-вечер, который проводили накануне свадьбы.

Во время девич-вечера пели:

Ой ти, клену, кленовий листочок,

Куди тебе вітер повіває,

Куди тебе вітер повіває,

*Туди мати дочку виряджає.
Чи меж турки, чи меж англичани,
Чи меж тую турецьку землю?
Чи меж тую турецьку землю?
Турська земля коренистая –
Свекра сімья норовистая!
Свекра сімья норовистая,
Треба годити старому да малому,
І свекоркові неімовірному
Треба годить так, як рідному [2, с. 217–218].*

В день свадьбы, перед выездом жениха за невестой, родители благословляли сына хлебом и иконой, осыпали зерном, конфетами и мелкими деньгами. При этом пели:

*До дівки, Михалко,
До дівки!
Чи маєш ти, Михалко,
Прибірки [Тобто, чи треба йому чепуритися]
Чи маєш ти кониченька
Вороного?
Чи маєш ти світилочку
Паняночку?
Чи маєш ти свашечку –
Співачку?
Чи маєш ти старостоньку –
Говоруна –
Бо то чужая
Сторона,
Щоб нам не було сором! [21, с. 214].*

Традиционно свадебному поезду жениха родственники невесты устраивали преграды, требуя выкуп за вход во двор, в дом и саму невесту. В с. Константино-Александровка Стерлитамакского района, учеными зафиксирована распространенная на материковой Украине свадебная песня, в которой нашли отражения давние исторические события:

*Не наступай Литва,
Буде з вами битва,
Будем воювати,
Сестру не давати [2, с. 219].*

Также в представленной песне прослеживается мотив противостояния двух родов – молодого и молодой и является отголоском периода покупки невест [6, с. 11].

Во время выкупа невесты исполнялись корильные песни, в которых высмеивали главных участников свадьбы: свах, дружек, боярина, жениха и др. Несколько таких песен зафиксировано в Ермакеевском и Альшеевском районах:

*Зятю-богатирю,
Не стій за плечима,
Не лупай очима,
Заглянь у кишеню,
Бери гроші в жменю,
Та сип на тарілку,
Викупай свою жінку [2, с. 220].
Ой, свашка-неліпашка, шишок не ліпила,
Шишок не ліпила,
Подружок не дарила,
Одну зліпила, та сама зділа (з'їла – М.П.).*

Со стороны невесты поют в ответ:

*Ми думали, ви їхали, ви пішком йшли,
А ви пішком йшли – жиніха в мішку несли' [13].*

После выкупа невесты гости садились за стол. Во время свадебного обеда также исполнялось много песен. Например, в с. Казанка Альшеевского района удалось записать песню о капусте, как одном их традиционных блюд:

*Не я капусту варила,
Не я капусту садила,
Не я поливала, не я.
Не жаль мені буде,
Як поїдять люди [14].*

Ближе к вечеру проводили обряд снятия венка с невесты вместо которого, ее голову завязывали платком – символ замужней женщины. При этом пели:

*Прийми, матінко, до дочки,
Здирай, матінко, биндочки –
Давай дружечкам подарочки [21, с. 224].*

Данная песня свидетельствует о том, что по традиции, после снятия венка с невесты, ленты (укр. *стрічки, бинди*) было принято дарить своим незамужним подругам – друзьям.

*Покривочка плаче, покриваця хоче,
Не так покриваця, як поцеловаця [12].*

После этого невесту провожали в дом жениха. Этот момент наполнен особым драматизмом, поскольку девушка прощалась со своим домом, родными и близкими. Особо жалостливую песню удалось зафиксировать в с. Ярлыково Миякинского района, которую исполняли невесте-сироте:

*Ой, будеш ти й, моя ненько,
Ой, як голубка густу,
Да й нікому тобі буде,
води принести [16].*

Помимо жалостливых песен, во время свадебного обряда украинцы Республики Башкортостан пели и шуточные песни. Так, в с. Ново-Киевка Чишминского района по пути к жениху пели:

*Везла кобила, везла,
Ше й п... примерзла,
Дайте кусок сала,
Шоб п... розтала. [18].*

*При встрече невесты в доме жениха пели:
Невістко наша – жаданко,
Не рік ми тебе ждали,
Сім літ ми шмаття не прали,
Сім літ ми й хати не мели, –
Тебе, невістко, ми ждали [21, с. 227–228].*

Заканчивалась свадьба обычаями связанными с почитанием родителей молодых и вхождением снохи в дом мужа. Отмечается

сохранение таких обрядов как *цыганщина*, *купание родителей*, а также обрядов связанных с проверкой девственности невесты. При этом песни, сопровождающие обозначенные обряды, в украинцев Башкортостана нами не зафиксированы.

Выводы

Анализ полевых материалов показал, что структура свадьбы украинцев Республики Башкортостан состоит из трех этапов: предсвадебного, собственно свадебного и после свадебного. При этом, свадебный фольклор до конца 1970-х гг. был представлен большинством песен, сопровождающих соответствующее обрядное действие: приглашение на свадьбу, приготовление свадебного караваля, расплетание косы невесты, выкуп невесты, встреча невесты в доме жениха.

На современном этапе исследования продолжает бытовать традиционная речь во время сватовства, как одного из обязательных этапов свадьбы, спорадически зафиксированы образцы шуточных песен, песни при встрече невесты в доме жениха, что свидетельствует о сохранении этнической идентичности украинцев Башкортостана.

This article was prepared with support from the John Kolasky Memorial Endowment Fund at the Canadian Institute of Ukrainian Studies.

Список литературы

1. Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане: историко-этнографическое исследование. Уфа: Гилем, 2000. 146 с.
2. Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. БНЦ УрО РАН. Уфа, 1992. 260 с.
3. Бараг Л.Г. Взаимосвязи русского и нерусского фольклора современной Башкирии // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР. Вып. 2. Уфа, 1970. С. 155-165.

4. Брянцева Л.И. О взаимосвязях русского и украинского свадебного фольклора в современной Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Вып. 2. Уфа, 1975. С. 181-186.
5. Брянцева Л.И. Украинские песни в Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1980. С. 28-36.
6. Весільні пісні / Упоряд. М.М. Шубравська. Київ: Дніпро, 1988. 476 с.
7. Карпухин И.Е. Фольклорно-этнографические взаимовлияния свадеб русских и украинцев Башкортостана (по наблюдениям и записям 1950–1990 гг.) // Украина – Башкортостан: связь времен; МГО-ПУ им. М. А. Шолохова. Уфа, 2001. С. 92–110.
8. Карпухин И.Е. Взаимодействие русских и украинских свадебных обрядов в Башкирии // Фольклор и литература Урала. Вып. 2. Пермь, 1975. С. 82-92.
9. Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / сост. В.Я. Бабенко, Ф. Г. Ахатова. Киев–Уфа, 1995. 235 с.
10. ПМА, 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Головань В.Ф. 1949 г.р., жительницы с. Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан.
11. ПМА, 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. и Черниенко Д.А. от Марченко (Бабченко) В.К. 1939 г.р., жительницы с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан.
12. ПМА, 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. и Черниенко Д.А. от Крутько (Стрижак) А.В. 1927 г.р., жительницы с. Тавричанка Альшеевского района Республики Башкортостан.
13. ПМА, 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. и Черниенко Д.А. от Носко (Приходы) М.Г. 1938 г.р., жительницы с. Тавричанка Альшеевского района Республики Башкортостан.
14. ПМА, 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. и Черниенко Д.А. от Марченко (Диденко) Р.А. 1935 г.р., жительницы с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан.

15. ПМА, 2013 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. и Черниенко Д.А. От Резниковой (Перепечай) Н.Д. 1937 г.р., жительницы с. Днипровка Миякинского района Республики Башкортостан
16. ПМА, 2013 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. и Черниенко Д.А. от Гемеги (Лусты) Р.А. 1927 г.р., жительницы с. Ярлыково (родом с с. Тихомировка) Миякинского района Республики Башкортостан
17. ПМА, 2018 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Маринко (Шевченко) А.Я. (1926-2020) жительницы с. Ново-Киевка Чишминского района Республики Башкортостан.
18. ПМА, 2020 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Тотьянохи Ф. Н. 1954 г.р., жителя пгт. Чишмы, выходца с. Ново-Киевка Чишминского района Республики Башкортостан.
19. Русский фольклор Башкирии // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф.3. Оп. 12. Д. 321-325.
20. Русское народное творчество в Башкирии / Под общей ред. Э.В. Померанцевой. Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева. Уфа, 1957 г.].
21. Українці Башкирії: у 2 т. Т. I дослідження і документи / [гол. ред. Г. Скрипник, наук. ред. В. Бабенко; відп. ред. Д. Чернієнко]; упоряд. Ю. Сіренко, І. Чернієнко, Л. Єфремова, М. Пилипак. К.: ІМФЕ НАН України; Уфа, 2011. 492 с.
22. Черниенко Д.А., Пилипак М.А. Село Казанка и украинцы Альшеевского района. К 120-летию села Казанка, 30-летию народного украинского фольклорного ансамбля «Чаровницы». Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012. 134 с.

References

1. Akhatova F.G. *Ukrainskie pesni v Bashkortostane: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ukrainian songs in Bashkortostan: historical and ethnographic research]. Ufa: Gilem, 2000. 146 p.
2. Babenko V.Ya. *Ukraintsy v Bashkirskoy SSR: povedenie maloy etnicheskoy grupy v polietnichnoy srede* [Ukrainians in the Bashkir SSR: Be-

- havior of a Small Ethnic Group in a Multiethnic Environment]. BNTs UrO RAN. Ufa, 1992. 260 p.
3. Barag L.G. *Rastsvet, sblizhenie i vzaimoobogashchenie kul'tur narodov SSSR*. Issue 2. Ufa, 1970. P. 155-165.
 4. Bryantseva L.I. *Fol'klor narodov RSFSR*. Issue 2. Ufa, 1975. P. 181-186.
 5. Bryantseva L.I. *Fol'klor narodov RSFSR* [Folklore of the peoples of the RSFSR]. Ufa, 1980. P. 28-36.
 6. Vesil'ni pisni / Uporyad. M.M. Shubravs'ka [Wedding songs / Arrangement]. Kiïv: Dnipro, 1988. 476 p.
 7. Karpukhin I.E. *Ukraina – Bashkortostan: svyaz'vremen* [Ukraine - Bashkortostan: connection of times]. MGOPU im. M. A. Sholokhova. Ufa, 2001. S. 92–110.
 8. Karpukhin I.E. *Fol'klor i literatura Urala* [Folklore and Literature of the Urals]. Issue 2. Perm', 1975. P. 82-92.
 9. *Pesenny fol'klor ukrainskikh pereselentsev v Bashkirii* [Song folklore of Ukrainian immigrants in Bashkiria] / sost. V.Ya. Babenko, F. G. Akhatova. Kiev–Ufa, 1995. 235 p.
 10. PMA, 2012 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Golovan' V.F. 1949 g.r., zhitel'nitsy s. Zolotonoshka Sterlitamakskogo rayona Respubliki Bashkortostan.
 11. PMA, 2012 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. i Chernienko D.A. ot Marchenko (Babchenko) V.K. 1939 g.r., zhitel'nitsy s. Kazanka Al'sheevskogo rayona Respubliki Bashkortostan.
 12. PMA, 2012 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. i Chernienko D.A. ot Krut'ko (Strizhak) A.V. 1927 g.r., zhitel'nitsy s. Tavrichanka Al'sheevskogo rayona Respubliki Bashkortostan.
 13. PMA, 2012 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. i Chernienko D.A. ot Nosko (Prikhody) M.G. 1938 g.r., zhitel'nitsy s. Tavrichanka Al'sheevskogo rayona Respubliki Bashkortostan.
 14. PMA, 2012 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. i Chernienko D.A. ot Marchenko

- (Didenko) R.A. 1935 g.r., zhitel'nitsy s. Kazanka Al'sheevskogo rayona Respubliki Bashkortostan.
15. PMA, 2013 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. i Chernienko D.A. Ot Reznikovoy (Perepechay) N.D. 1937 g.r., zhitel'nitsy s. Dniprovka Miyakinskogo rayona Respubliki Bashkortostan
16. PMA, 2013 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. i Chernienko D.A. ot Gemegi (Lusty) R.A. 1927 g.r., zhitel'nitsy s. Yarlykovo (rodом s s. Tikhomirovka) Miyakinskogo rayona Respubliki Bashkortostan
17. PMA, 2018 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Marinko (Shevchenko) A. Ya. (1926-2020) zhitel'nitsy s. Novo-Kievka Chishminskogo rayona Respubliki Bashkortostan.
18. PMA, 2020 – Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Tot'yanokhi F. N. 1954 g.r., zhitelya pgt. Chishmy, vykhodtsa s. Novo-Kievka Chishminskogo rayona Respubliki Bashkortostan.
19. *Nauchnyy arkhiv Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN*. F.3. Op. 12. D. 321-325.
20. *Russkoe narodnoe tvorchestvo v Bashkirii* [Russian folk art in Bashkiria] / ed. E.V. Pomerantseva. S.I. Mints, N.S. Polishchuk, E.V. Pomerantseva. Ufa, 1957 g.].
21. *Ukrai'nci Bashkyrii'* [Ukrainian Bashkiria]: u 2 t. T. I doslidzhennja i dokumenty / [gol. red. G. Skrypnyk, nauk. red. V. Babenko; vidp. red. D. Chernijenko]; uporjad. Ju. Sirenko, I. Chernijenko, L. Jefremova, M. Pylypak. K.: IMFE NAN Ukrai'ny; Ufa, 2011. 492 p.
22. Chernienko D.A., Pilipak M.A. *Selo Kazanka i ukraintsy Al'sheevskogo rayona. K 120-letiyu sela Kazanka, 30-letiyu narodnogo ukrainskogo fol'klornogo ansamblya «Charovnitsy»* [The village of Kazanka and the Ukrainians of the Alsheevsky district. On the occasion of the 120th anniversary of the village of Kazanka, the 30th anniversary of the Ukrainian folklore ensemble “Charovnitsa”]. Ufa: ITs Ufimskogo filiala MGGU im. M.A. Sholokhova, 2012. 134 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пилипак Максим Анатольевич, старший научный сотрудник Центра социокультурного анализа, кандидат исторических наук
Государственное автономное научное учреждение «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан»
ул. Кирова, 15, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450008,
Российская Федерация
pilipakma@isi-rb.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pylypak Maksym Anatolevich, Senior Researcher at the center for socio-cultural analysis, candidate of historical Sciences
Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan
15, Kirov Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450008, Russian Federation
pilipakma@isi-rb.ru
SPIN-code: 8770-5831
ORCID: 0000-0003-0087-5889

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-147-161

УДК 930, 908

**ТРАНСПОРТНЫЕ ПОТОКИ
АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ (АРА)
НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГРАДА (1921–1923 ГГ.)**

Филиппова М.Н., Романова А.Н.

Цель. Американская администрация помощи (АРА) оказала масштабную гуманитарную помощь России во время голода в 1921–1923 гг. При этом была успешно решена проблема доставки продовольствия из США к голодающим людям на огромных пространствах России. Практика АРА остается актуальной для современных гуманитарных организаций.

Метод проведения работы. Деятельность АРА в Петрограде практически не исследована. В статье использованы документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Российской Федерации (Москва) и опубликованные исследования.

Результаты. Транспортный аспект помощи АРА изучен на примере Петрограда как места первой разгрузки иностранной помощи, доставленной морским и железнодорожным транспортом, ее перегрузки на железную дорогу для транспортировки к районам оказания помощи АРА. Впервые рассмотрена схема доставки продовольствия от АРА голодающим людям Петрограда.

В Петроград поступило 53111,8 т грузов на 30 пароходах как прямо из США, так и после перегрузки в Гамбурге. По Северо-Западным железным дорогам грузы АРА поступали в Петроград из Таллина, некоторые грузы АРА в Петроград доставлялись по железной дороге через Москву. Помощь из Петрограда отправляли по железной дороге через Москву и Вологду в Волжский регион, станциями назначения были Рыбинск и Нижний Новгород.

Помощь АРА голодающему населению самого Петрограда также была значительной, ее общий вес составил 2947,335 т, а стоимость – 282210,61 \$.

Установлены и показаны на карте Петрограде основные места, связанные с транспортировкой грузов, и пункты питания для голодающего населения города. Для доставки помощи внутри города использовали гужевой и автомобильный транспорт.

Область применения результатов. *Материалы работы могут быть использованы для научных обобщений в теме помощи АРА, при подготовке учебных материалов по отечественной истории. Результаты могут заинтересовать краеведов.*

Ключевые слова: *Американская администрация помощи (АРА); голод; Петроград; транспорт; гуманитарная помощь.*

TRAFFIC FLOWS OF THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION (ARA) ON THE EXAMPLE OF PETROGRAD (1921–1923)

Filippova M.N., Romanova A.N.

Purpose. *The American Relief Administration (ARA) provided the great humanitarian mission in Russia during the famine in 1921–1923. Wherein the problem of suppling food from the United States to starving people in the vast territories of Russia was successfully fulfilled. The ARA practice remains interesting for modern humanitarian organizations.*

Methodology. *The history of the ARA in Russia is being investigated now, but its work in Petrograd has been almost unexplored. Our paper used the documents from the Russian central and regional archives such as the Central State Archives of St. Petersburg, the The State Archive of the Russian Federation (GARF, Moscow) and published studies.*

Results. *This aspect of aid was studied on the example of Petrograd as the place of first unloading of foreign aid delivered by sea and rail transport, its reloading onto the railroad for transportation to the ARA aid regions. The scheme of food delivery from the ARA to the starving people of Petrograd is considered for the first time.*

Petrograd received 53,111.8 tons of cargo on 30 ships both directly from the United States and after transshipment in Hamburg. By rail,

ARA cargoes arrived in Petrograd from Tallinn, by the way Petrograd received some ARA cargoes from Moscow. Deliveries from Petrograd was sent by rail through Moscow and Vologda to the Volga region, the destination stations were Rybinsk and Nizhny Novgorod.

The ARA's relief to the starving population of Petrograd itself was also significant, its total weight was 2947.335 tons, and the cost was \$ 282,210.61.

The main places associated with the transportation of goods and food points for the starving population of the city have been identified and shown on the map of Petrograd. Horse-drawn and road transport was used within the city.

Practical implications. *The materials can be useful for scientific development in the subject of relief of the ARA, in preparation of educational works on Russian history. The results may be of interest to local historians.*

Keywords: *American Relief Administration; hunger; Petrograd; transport; humanitarian aid.*

Введение

Спасение голодающих в России в 1921–1923 гг., осуществленное Американской администрацией помощи (АРА), – гуманитарная миссия мирового масштаба. Возглавляемая Г. Гувером АРА решила целый ряд разнообразных политических и финансовых проблем, сумела доставить через океан помощь для нуждающихся (в этот период продукты питания можно было собрать только в Америке, но не в послевоенной Европе), предоставила помощь населению на огромной территории, преодолев повсеместную разруху. Поэтому созданные АРА системы логистики разного уровня остаются актуальными для гуманитарных организаций, способствующих решению международных кризисов.

В работе рассмотрена доставка помощи АРА в Россию на примере Петрограда. Деятельность миссии АРА в Петрограде в отечественных исследованиях практически не была отражена. В связи с этим выполненная работа может быть полезна также для регионоведения.

Материалы и методы

Для того, чтобы охарактеризовать Петроград как транспортный узел в системе логистики АРА, нами использован обобщающий отчет по деятельности АРА [18], статья, посвященная железнодорожным транспортировкам [3], данные из исследования Б. Патенода о деятельности АРА в Советской России [17, р. 200, 210], материалы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Государственного архива Российской Федерации (Москва).

Результаты и обсуждение

В период голода 1921 г. население Петрограда оказалось в бедственном положении, усугубленном отсутствием вблизи города богатых сельскохозяйственных областей. Ситуацию в Петрограде характеризует, например, то, что население за три года после революционного 1917 г. сократилось на 1,6 млн чел. [16, р. 82], а первые обследования АРА городских детей в сентябре 1921 г. показали, что 50 тыс. детей нуждаются в дополнительном питании [17, р. 53].

При этом с дореволюционного времени в городе осталась, хотя и в расстроенном состоянии, инфраструктура для приема транспорта с иностранной помощью и его перегрузки для отправки в другие дистрикты¹, в том числе вместительные склады. Это были самые существенные факторы для определения места города в структуре деятельности АРА [17, р. 339].

После собственного изучения обстановки и консультаций с Советским Правительством АРА решила использовать все российские порты Балтийского и Черного моря и порты сопредельных балтийских стран, способные принимать морские и океанские грузовые суда, имеющие выходы для дальнейшей транспортировки грузов в голодающие районы Советской России [18, р. 139]. В Рижском Соглашении от 20 августа 1921 г. указаны эти порты, включая Петроград [1, с. 281–286].

Петроград – северный замерзающий порт, в отсутствие ледоколов функционирующий примерно полгода. Преимуществами Петроград-

¹ Дистрикт – территориальная единица, охваченная голодом, на которой оказывало помощь подразделение АРА, возглавляемое супервайзером (управляющим).

ского порта было современное оснащение и наибольшая близость к Волжскому региону, поэтому его включили в Рижское Соглашение. Как и другие российские порты Петроградский порт был предназначен более для экспорта, чем для импорта. АРА переоборудовала элеватор для экспорта в элеватор для импорта зерна [16, р. 175].

К 24 августа 1921 г. АРА отправила 3500 т продовольствия из Америки [19, р. 75]. Большой удачей для гуманитарной миссии оказалось то, что Комиссия правительства США по закупкам помощи для России, созданная 24 декабря 1921 г., смогла купить четыре партии кукурузной крупы и молока, которые уже (с 10 декабря 1921 г.) находились на пути в Европу. Это позволило приступить к работе по оказанию крупномасштабной помощи в начале января [18, р. 114]. Морским путем с 1 сентября 1921 г. по 25 ноября 1922 г. в Петроград прибыло 30 пароходов, доставивших 53111,8 т грузов (таблица 1).

Таблица 1.

Прибытие пароходов АРА в Петроград

Дата прибытия	Общий объем, т	Груз*	Пароход
1.09.1921	575,3	мука (160,5), рис (35,1), фасоль/горох (67,0), кукуруза (74,0), свинина (39,0), молоко (121,3), какао (13,5), сахар (64,9)	«Phoenix», погрузка в Гамбурге
6.09.1921	874,6	мука (461,3), рис (35,2), фасоль/горох (150,0), кукуруза (95,9), свинина (57,9), молоко (44,5), какао (22,9), сахар (6,9)	«Goeteborg», погрузка в Гамбурге
13.09.1921	546,5	мука (86,6), фасоль/горох (218,0), молоко (169,4), какао (0,1), сахар (71,4)	«Stella», погрузка в Гамбурге
15.05.1922	554,8	мука (269,5), рис (165,7), свинина (76,1), какао (34,5), разное непродовольственное (9,0)	«Electra», погрузка в Гамбурге
16.05.1922	954	мука (953,5), разное непродовольственное (0,5)	«Surico», прямой
19.05.1922	2518,7	мука (2396,2), какао (101,6), разное непродовольственное (20,9)	«Sunelseco», прямой
20.05.1922	967,8	рис (217,7), свинина (153,8), какао (79,4), сахар (497,7), продовольствие другое (16,2), разное непродовольственное (3,0)	«Ina Lotte Blumenthal», погрузка в Гамбурге

Продолжение табл. 1.

24.05.1922	1868,9	мука (1574,1), свинина (230,4), мыло (64,4)	«Lotte Reith», погрузка в Гамбурге
24.05.1922	1360,5	мука (1052,8), свинина (41,7), сахар (252,3), продовольствие другое (12,7), разное непродовольственное (1,0)	«Alesia, II», погрузка в Гамбурге
2.06.1922	1871,9	мука (1315,6), рис (91,8), свинина (154,3), какао (84,4), сахар (221,6), разное непродовольственное (4,2)	«Cordelia», погрузка в Гамбурге
8.06.1922	1221,6	мука (1220,2), разное непродовольственное (1,4)	«Carsten Russ, II», погрузка в Гамбурге
14.06.1922	1273,9	мука (1273,9)	«Wilhelm Russ, I», погрузка в Гамбурге
16.06.1922	1046,2	мука (872,1), какао (174,1)	«Wiedau», погрузка в Гамбурге
27.06.1922	836,0	мука (836,0)	«Andalusia, I», погрузка в Гамбурге
4.07.1922	683,3	мука (302,2), рис (381,1)	«Johannes C. Russ, III», погрузка в Гамбурге
25.07.1922	3921,0	мука (1935,8), свинина (269,7), молоко (557,4), какао (101,6), сахар (990,0), продовольствие другое (53,4), разное непродовольственное (13,1)	«Allaguash, I», прямой из США
8.08.1922	468,7	рис (116,9), свинина (33,7), молоко (233,6), какао (35,2), сахар (49,3)	«Norwegian Solhaug», погрузка в Гамбурге
22.08.1922	5935,8	мука (4831,7), молоко (405,5), какао (211,3), сахар (487,3)	«Manitowac, I», прямой из США
23.08.1922	236,8	свинина (236,8)	«Martha Russ, II», погрузка в Гамбурге
31.08.1922	370,7	мука (370,7)	«Eastern Star», прямой из США
10.09.1922	587,7	мука (587,7)	«Chebaulip», прямой из США
11.09.1922	4221,1	мука (3647,8), сахар (573,3)	«Norlina», прямой из США

Окончание табл. 1.

26.09.1922	230,7	мука (165,4), молоко (65,3)	«Eastern Coast, П», прямой из США
29.09.1922	7117,6	мука (4645,5), молоко (834,4), какао (117,4), сахар (1504,1), продовольствие другое (16,2)	«James B. Duke», прямой из США
16.10.1922	6668,9	мука (4377,2), рис (126,0), кукуруза (404,7), свинина (374,1), молоко (1313,3), какао (54,9), разное непродовольственное (18,7)	«West Islay», прямой из США
26.10.1922	824,2	рис (464,5), свинина (359,7)	«Andalusia, П», погрузка в Гамбурге
7.11.1922	102,0	рис (102,0)	«Alesia, V», погрузка в Гамбурге
18.11.1922	5	продовольствие другое (5)	«Helmo Hemsouth», погрузка в Лондоне
24.11.1922	5165,2	мука (3769,4), рис (52,8), кукуруза (485,3), свинина (144,2), молоко (670,9), продовольствие другое (6,8), мыло (35,8)	«Allaguash, П», прямой из США
25.11.1922	69,2	рис (69,2)	«Duisburg», погрузка в Гамбурге

Примечание * В скобках приведен вес груза в т.
Источник: 18, р. 878–881, 890–891.

Грузы были упакованы в мешки, ящики, бочки (таблица 2).

Таблица 2.

Доставка грузов пароходами в Петроград в 1921 г.

Пароход	Прибытие	Товар	Количество
«Феникс»	1 сентября 1921 г.	Какао	33 ящика
		Фасоль	1488 мешков
		Кукуруза	1164 мешков
		Молоко консервированное	2796 ящиков
		Сгущенное молоко	3172 ящиков
		Сало	253 бочки
		Рис	3846 мешков
		Мука	2532 мешков
		Сахар	650 мешков
		Автомобиль	1 ящик
Итого:		16036 мест	625,5 т

Окончание табл. 2.

«Гетеборг»	5 сентября 1921 г. *	Сахар	21 + 12 + 44 ящиков
		Рис	772 мешка
		Шпик	261 ящик
		Фасоль	3322 мешков
		Мука	5592 мешков
		Кукурузная мука	1671 мешка
		Кукуруза	1512 мешков
		Какао	225 ящиков
		Сгущенное молоко	2403 ящиков
		Сало	242 бочки
	Итого:	16097 мест	914 т
«Стелла»	12 сентября 1921 г. *	Какао	1 ящик
		Сгущенное молоко	8917 ящиков
		Мука	438 мешков
		Бобы	4882 мешка
		Сахар	709 мешков
		Мука	5496 мешков
		Кузов автомобиля	1 ящик
		Части автомобиля	1 паковка
		Канцелярские принадлежности	1 ящик
	Итого:	20446 мест	597,5 т

* Прибытие пароходов различается по данным [7, л. 5] и [18] на 1 день.

Источник: 7, л. 5.

Некоторые пароходы в Петроград пришли прямо из США, другие – из Гамбурга после перегрузки, один – из Лондона (таблица 1).

На пароходе могли перевозить сборный груз сразу нескольких гуманитарных организаций – так, пароход «Johannes C. Russ, III» привез в Петроград грузы АРА и Шведского Красного Креста [4, л. 76–76об.], пароход «Norlina» доставил также непродовольственный груз для организации Central Volga Relief Society, оказывавшей помощь в Поволжье [18, р. 880].

В портах подавляющая часть грузов АРА перегружалась на железную дорогу. Часть грузов АРА в Россию доставлялась по железным дорогам из зарубежных балтийских портов (Таллина, Риги, Вентспилса, Лиенаи). По Северо-Западным железным дорогам грузы АРА поступали в Петроград из Таллина [17, р. 210]. Есть сведения, что некоторые грузы АРА в Петроград доставлялись через

Москву [7, л. 6, 10]. К таким грузам относились медицинские товары, которые АРА привозила в Москву, а оттуда их распределяли по дистриктам (тогда как другие виды помощи из-за границы могли поступать прямо в дистрикт) [15, р. 66].

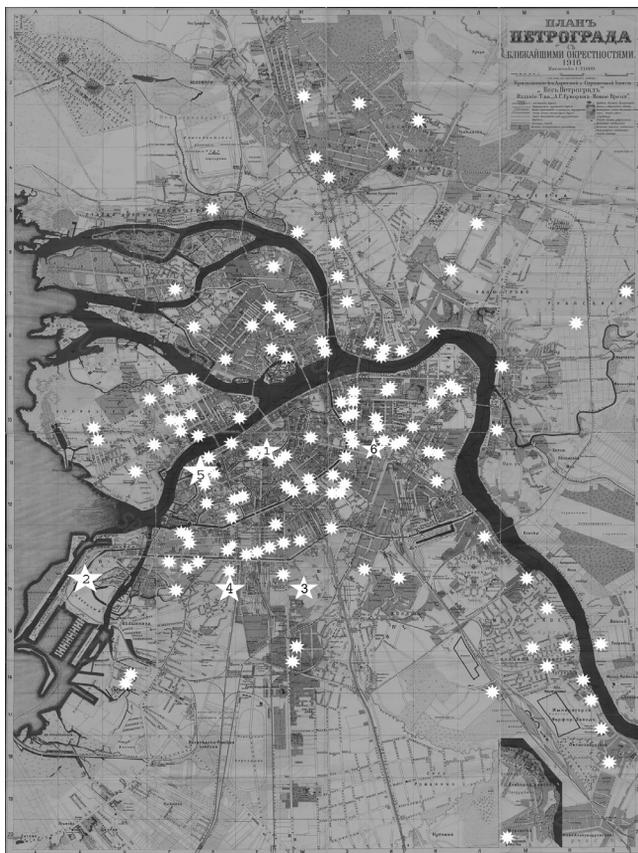

Рис. Основные места, связанные с деятельностью АРА в Петрограде

☆ : 1 – офис АРА (Морская ул., д. 40) 2 – Гутуевский остров (Грузовой порт, железнодорожная станция «Новый порт», Гутуевские склады), 3 – Растеряевские склады, железнодорожная станция «Растеряево», 4 – Преловский склад, 5 – место проживания многих сотрудников АРА (Английский пр., д.4), 6 – хлебопекарня АРА (Надеждинская ул., д. 11)

☆ – столовые АРА

Для прибывавших в город грузов АРА организовала несколько складов, два из которых находились на Гутуевском острове (там же находились грузовой морской порт и грузовая железнодорожная станция «Новый порт» Портовой-Путиловской ветви Николаевской железной дороги, связывающая порт с сетью российских железных дорог) и один – на Растеряевских складах (располагавших товарной станцией Растеряево, являющейся ядром его складского комплекса, и принадлежащей Николаевской железной дороге) [5, л. 37]. Также АРА использовала Преловский склад [13, л. 246]. Нами составлена карта, на которой отмечены основные пункты, связанные с логистикой грузов АРА в Петрограде (рисунок).

По железной дороге помощь из Петрограда отправляли в двух направлениях – на Москву и через Вологду в Волжский регион [18, р. 140] и [17, р. 210]. Станциями назначения значатся Рыбинск и Нижний [Новгород – прим. автора] [4, л. 70, 72]. Большое значение для перевозки американской помощи имел пропускной железнодорожный пункт станции Гатчино [4, л. 107 об.].

Продовольствие, предназначенное для питания жителей Петроградского дистрикта, со складов развозили на гужевом или автомобильном транспорте непосредственно в столовые (питательные пункты). В конце 1921 г. для снабжения каждой из 110 столовых ежедневно требовалась одна лошадиная повозка [9, л. 104]. В период зимних заносов гужевой транспорт должен был быть заменен 10 трехтонными грузовиками или санными подводами [9, л. 65].

Транспортировку, как и складирование грузов обеспечивали советские власти. В составе управления уполномоченного Полномочного представительства правительства Р.С.Ф.С.Р. при всех заграничных организациях Помгола по Петроградской губернии на июль 1922 г. имелся специальный Отдел портовых работ [4, л.68]. Петрогруз транспортного отдела Петрогубисполкома в 1922 г. во время навигации участвовал в разгрузке иностранных грузов АРА и Помгола в Петроградском торговом порту [13, л. 246]. Из имеющейся переписки АРА и представителей Советской власти видно, что с американской стороны в начале сотрудничества все вопросы

рассматривал шеф дистрикта, а в январе 1923 г. в АРА имелся заведующий портовыми операциями АРА [14, л. 154].

Помощь АРА голодающему населению Петрограда была очень большой, ее общий вес составил 2947,335 т, а стоимость – 282210,61 \$ [18, р. 914–915].

К концу 1921 г. в Петрограде было организовано 119 столовых, к которым было прикреплено 34 тыс. детей [5, л. 49, 50], места нахождения столовых указаны на рисунке. Позже в Петрограде АРА организовывала и другие пункты питания – в больницах, беженских пунктах, при учебных институтах (на рисунке они не показаны).

В Петрограде АРА пользовалась собственным автотранспортом. Уже на первом пароходе «Феникс» пришел автомобиль. К концу января 1922 г. АРА в Петрограде располагала привезенными из Америки легковыми автомобилями «Кадияк», «Форд», грузовиком «Либерти», и полученным в Советской России мотоциклом «Индиана» [6, л. 3].

Проблемой при доставке грузов были кражи и хищения на всех этапах доставки продовольствия в течение всего периода деятельности миссии АРА, в том числе и в Петрограде [10; 11; 12]. Американцы и советские власти предпринимали меры для обеспечения целостности грузов. Уж при разгрузке первого парохода американцы поняли, что целесообразнее позволить голодным грузчикам украсть некоторую часть привезенных продуктов питания, чем организовать строгий надзор и значительно затянуть работы [16, р.80–81]. Кражи случались на железной дороге при транспортировке. Так, 26 ноября 1921 г. при перегоне вагона из Нового порта на Растеряевский склад были украдены мешки с мукой примерно на 700 английских фунтов. Американцы, ссылаясь на Рижское соглашение, настаивали на том, чтобы Советское государство компенсировало эту потерю [8, л. 4].

Приведенная выше система транспортировки была отлажена в РСФСР, и, в частности, в Петрограде, к середине 1922 г. [4, л. 112об.-113об.]. К этому же времени относится вызревание решения о прекращении сотрудничества как с американской, так и с

советской стороны [2], приведшее к сокращению помощи вплоть до закрытия миссии АРА в России в июне 1923 г.

Заключение

1. Петроград имел важное значение при прохождении транспортных потоков с грузами АРА, предназначенными для спасения голодающих в России в 1921–1923 гг. Петроградский дистрикт АРА совместно с советскими властями эффективно решал две различные задачи логистики – транзит грузов и доставка помощи нуждающимся в городе.

2. Петроградский дистрикт АРА организовал получение грузов из заграницы по железной дороге и морским путем, перегрузку и отправку помощи по железной дороге в голодающие районы России. Для операций была использована дореволюционная транспортная инфраструктура, в том числе склады, станции, подъездные пути, была возобновлена работа морского порта.

3. Другой частью работы Петроградского дистрикта АРА была помощь нуждающимся жителям города, аналогичная работе в других дистриктах. В работе впервые установлены основные места деятельности АРА (склады, основные столовые, хлебопекарня) и отдельные данные о транспорте, представляющие собой элементы внутригородской логистики.

Благодарность – кандидату исторических наук, доценту СПбГУ Н.И. Богомазову.

Список литературы

1. Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960. 836 с.
2. Латыпов Р. Американская помощь Советской России в период голода 1921-1923 годов // Вестник института Кеннана в России. М., 2005. Вып. 8. С. 31–46.
3. Погромский В. А. Значение железнодорожного транспорта в работе АРА в России во времена голода 1921–1923 гг. // Современное общество и власть. 2016. № 1 (7). С. 6–10.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р–1058. Оп.1. Д. 435.
5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 2.
6. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 5.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 8.
8. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 9.
9. ЦГА СПб. Ф. Р-2805 Оп. 1. Д.14.
10. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 49.
11. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 50.
12. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 51.
13. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 62.
14. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д.99.
15. Beeuwkes H. American Medical and Sanitary Relief in the Russian Famine, 1921–1923. New York: American Relief Administration, 1926. 128 p.
16. Fisher H. The Famine in Soviet Russia. 1919–1923. The Operations of the American Relief Administration. New York, 1927. 609 p.
17. Patenaude B.M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford: Stanford University Press, 2002. 817 p.
18. Surface F.M., Bland R.L. American Food in the World War and Reconstruction Period: Operations of the Organizations under the Direction of Herbert Hoover, 1914 to 1924. Stanford: Stanford University Press, 1931. 1034 p.
19. Weissman B. M. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921–1923. Standford: Hoover Institution Press, 1974. 247 p.

References

1. *Dokumenti vneshnei politiki SSSR* [Documents of the foreign policy of the USSR]. V. 4. M.: Izdatelstvo politicheskoi literaturi, 1960. 836 p. P. 281–286.
2. Latypov R. *Vestnik Kennan Institute in Russia*. M., 2005. Issue 8. P. 31–46.
3. Pogromskiy V.A. The Value of Railways in The Work of ARA in Russia During the Famine of 1921–1923. *Sovremennoe obshchestvo i vlast*. 2016. № 1 (7). P. 6–10.

4. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation]. F.R-1058. Op.1. D.435.
5. *Zentralnyy Gosudarstvennyy Arkhiv Sankt-Petersburga (CGA SPB)* [The *Central State Archive of Saint Petersburg*]. F. R-2805. Op. 1. D. 2.
6. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 5.
7. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 8.
8. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 9.
9. CGA SPB. F. R-2805 Op. 1. D.14.
10. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 49.
11. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 50.
12. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 51.
13. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 62.
14. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D.99.
15. Beeuwkes H. *American Medical and Sanitary Relief in the Russian Famine, 1921–1923*. New York: American Relief Administration, 1926. 128 p.
16. Fisher H. *The Famine in Soviet Russia. 1919–1923. The Operations of the American Relief Administration*. New York, 1927. 609 p.
17. Patenaude B.M. *The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford University Press, 2002. 817 p.
18. Surface F.M., Bland R.L. *American Food in the World War and Reconstruction Period: Operations of the Organizations under the Direction of Herbert Hoover, 1914 to 1924*. Stanford: Stanford University Press, 1931. 1034 p.
19. *Weissman B. M. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921–1923*. Standford: Hoover Institution Press, 1974. 247 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Филиппова Мария Николаевна, независимый исследователь, бакалавр института истории СПбГУ (2019)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
maiii.ph @google.com

Романова Анна Николаевна, независимый исследователь, кандидат технических наук, выпускник ЛТИ им. Ленсовета (1987)

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
rutkaas@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Philippova Maria Nikolaevna, Independent Researcher, Bachelor of History Institute of St. Petersburg State University (2019)
Saint Petersburg, Russian Federation
maiiia.ph@google.com

Romanova Anna Nikolaevna, Independent Researcher, Candidate of Technical Sciences, Graduate of *Leningrad Lensoviet Institute of Technology* (1987)
Saint Petersburg, Russian Federation
rutkaas@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-162-178

УДК 93:39

ИЗ ОПЫТА РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г.Н. ЧЕРНОВА

Тимченко С.А.

Цель. Несмотря на устойчивый научный интерес к проблематике Великой Отечественной войны, и подвигу ее конкретных героев, в постсоветскую историческую науку зачастую ещё не введены недоступные ранее источники, существенно дополняющие их биографические сведения. В частности, предпринимается попытка наиболее полно реконструировать биографию Героя Советского Союза Г.Н. Чернова, используя материалы, до этого не использовавшиеся в научном обороте. Кроме этого, исследование автором ценностей и образа жизни чувашской диаспоры в Алтайском крае, включает в себя, помимо рассмотрения конкретного бытования этого народа в Южной Сибири, и реконструкцию жизненного пути его лучших представителей.

Метод и методология. Как особый способ измерения социально-культурных процессов в современной науке все шире используются методы исторической биографии, включающей индивидуальные судьбы в контекст истории. Применялись присущие ей описательный и биографический методы, принцип историзма.

Результаты. Впервые в научной литературе детально описываются ключевые эпизоды жизни единственного в Алтайском крае Героя Советского Союза, чуваша по национальности, Г.Н. Чернова. Удалось установить, что семья Черновых была одной из тех, кто основал место наиболее компактного проживания чувашей в Алтайском крае. Материалы следственного дела по обвинению отца Г.Н. Чернова позволили дополнить сведения о широкомасштабно сфабрикованном в Сибири «эсеро-ровсовским заговоре», массовые репрессии по которому начались после известного приказа НКВД СССР № 00447. Однако наличие репрессированного родителя не

помешало социальной биографии Г.Н. Чернова. Боевой путь героя, завершившийся подвигом 21 августа 1944 года, восстановлен как по материалам, находящимся в широком доступе, так и по малоизвестным воспоминаниям однополчан Г.Н. Чернова.

Выводы. *Ретроспективное рассмотрение жизни Г.Н. Чернова демонстрирует неоднозначность взаимодействия социальных и конкретно-исторических факторов с его личными устремлениями и мотивами. Максимальная индоктринация большевистского государства не может отменить успехов советской модернизации, о которых свидетельствуют судьбы представителей поколения, чья молодость пришлось на годы Великой Отечественной войны.*

Ключевые слова: *чуваш; диаспора; Алтайский край; политические репрессии; «дело РОВС»; Великая Отечественная война; Герои Советского Союза.*

FROM THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE BIOGRAPHY OF THE HERO OF THE SOVIET UNION G. CHERNOV

Timchenko S.A.

Purpose. *Despite the steady scientific interest in the problems of the great Patriotic war, and the feat of its specific heroes, the post-Soviet historical science often has not yet introduced previously inaccessible sources that significantly supplement their biographical information. In particular, an attempt is made to reconstruct the biography of the Hero of the Soviet Union G.N. Chernov in the most complete way, using materials that were not previously used in scientific circulation. In addition, the author's research on the values and lifestyle of the Chuvash Diaspora in the Altai region includes, in addition to considering the specific existence of this people in southern Siberia, and reconstructing the life path of its best representatives.*

Methodology. *As a special way of measuring socio-cultural processes in modern science, methods of historical biography are increasingly*

used, including individual destinies in the context of history. The descriptive and biographical methods and the method of historicism inherent in this auxiliary historical discipline were applied.

Results. *For the first time in the scientific literature it is described in details the key life episodes of the only Hero of the Soviet Union in the Altai region, Chuvash by nationality, Georgiy Chernov. It has been able to establish that the Chernov family was one of those who had founded the most compact Chuvash residence in the Altai territory. The materials of the investigation on the charges against G.Chernov's father in conspiring against the Soviet authorities have made it possible to supplement information about widespread "SR-rovowski conspiracy" in Siberia", mass repressions which were begun after the NKVD order № 00447. However, the presence of the repressed father didn't prevent the social biography of Georgiy Chernov. The hero's military path was completed with the act of heroism on August 21, 1944, which was restored from widely available materials as well as from little known recollections of his fellow soldiers.*

Conclusions. *A retrospective review of Georgiy Chernov's life demonstrates the disparity of the interaction of social and concrete historical factors with his personal aspirations and motives. The maximal indoctrination of the Bolshevik state can't prevent the success of the Soviet modernization. As an evidence of it there are the fates of the representatives of the generation whose youth took place during the great Patriotic war.*

Keywords: *Chuvash; Diaspora; Altai region; political repression; "ROVS case"; Great Patriotic war; Heroes of the Soviet Union.*

Введение

Несмотря на устойчивый и даже нарастающий научный интерес к проблематике Великой Отечественной войны, её событиям и подвигу ее конкретных героев, в постсоветскую историческую науку зачастую ещё не введены недоступные ранее по идеологическим соображениям источники, существенно дополняющие их биографические сведения. В частности, привлечение материалов, не использовавшихся в широком научном обороте, позволит более

полно реконструировать жизненный путь Героя Советского Союза Г.Н. Чернова.

Помимо этого, предпринимаемое автором изучение этнокультурного развития диаспорной группы чувашей в Алтайском крае, не относящейся к числу многочисленных (по данным Всероссийской переписи 2010 года, в крае проживало 2322 чуваша), породило необходимость более пристального исследования жизненного пути наиболее известных чувашей Алтая, к которым, бесспорно, относится Г.Н. Чернов. Как отмечается в современных работах, решение теоретико-методологических споров о «диаспоре», продолжающихся среди социологов, этнологов, политологов и других специалистов, требует появления широкого круга эмпирических исследований, посвященных диаспоре [16, с. 7].

Материалы и методы

Как особый способ измерения социально-культурных процессов в современной науке все шире используются методы исторической биографики, включающей индивидуальные судьбы в контекст истории. Применялись присущие ей принцип историзма, описательный и биографический методы, позволяющие выявить особенности социальных групп через изучение биографий и реализацию в истории жизненных устремлений лучших их представителей.

Одним из них является Герой Советского Союза Георгий Николаевич Чернов, единственный из чувашей – жителей Алтайского края, удостоенный этого звания. Следует отметить, что всего в годы Великой Отечественной войны этим званием был отмечен подвиг 44 чувашей и в перечне Героев Советского Союза всех национальностей тогдашней страны чуваша упомянуты одиннадцатью [2, с. 518].

Публикации, посвященные биографии и подвигу Г.Н. Чернова, относятся к советскому периоду (или же, даже если выходили в последующие годы, выполнены в «советском» стиле) и в силу ограничений политико-пропагандистского характера не ставили перед собой цели конкретно-исторического анализа, исходя из героико-романтической и государственно-патриотической предпосылок

[8]. В этом ряду заметны публикации В.А. Полянина, отмеченные яркой художественностью и публицистичностью [11]. Во многом благодаря его подвижнической деятельности краеведа был сформирован фонд Г.Н. Чернова в Новоалтайском краеведческом музее им. В.Я. Марусина. Наряду с недостатками значительной части изданий советского времени (вторичность, неполнота и неточность информации), они полезны для выявления важных деталей биографии героя, поскольку авторы имели возможность интервьюировать людей, лично знавших Г.Н. Чернова, что выгодно дополняет и оживляет его «анкетные» данные. Важнейшей советской работой, в которой были собраны сведения о героях, стала вышедшая в 1988 году книга «Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь в двух томах» [3].

С распадом Советского Союза интерес отечественных историков и публицистов к теме героев заметно снизился, а число публикаций значительно сократилось. Среди появившихся в последнее время работ следует отметить исследования представителей научной династии Дьячковых, разрабатывающих научную просопографию Героев Советского Союза периода Второй мировой войны и сделавших в этом направлении заметные шаги [6]. В частности, новым явлением в современной историографии стала публикация исследований, посвященных героям и членам их семей, которые в разное время и по разным причинам подвергались арестам, репрессиям, были судимы и лишены высокого звания Героя Советского Союза.

В настоящей реконструкции биография Г.Н. Чернова существенно пополнилась данными, почерпнутыми из следственного дела по обвинению его отца Н.И. Чернова, ранее не находившегося в научном использовании [4].

Результаты

Георгия Николаевича считают своим героем и в Чувашии, и на Алтае, поскольку первые годы его жизни прошли на чувашской земле. Он родился в 1916 году на хуторе Нюргечи ныне Комсомольского района Чувашской республики в семье крестьянина. Это было

место исконного расселения этнографической группы «низовых чувашей» – анатри. Точная дата рождения неизвестна, скорее всего это первая половина года, так как отец Николай Иванович (1876 года рождения) в августе 1915 года был призван на военную службу. У него с женой Татьяной Корниловной (родилась в 1881 году) уже было трое детей – Владимир (1907), Мария (1909) и Николай (1914).

Николай Иванович получил 4 класса образования в церковно-приходской школе (Чувашская энциклопедия сообщает, что таковая была открыта в Нюргечах 15 ноября 1884 года), что позволило ему при том, что большинство местного населения было безграмотным, стать в 1914 году помощником волостного старшины. А после того, как в феврале 1917 года он вернётся со службы, Н.И. Чернов займет должность председателя уездного отдела народного образования Тетюшского уезда Казанской губернии. «После свержения Керенского вернулся в своё хозяйство» – скажет он на допросе в Краюшкинском районном отделе НКВД 13 февраля 1938 года [4, л. 7].

В 1921 году у Черновых появляется ещё один сын – Василий. Он проживет долгую и славную жизнь, будет воевать, вернётся с войны инвалидом с ампутированной рукой, в 1988 году будет награжден орденом Отечественной войны I степени, оставит после себя семерых детей. Старший же сын Черновых, Владимир, не дожив до совершеннолетия, умрёт в 1922 году. Есть веские основания предполагать, что причиной смерти стал массовый голод в национальных регионах Средней Волги: без продовольствия тогда осталось 80% населения Чувашской автономной области, в которой к 1 апреля 1922 года по самым осторожным подсчетам погибло около 13 тысяч человек [9, с. 144].

В 1938 году на упомянутом допросе сержант госбезопасности Ефанов так со слов Н.И. Чернова зафиксировал следующие события: «В 1923 году в нашей местности имелось временное продовольственное затруднение. Для того, чтобы лично улучшить своё материальное положение, я организовал хозяйств двенадцать из числа близких мне знакомых и пытался получить отрубной участок земли из надела моего сына, но общество не согласилось.

После чего по совету возвратившегося из Сибири моего знакомого Цапырина я вместе с другими выехал в Сибирь, в село Голышево и организовал посёлок под названием Волга, впоследствии переименованный в посёлок Канаш. Вскоре мной было организовано в этом поселении машинное товарищество, председателем правления которого я работал до 1927 года» [4, л.7]. Таким образом, можно считать установленным фактом, что семейство Черновых (оно пополнилось в 1925 году сыном Петром) было одним из тех, кто основал место наиболее компактного проживания чувашей в Алтайском крае – посёлок Волга Первомайского района.

С началом массовой коллективизации Н.И. Чернов в 1929 году вступает в колхоз «Канаш», но уже в 1931 году исключен из него «за антиколхозную агитацию». В источниках нет сведений о дате восстановления членства в колхозе, однако вскоре он оказывается на должности колхозного кладовщика, каковым и остается вплоть до середины 1937 года. В ордере же на арест от 13 февраля 1938 года Николай Иванович обозначен как конюх колхоза «Канаш».

К этому времени Георгий, окончив Голышевскую семилетнюю школу (село Голышево находится в 7 километрах от «Канаша»), поступил в Барнаульское ФЗУ на специальность «Строительство железнодорожных путей». Как свидетельствуют односельчане, «и в школе, и в училище Георгий учился играть на гармонии, активно участвовал в художественной самодеятельности... общительный, красивый, с чёрными кудрями, он был видным парнем» [7]. В 1936 году он женится на Ефимии Кирилловне и у них рождается дочь Вера, которая вскоре умирает. В 1938 году родился сын Борис, а еще через 3 года – дочь Любовь. По данным «Схемы рода Героя Советского Союза Г.Н. Чернова» (2010 год), хранящейся в Новоалтайском краеведческом музее, Георгий Николаевич оставил после себя 4-х внуков и 5 правнуков [10].

Несмотря на то, что на первом допросе 13 февраля 1938 года Николай Иванович Чернов категорически отрицал свою борьбу против советской власти, признав лишь, что «в последних числах ноября 1937 года в конторе колхоза я выражал ненависть на совет-

скую власть, клеветал на руководителей ВКП (б), но делал это неосознанно», следствие сразу же квалифицировало его как активного участника контрреволюционной «эсеровско-монархической повстанческой» организации.

Подобная риторика подтверждает, что дело рассматривалось в русле массовых репрессий, начавшихся после известного приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июня 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», а в Сибири – широкомасштабно сфабрикованного дела, названного позднее «эсеро-ровсовским заговором». Акция должна была ликвидировать организации, якобы пытавшиеся сформировать повстанческую армию из кулаков, казаков и офицеров на территории Сибири. Созданная белыми генералами, организация, по замыслу НКВД, подчинялась указаниям эмигрантского Российского общевоинского союза (РОВС) и японской разведки. «Дело РОВС» планировалось как спецоперация именно в Западно-Сибирском крае, первые «ровсовцы» были осуждены тройкой НКВД по Алтайскому краю 6 ноября 1937 года. Операция продолжилась на следующий год и 31 января 1938 года Алтайский край оказался среди 23 регионов, получившим дополнительные лимиты. На проведение операции отводилось полтора месяца, была установлена и дата её завершения – 15 марта [1].

Дело Н.И. Чернова и тех, кто по нему проходил, абсолютно вписывается в эти сроки – именно 15 марта 1938 года были осуждены все участники «повстанческой» организации. Причем обвинение носит черты довыполнения спущенного сверху лимита – Чернов осужден как «участник контрреволюционной эсеровско-повстанческой организации, созданной и возглавляемой бывшим подпоручиком колчаковской армии Тропиным». Сам же Михаил Михайлович Тропин (1895 года рождения, директор школы в селе Глушинка Краюшкинского района) был расстрелян ещё 9 ноября 1937 года в Барнауле. В этот же день расстреляли и заведующего Краюшкинского райОНО Ивана Филипповича Филиппова (1901 года рождения, чуваш по национальности). Его имя упоминает Н.И. Чернов

на втором допросе 16 февраля 1938 года как человека, который вовлек его в организацию. Также он называет в качестве участников организации арестованных с ним в один день Ивана Алексеевича Степанова (1895 г.р., чуваша, учителя начальной школы села Канаш), Николая Георгиевича Коновалова (1908 г.р., учителя школы села Голышево), Матвея Титовича Полунина (1888 г.р., счетовода Голышевского сельпо).

Протокол второго допроса Чернова, как и находящиеся в деле протоколы допросов Полунина, Коновалова и Степанова написаны словно «под копирку»: вначале категорическое отрицание предъявляемых обвинений, затем внезапное осознание «бесполезности заpirationательства» и далее – подробное изложение той роли, которую сценаристы из НКВД отвели данному арестанту в фиктивном заговоре [4, л. 10–22]. Николаю Ивановичу достались обвинения в хозяйственном вредительстве и подготовке диверсий. Они нередко предъявлялись тем, кому по своим должностным обязанностям надлежало обеспечивать сохранность социалистической собственности. Такого рода действия исполнителей репрессивной акции подкрепляли один из постулатов, пропагандировавшийся в обществе в период подготовки и проведения операции: злостные действия кулачества и других социально чуждых элементов являются главной причиной «пробуксовки» механизма колхозного производства и кризиса сельского хозяйства [12, с. 96]. В частности, Чернов был обвинен в том, что весной 1937 года, будучи кладовщиком, испортил 50 центнеров семенной пшеницы, тормозил отпуск семян, в результате чего погибло около 300 га посевов пшеницы; предлагал правлению колхоза распределить на трудодни хлеб, приготовленный на семенной материал. Кроме того, вместе со Степановым пытался убить агротехника Постаенко и намечал диверсионный акт – провести поджог овцеводческой фермы и конного двора колхоза «Канаш». В итоге тройка УНКВД по Алтайскому краю 15 марта 1938 года осудила его по статье 58, п. 2, 11 и приговорила к 10 годам заключения с последующим поражением в правах на 5 лет [4, л. 37]. Другие же участники «Краюшкинской повстанческой организации»

в этот день слышали еще более страшный вердикт: приговоренные к высшей мере наказания, И.А. Степанов, Н.Г. Коновалов и М.Т. Полуниин были расстреляны 2 апреля 1938 года.

О дальнейшей судьбе Н.И. Чернова известно лишь то, что он умер в местах заключения 14 декабря 1941 года, был реабилитирован Алтайским крайсудом 17 июля 1958 года «за отсутствием состава преступления». Дополнительный драматизм ситуации придает тот факт, что старший сын Чернова Николай в 1938 году работал в Барнаульской тюрьме.

Видимым образом на биографии Георгия Николаевича трагедия отца не сказалась: осенью 1938 года он был призван на действительную военную службу, которую проходил в инженерных войсках на Дальнем Востоке, в городе Ворошилов (ныне – Уссурийск). Там он окончил полковую школу и стал сержантом. После демобилизации в сентябре 1940 года он вместе с женой поселился на станции Повалиха и устроился на работу дорожным мастером Алтайской дистанции пути [11, с. 128].

Работа на железной дороге давала право на отсрочку от призыва в военное время, однако Георгий Николаевич не счёл возможным пользоваться этой льготой и после начала войны перевозит семью в родительский дом, в посёлок Волга, увольняется из системы железнодорожного транспорта и добивается того, что в начале 1942 года Краюшкинским райвоенкоматом он вновь призван в армию и направлен в Рубцовское пехотное училище, которое с июля 1941 года готовило средних командиров пехоты для Красной армии. Основными предметами обучения для пехотных и артиллерийских училищ являлись тактика и огневая подготовка. Позже была введена новая учебная дисциплина – танкоистребительное дело [5]. Скорее всего, Г.Н. Чернов окончил училище за 3–4 месяца на «удовлетворительно», поскольку ему было присвоено первичное воинское звание «младший лейтенант» и он был направлен в район боев под Сталинградом. Стремление Георгия на фронт объяснимо и тем фактом, что его старший брат Николай, призванный в самом начале войны, погиб в 1941 году под Москвой [10].

Подразделение, в котором проходил службу Г.Н. Чернов летом 1942 года на Юго-Западном и Сталинградском фронтах, достоверно установить не удалось. По воспоминаниям однополчан, в боевой биографии молодого комвзвода было и двухнедельное окружение, и полученное 29 августа рваное ранение ноги, которое было чревато заражением крови [7]. После частичного излечения в госпитале медкомиссия, освидетельствовав Чернова, признала его временно негодным к военной службе и направила на 6 месяцев домой на долечивание.

В конце 1942–1943 году Георгий Николаевич работал военруком в школе № 1 села Чесноковка. Ныне это школа №3 города Новоалтайска, в которой чтут память героя. Недалеко от нее 4 ноября 1967 года был установлен бетонный обелиск высотой 7 метров, отлитый на Алтайском вагоностроительном заводе. На нем – барельеф героя и надпись на чугунной доске: «Герою Советского Союза командиру стрелковой роты лейтенанту Чернову Георгию Николаевичу. 1916 – 1944 гг.». В 80-е годы в школе работал клуб «Поиск» под руководством учителя литературы С.И. Руденок, который занимался сбором сведений о Г.Н. Чернове, поддерживая связь с однополчанами героя. В Новоалтайске также установлен бюст Чернова на Аллее Героев, его именем названа улица, в городе традиционно проводится открытый турнир по волейболу среди мужских команд памяти Г.Н. Чернова.

«16 декабря 1943 года вся школа собралась проводить на фронт любимого учителя. Наказывали сражаться храбро, до полной Победы» [11, с. 133]. В январе 1944 года в составе пополнения лейтенант Г.Н. Чернов прибыл на 2-й Украинский фронт и был назначен командиром 4-ой стрелковой роты 645-го стрелкового полка 202-ой стрелковой дивизии. Сначала его рота участвовала в ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки противника в районе села Медвин. В ознаменование одержанной победы 202-я стрелковая дивизия (полковник З.С. Ревенко) приказом Ставки ВГК от 26.02.1944 года № 045 как отличившаяся в боях за освобождение г. Корсунь-Шевченковский получила наименование «Корсуньской».

Далее дивизия приняла участие в Уманско-Ботошанской операции, в стремительном наступлении прошла с боями более 500 кило-

метров, в марте 1944 года участвовала в освобождении Тульчина и Могилёв-Подольского, форсировала Днестр, и в числе первых вышла на реку Прут. 28–29 марта рота, которой командовал лейтенант Г.Н. Чернов, вышла на государственную границу СССР, началось освобождение Румынии. 4 марта с ходу была форсирована река Прут и началось наступление в направлении г. Яссы, осложнявшееся тяжёлыми природными условиями, распутицей и усилившимся сопротивлением противника. К середине апреля наступление остановилось, и до августа 1944 года 645-й Краснознаменный полк вёл частные бои севернее Ясс. 11 августа вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Г.Н. Чернова, среди прочих, медалью «За оборону Сталинграда».

Яско-Кишиневская операция начинается для полка 20 августа наступлением с севера на Яссы из района населённого пункта Берлешти (25 километров восточнее города Бырлад). Как следует из журнала боевых действий 645-го полка, в этот день «согласно боевого приказа штадива после полуторочасовой подготовки полк перешел в наступление и при упорном сопротивлении противника ведет бой за овладение высотой 192». 21 августа в 9.30 «наши подразделения во взаимодействии с 682 сп овладели высотой 192. Противник в беспорядочном бегстве начал отступление... Обнаружены ДОТы, ДЗОТы и проволочные заграждения в два кола. За 3 дня боя захвачено в плен 310 человек, убитыми и ранеными противник потерял до 600 человек. Наши потери убитыми – 47 человек» [15].

Среди этих 47-и – и героически погибший Георгий Николаевич Чернов. Действия его роты стали решающими для овладения высотой 192 (юго-западнее деревни Ербичений). После тяжелого боя 20 августа, в котором сам Чернов уничтожил 10 солдат и одного офицера, рота, овладев высотой, отразила 5 яростных контратак вражеской пехоты, часто переходя в рукопашные схватки. Наградной лист, подписанный командиром полка подполковником Берестовым, сообщает, что «в этих схватках с немцами тов. Чернов лично финкой уничтожил 1 немецкого офицера и двух солдат, ... в завязавшемся рукопашном бою тов. Чернов был ранен и озверевшими фашистскими

палачами был схвачен и сожжен» [14]. Необходимо отметить, что на Яском направлении Красной армии противостояли не немецкие, а румынские части, которые, по мнению современных исследователей, обладали ярко выраженными чертами второстепенных пособников основного врага, не имевших высокого воинского духа, но не отстающие от немцев в грабежах и издевательствах [13, с. 121]. Во всяком случае, однополчане сообщают, что румыны, издеваясь над Черновым, вырезали на его груди звезду, отрезали язык и истерзанным, но еще живым бросили в сарай на окраине деревни и подожгли [7].

Звание Героя Советского Союза (посмертно) было присвоено Г.Н. Чернову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года. Первичным местом его захоронения было село Ербичень в округе Яссы. В настоящее время его прах покоится под монументом, увенчанном красной звездой и надписью «Вечная слава воинам Советской Армии, отдавшим свою жизнь в борьбе за освобождение человечества от фашистского рабства», находящимся в центральной части румынского города Поду-Илоаей, на интернациональном кладбище, у православной церкви. Здесь же захоронены еще 1720 советских солдат и офицеров. Учетная карточка захоронения, составленная представителями Министерства обороны и Посольства России в Румынии 17 июля 2019 года, находится в свободном доступе на сайте «Память народа» (https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie1158691938).

Заключение

Ретроспективное рассмотрение недолгой жизни Г.Н. Чернова, среди прочего, показывает неоднозначность и многогранность взаимодействия социальных и конкретно-исторических факторов его биографии с личными устремлениями и мотивами нашего героя. Политика большевистского государства 1930–1940-х годов с её максимальной индоктринацией, высоким уровнем коллективного и индивидуального стресса, социальной агрессией вкупе с внутрисемейной трагедией Черновых вполне могли самым пагубным образом сказаться на молодом человеке в период его становления. Однако личные переживания Георгия не заставили его озлобиться,

снизить уровень своей социальной активности. Отчасти это может свидетельствовать об успехах советской модернизации, обеспечившей высокий уровень представителей поколения, чье детство и формирование пришлось на советский период, когда человеческий «стержень» стойкости был продиктован в том числе советской школой и остальной предвоенной жизнью. Война же ускорила процесс восхождения наиболее активных и преданных советской власти молодых поколений, тем более, что, несмотря на весь морок страшных 1937–1938 годов, детям пострадавших в эти годы родителей далеко не всегда закрывали путь к нормальной жизни. Достаточно подчеркнуть, что наличие репрессированного отца не помешало Г.Н. Чернову в 1944 году стать членом ВКП(б). К реалиям тогдашнего времени относится и то, что чувашская национальность Георгия Николаевича никогда не являлась ни стимулирующим, ни тормозящим фактором его социальной биографии.

Список литературы

1. Аблажей Н.Н. «Ровсовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937-1938 гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 311. С. 54-58.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история / Ред. Б.С. Тельпуховский, Г.И. Булычев, А.А. Бурляй и др. 3-е изд., испр.и доп. М.: Воениздат, 1984. 560 с. ил.
3. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. М.: Воениздат, 1987-1988.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК), Ф.Р.-2000, опись 1, дело 5943.
5. Дроздов В.С. Обучение и воспитание офицеров в военно-учебных заведениях СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. // Педагогическое мастерство: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 19-21.
6. Дьячков Л.Г., Логинов Л.Н. Солдаты Победы. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 1995. 449 с.; Дьячков, Г.В. Герои Советского Союза периода Второй мировой войны: социокультурный облик: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Тамбов, 2008. 25 с.

7. Едакин А. В огне и славе // Наш Новоалтайск. 1994. № 134.
8. Золотые звезды Алтая / И. И. Кузнецов, И. М. Джога. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. 279 с.; Боевая слава Алтая / Сост. М.Т. Карначев, Ф.П. Ельков. 3-е изд., испр. и доп. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1978. 311 с.; Кожевников В. Второй Сталинград за Днепром // Наш Новоалтайск. 1994. №6.
9. Козлов Ф.Н. Голод 1921-1922 годов в чувашском и марийском краях в контексте государственно-церковных отношений // PolitBook. 2012. № 2. С. 142-156.
10. Новоалтайский краеведческий музей. – НВ-1833.
11. Полянин В.А. Новоалтайск: историко-документальная хроника, очерки, цифры, факты: к 60-летию города. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2002. 384 с.
12. Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937-1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Масовые операции на основе приказа № 00447. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 82-103.
13. Синявская Е.С. Румыния в мировых войнах XX века // Обозреватель-Observer. 2010. № 2. С. 116–126.
14. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 33. Опись 793756. Дело 53.
15. ЦАМО. Ф. 7303. Опись 92870. Дело 3.
16. Ягафова Е.А. Чувашская “диаспора” на постсоветском пространстве: монография. Самара: Поволжская гос. социально-гуманитарная академия, 2013. 178 с.

References

1. Ablazhey N.N. «Rovsovskaya operatsiya» NKVD v Zapadnoy Sibiri v 1937-1938 gg. [“Rovsov operation” of the NKVD in Western Siberia in 1937-1938]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*. [Bulletin of Tomsk State Unt.]. 2008. № 311, pp. 54-58.
2. *Velikaya Otechestvennaya vojna Sovetskogo Soyuza 1941-1945. Kratkaya istoriya* [The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945.

- Brief Story] /ed. B.S. Telpukhovskiy, G.I. Bulychev, A.A. Burlyay and others. Moscow: Warrior, 1984. 560 p.
3. *Geroi Sovetskogo Soyuza: Kratkiy biograficheskiy slovar' v dvukh tomakh*. [Heroes of the Soviet Union: A short biographical dictionary in two volumes]. Moscow: Military building, 1987-1988.
 4. *Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya (GAAK)* [State Archive of the Altai Territory]. F.R.-2000, Inv. 1, D. 5943.
 5. Drozdov V.S. Obuchenie i vospitanie ofitserov v voenno-uchebnykh zavedeniyakh SSSR v Velikuyu Otechestvennyuyu voynu 1941–1945 gg. [Training and education of officers in military educational institutions of the USSR in the Great Patriotic War of 1941-1945]. *Pedagogicheskoe masterstvo: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Pedagogical skills: materials of the IV International Scientific Conference]. Moscow: Bu-ki-Vedi, 2014, pp. 19-21.
 6. D'yachkov L.G., Loginov L.N. *Soldaty Pobedy* [Soldiers of Victory]. Tambov: Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina, 1995. 449 p.; D'yachkov, G.V. *Geroi Sovetskogo Sojuza perioda Vtoroj mirovoj vojny: socio-kul'turnyj oblik: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Heroes of the Soviet Union during the Second World War: socio-cultural appearance: autorecapture of the dissertation... candidate of historical sciences]. Tambov, 2008. 25 p.
 7. Edakin A. V ogne i slave [On fire and glory]. *Nash Novoaltajsk* [Our Novoaltaysk]. 1994. № 134.
 8. *Zoloty zvezdy Altaja* [Golden stars of Altai] / I. I. Kuznecov, I. M. Dz-hoga. Barnaul : Alt. kn. izd-vo, 1982. 279 p.; *Boevaya slava Altaja* [The martial glory of Altai] / Sost. M.T. Karnachev, F.P. El'kov. 3-e izd., ispr. i dop. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1978. 311 p.; Kozhevnikov V. Vtoroj Stalingrad za Dneprom [Second Stalingrad for the Dnieper]. *Nash Novoaltajsk* [Our Novoaltaysk]. 1994. № 6.
 9. Kozlov F.N. Golod 1921-1922 godov v chuvashskom i marijskom kra-jah v kontekste gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij [Hunger of 1921-1922 in the Chuvash and Mari territories in the context of state-church relations]. *PolitBook*. 2012. № 2, pp. 142-156.
 10. *Novoaltajskij kraevedcheskiy muzej* [Novoaltai Museum of Local Lore]. DN-1833.

11. Poljanin V.A. *Novoaltajsk: istoriko-dokumental'naja hronika, ocherki, cifry, fakty: k 60-letiju goroda* [Novoaltajsk: historical and documentary chronicle, essays, figures, facts: to the 60th anniversary of the city]. Barnaul: Altajskij poligraficheskij kombinat, 2002. 384 p.
12. Razgon V.N. Repressii protiv byvshih «kulakov» v Altajskom krae v 1937-1938 g. [Repression against the former “kulaks” in the Altai Territory in 1937-1938]. *Stalinizm v sovetskoj provincii: 1937-1938. Massovyje operacii na osnove prikaza № 00447* [Stalinism in the Soviet province: 1937-1938. Mass operations on the basis of order No. 00447]. Moscow: ROSSPEN; German Historical Institute in Moscow, 2009, pp. 82-103.
13. Sinjavskaja E.S. Rumynija v mirovyh vojnah XX veka [Romania in the world wars of the 20th century]. *Obozrevatel'-Observer* [Observer-Observer]. 2010. № 2, pp. 116–126.
14. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony (CAMO)* [Central Archive of the Ministry of Defense]. F. 33. Inv. 793756. D. 53.
15. *CAMO*. F. 7303. Inv. 92870. D. 3.
16. Jagafova E.A. *Chuvashskaja “diaspora” na postsovetskom prostranstve* [Chuvash “diaspora” in the post-Soviet space]. Samara: Povolzhskaja gos. social'no-gumanitarnaja akademija, 2013. 178 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тимченко Сергей Александрович, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук с курсом клинической психологии
*Алтайский государственный медицинский университет
проспект Ленина, 40, г. Барнаул, Алтайский край, 656038,
Российская Федерация
stkarantin@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Timchenko Sergey Aleksandrovich, Senior Lecturer, Department of Humanities, Clinical Psychology Course
*Altai State Medical University
40, Lenin Ave., Barnaul, Altai Region, 656038, Russian Federation
stkarantin@yandex.ru
SPIN-code: 8601-6429
ORCID: 0000-0003-4628-1816*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-179-192

УДК 378

**ПОКАЗАТЕЛИ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ
СТУДЕНТОВ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО
РЕГИОНА В РОССИЮ**

Кузьмина В.М.

Цель. В статье раскрываются количественные и качественные показатели академической мобильности студентов некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Российскую Федерацию в период с 2014/2015 уч. года до 2018/2019 уч. года.

Методы или методология проведения работы. Были использованы метод стратегического анализа, метод теоретического анализа источников исследуемой проблемы, метод прогнозирования рассматриваемой ситуации, иллюстративно-графический метод.

Результаты. Показана динамика академической мобильности студентов из различных стран АТР в Российскую Федерацию в период с 2014/2015 уч. года до 2018/2019 уч. года с учетом показателей обучения на контрактной основе и с использованием государственных дотаций (квот) на получение образования.

Показана престижность получения российского образования, выделены проблемные аспекты сотрудничества между РФ и АТР.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере прогнозирования экспорта образовательных услуг Российской Федерации и образовательного сотрудничества РФ со странами АТР.

Ключевые слова: Российская Федерация; образовательное сотрудничество; Азиатско-Тихоокеанский регион; государственные стипендии (квоты); академическая мобильность.

INDICATORS OF STUDENTS' ACADEMIC MOBILITY FROM THE ASIA-PACIFIC REGION TO RUSSIA

Kuzmina V.M.

Purpose. *The article is devoted to quantitative and qualitative indicators of students' academic mobility from certain countries of the Asia-Pacific region to the Russian Federation from 2014/2015 to 2018/2019 academic year.*

Method and methodology of the work. *The methods used are as follows: strategic analysis, theoretical analysis of the sources of the research problem, graphical method.*

Results. *The study shows the dynamics of academic mobility of students from various countries of the Asia-Pacific region to the Russian Federation in the period from 2014/2015 to 2018/2019 academic year taking into account contract-based education as well as educational state grants (quotas). The results of the study show the prestige of obtaining Russian education and problematic aspects of cooperation between the Russian Federation and the Asia-Pacific region.*

The scope of the results. *The results of the study can be used in the field of forecasting the export of educational services of the Russian Federation and educational cooperation of the Russian Federation with the Asia-Pacific countries.*

Keywords: *Russian Federation; educational cooperation; Asia-Pacific region; state scholarships (quotas); academic mobility.*

Введение

Академическая мобильность в мире разнообразна по своему содержанию и динамике. Российское образование не потеряло своей доступности для граждан из стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), и в исследовании показано, что положительная динамика в миграционных потоках в процессе образовательного сотрудничества стран сохраняется. Но есть проблемы, которые мешают отдельным странам АТР в полной мере реализовывать образовательную миграционную

политику на территории Российской Федерации. Сегодня можно говорить о таком тренде в системе российского образования, как увеличение спроса на образовательные услуги в РФ со стороны стран АТР.

Российская Федерация сегодня рассматривает образовательную миграцию, академическую мобильность как составную часть своего внешнеполитического курса, что поможет в свою очередь укрепить экономическое и политическое влияние страны в мире [8].

Тенденции образовательной миграции изучались на разных уровнях самыми разными исследователями, как в Российской Федерации, так и во всем мире. Исследователи изучают то социальное значение, которое академическая студенческая мобильность имеет для стран [16; 3; 1]. Зарубежные исследователи Э. Эббот и М. Сайлс изучали детерминанты студенческой миграции [11]. Как отмечает в своем исследовании Е. Браун, получение образования далеко не всегда является основой миграционного перемещения студентов [13]. Начиная с 2014 г., после того как развернулся конфликт в Сирии, исследователи отмечают, что рост конфликтного потенциала на Ближнем и Среднем Востоке влияет на образовательное перемещение иностранных студентов. Так, Дж.Х. Занке и Р. Маллет пишут о том, что иностранные студенты уезжают из конфликтных регионов в поисках стабильных и спокойных государств [18]. Зарубежных исследователей интересует вопрос о факторах, которые являются движущей силой при выборе той или иной страны для получения образования. По мнению К. Ли, таким фактором является мировой и страновой рейтинг вуза [21]. К. Дагмен и Э.Глиц рассматривают получение образования как долгосрочное вложение денег с последующей отдачей в виде хорошо оплачиваемой работы [15].

Исследования Х. Кеболла-Боадо показали, что именно международный статус получаемого высшего образования является главным фактором при трудоустройстве после обучения [14]. Уровень осведомленности о государстве, в котором планируется получение образования, также является значимым фактором при выборе образовательного учреждения, как показали исследования Д. Ким, К.Э. Бэнкета, К. Янг, Э.М. Брэзил [26]. Как показало исследование

П. Бодикотта, не менее важным фактором при выборе страны получения образования является мнение родителей о государстве [12].

Исследование международной академической мобильности также широко представлено в работах отечественных специалистов: Е.Ю. Кошелевой [4], С. Рязанцева [6], Е.И. Самофаловой [7].

Ситуация в сфере образовательной миграции коренным образом изменилась с начала 2020 г., когда процесс получения образования столкнулся с пандемией и локдаунами. Эти объективные трудности процесса международной академической мобильности освещены в работах Дж.Э.К. Горис [16], М. Хейзел [19], Р.М. Хелмса [20]. Некоторые ученые (к примеру, С. Меркадо) полагают, что международная студенческая мобильность сохранится после пандемии, и в качестве примера приводят вспышку атипичной пневмонии в 2003 г. [24]. Результаты исследования отношения студентов Китая и Гонконга к обучению за рубежом подтвердили негативное влияние пандемии Covid-19 на международное высшее образование и мобильность студентов [25].

Материалы и методы исследования

При изучении данной темы были использованы метод стратегического анализа, метод теоретического анализа источников исследуемой проблемы, метод прогнозирования рассматриваемой ситуации, иллюстративно-графический метод.

Результаты и их обсуждение

История отношений России с АТР показывает, что разделяющие их многие тысячи километров отнюдь не мешают дружественным связям народов. С начала 90-х гг. XX в. и вплоть до середины того десятилетия АТР занимал в российской внешней политике вторичное место. И в течение данного исторического периода в гуманитарных связях между РФ и АТР, включая сотрудничество в сфере высшего образования, наблюдался серьезный спад. На сегодняшний день в России насчитывается 766 университетов, которые размещены по всей территории страны от Калининграда и Владиво-

стока. Есть вузы классического типа, в которых работает полный комплекс факультетов, начиная от филологического до инженерного и медицинского; есть вузы узкой специализации. И во многих из них обучаются иностранные граждане.

Высшие учебные заведения РФ предоставляют иностранным гражданам образовательные услуги как на контрактной (платной) основе, так и за счет средств федерального (централизованного) бюджета РФ с полным возмещением затрат. Каждый год Министерство образования и науки РФ выделяет государственные стипендии (квоты) на обучение по подготовке бакалавров, специалистов, магистров, а также для получения послевузовского образования (докторантура) или повышения квалификации для молодежи из самых различных регионов мира, включая страны АТР (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Государственные стипендии (квоты), выделенные гражданам АТР на обучение в российских вузах за счет федерального бюджета, и общее число обучавшихся [10]

Страны	Количество государственных стипендий (квот) для обучения иностранных граждан в российских вузах за счет средств из федерального бюджета				
	2014/2015 уч. год	2015/2016 уч. год	2016/2017 уч. год	2017/2018 уч. год	2018/2019 уч. год
Вьетнам	674	800	1129	950	958
Индонезия	105	100	173	166	161
Камбоджа	20	10	22	8	15
Китай	745	850	1370	931	950
КНДР	40	35	47	30	40
Лаос	29	15	87	91	91
Малайзия	5	5	12	9	9
Мальдивы	2	2	1	0	1
Монголия	333	350	488	454	500
Непал	36	20	37	9	9
Сингапур	0	1	2	1	1
Таиланд	39	25	38	34	34
Филиппины	1	1	4	0	11
Шри-Ланка	52	35	46	32	40
Япония	104	87	99	97	100
ВСЕГО	2185	2336	3555	2812	2920

Эксперты российского министерства образования отмечают, что страны АТР показывают активную положительную динамику. Если в 2014/2014 уч. году в российских вузах насчитывалось 2185 студентов из этого региона, то к 2016/2016 гг. их число выросло до 3555 человек, в 2018/2019 гг. очную форму обучения в России предпочли уже 2920 человек, больше всего молодежи приехало из Вьетнама (958 человек), Китая (950 человек), за ними следуют Монголия (500 человек), Индонезия (161) и Япония (100). Абитуриенты-иностранцы могут выбирать из более чем 300 специальностей гуманитарно-социального, инженерно-технологического или медицинского направлений профессиональной подготовки. Согласно принятой в РФ программе «Экспорт образования», к 2025 г. количество иностранных студентов в России должно увеличиться до 600–700 тыс. человек [2].

Таблица 2.

**Численность иностранных граждан, обучавшихся
на контрактной основе по очной форме в российских вузах в 2017/2018 уч.
году по странам происхождения [10]**

Страны	Общее число обучавшихся очно, чел.	Общее число, обучавшихся по контракту, чел.
Вьетнам	674	800
Индонезия	105	100
Камбоджа	20	10
Китай	745	850
КНДР	40	35
Лаос	29	15
Малайзия	5	5
Мальдивы	2	2
Монголия	333	350
Непал	36	20
Сингапур	0	1
Таиланд	39	25
Филиппины	1	1
Шри-Ланка	52	35
Япония	104	87
ВСЕГО	2185	2336

Традиционно-популярными у иностранцев являются инженерно-технические специальности (23% обучающихся), медицина и фармацевтика (20%), однако все больший вес приобретают социально-гуманитарные науки, включая педагогику (16%). Кроме того, растет интерес к нефтегазовому делу, международным отношениям, лингвистике. В начале 2019 г. британское аналитическое агентство Quacquarelli Symonds (QS) опубликовало очередной предметный рейтинг *QS World University Rankings by Subject*. Судя по данным этого рейтинга, российские университеты вошли в Топ-100 по ряду предметных областей [5]. Так, в высшую сотню по физике и астрономии включены Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский физико-технический институт, Новосибирский государственный университет. Кроме того, Московский государственный университет входит в Топ-50 по современным языкам, математике, компьютерным наукам и информационным системам. А Санкт-Петербургский горный университет занял 19-е место среди двадцати лучших вузов мира по горно-инженерному делу [5]. В апреле 2019 г. в ходе визита в Пекин президент России Владимир Путин поставил цель к 2020 г. довести число участников академических обменов между РФ и Китаем до 100 тыс. По данным на начало 2018 г., количество студентов, принимающих участие в двусторонних академических обменах, в совместных научных и образовательных программах составляло порядка 85 тыс. человек. По данным представителя Министерства науки и высшего образования России в КНР И.А. Позднякова, эта цель была достигнута [9]. 16 российских вузов приняли участие в интернациональной выставке-конференции Азиатско-Тихоокеанской Ассоциации международного образования (АРАИЕ), проходившей в марте 2019 г. в Куала-Лумпуре. Существенную помощь в укреплении российско-азиатско-тихоокеанского взаимодействия в области образования оказывают выпускники советских/российских вузов: такие сообщества имеются в Китае (КАВС – Китайская ассоциация выпускников российских и советских вузов, создана в Пекине 14 мая 1989 г.). 16 января 2020 г. в Доме народных собраний на площади Тяньаньмэнь состоялся торжественный приём

Ассоциации китайских выпускников европейских и американских вузов, значимой частью которой является и Китайская ассоциация выпускников советских и российских вузов (КАВС). В мероприятии приняли участие председатель Ассоциации, заместитель Председателя ПК ВСНП Чэнь Чжу, послы 17 иностранных государств, представитель Россотрудничества в КНР, первый секретарь Посольства России в КНР Т.Л. Касьянова, представитель Минобрнауки России в КНР, первый секретарь Посольства России в КНР И.А. Поздняков

Выводы и рекомендации

В современное пространство академической мобильности студентов включены все ведущие страны мира, и Российская Федерация не является исключением. У России есть накопленный со времен СССР опыт по привлечению иностранных студентов, в том числе из АТР. Успешные с точки зрения зарубежных рейтинговых агентств ведущие вузы страны являются значимыми и востребованными среди студентов из АТР, но тем самым региональные вузы оказываются исключенными и невостребованными среди иностранных студентов. На наш взгляд, Министерству науки и высшего образования России необходимо пересмотреть приоритеты в распределении квот и дотаций на получение образования иностранными студентами. Ведущие вузы Москвы и Санкт-Петербурга традиционно будут востребованы среди студентов из стран АТР, в то время как региональные вузы нуждаются в маркетинговом продвижении за пределами РФ и дотационной помощи государства в виде квот на обучение студентов. Для более успешного взаимодействия с АТР регионом представляется перспективным создание специализированного объединенного интернет-портала по всем образовательным программам, которые предлагают российские вузы, заинтересованные в контактах с университетами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Список литературы

1. Замотин М.П. Образовательная миграция в миграционных исследованиях российских авторов // Дискурс. 2016. № 5. С. 77-86. URL:

- [https://discourse.etu.ru/assets/files/zamotin-m.p\(1\).pdf](https://discourse.etu.ru/assets/files/zamotin-m.p(1).pdf) (дата обращения: 02.11.2020).
2. Минобрнауки: число иностранных студентов удвоится. URL: <https://versia.ru/minobrnauki-chislo-inostrannykh-studentov-v-rossii-udvoitsya> (дата обращения: 25.11.2020).
 3. Митин Д.Н. Образовательная миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010; (3). С. 123-134. URL: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8976/8427> (дата обращения: 01.11.2020).
 4. Отношение китайских студентов к миграции / Кошелева Е.Ю., Самофалова Е.И., Пак И.Я., Шевель Е.А., Ишутина И.А. // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 6. С. 14-16. URL: <https://www.Expeducation.ru/pdf/2015/6/7645.pdf> (дата обращения: 16.11.2020).
 5. Рейтинг QS: 10 российских университетов вошли в топ-100 по отдельным специализациям. URL: <https://indicator.ru/news/2019/02/26/rejting-qs-2019/> (дата обращения: 17.11.2020).
 6. Рязанцев С. Вклад миграции в демографическое и социально-экономическое развитие России // Наука. Культура. Общество. 2018; (4). С. 19-27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36547142> (дата обращения 17.11.2020).
 7. Самофалова Е.И. Роль социальных сетей в образовательной миграции (на примере Китая) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Философия. Социология. Политическая наука. 2016. № 4. С. 302-315. doi:10.17223/1998863X/36/31
 8. Трофимов Е.А., Трофимова Т.И. Особенности учебной миграции в условиях глобализации // Тенденции и проблемы в экономике России: теоретические и практические аспекты: материалы Всерос. науч. практ. конф. 23 марта 2017. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2017. С. 221-222.
 9. Число участников студенческих обменов РФ и КНР в 2019 году достигло 100 тыс. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10062903> (дата обращения: 17.11.2020).

10. Экспорт российских образовательных услуг. М.: Центр социологических исследований, 2019. 536с.
11. Abbott A. Determinants of International Student Migration. *The World Economy* Vol. 39, Issue 5. (2016). P. 621-635. doi:10.1111/twec.12319
12. Bodycott P. Choosing a higher education study abroad destination: What Mainland Chinese parents and students rate as important. *Journal of Research in International Education*, 8(3), (2009). P. 349-373.
13. Browne E. Evidence on Education as a Driver for Migration. K4D Helpdesk Report. Brighton, UK: Institute of Development Studies. 2017. URL: <http://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/123456789/13050> (дата обращения: 15.11.2020).
14. Cebolla-Boado H., Hu Y., & Soysal Y.N. Why study abroad? Sorting of Chinese students across British universities // *British Journal of Sociology of Education*, 39(3), (2018). P. 365-380.
15. Dustmann C., Glitz A. Migration and Education // *Handbook of the Economics of Education*. 2011. № 4. P. 327-439. doi:10.1016/B978-0-444-53444-6.00004-3
16. Findlay A. An assessment of supply and demand-side theorizations of international student mobility // *International Migration*. 2011. № 49(2). P. 162-190.
17. Goris J.A.Q. How will COVID-19 affect international academic mobility? URL: <https://www.iesalc.unesco.org/en/2020/06/26/how-will-covid-19-affect-international-academic-mobility/> (дата обращения: 14.11.2020).
18. Hagen-Zanker J. Journeys to Europe. The Role of Policy in Migrant Decision-making. London: Overseas Development Studies Institute, 2016. 50 p. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/10297.pdf> (дата обращения: 14.11.2020).
19. Heisel M. COVID-19: The end of or revival of international higher education. 7 May (2020) Berkeley News. URL: <https://news.berkeley.edu/2020/05/07/covid-19-the-end-or-revival-of-international-higher-education/> (дата обращения: 14.11.2020).
20. Helms R.M. Can internationalization survive coronavirus? You need to see my data 4 March (2020) Higher Education Today. URL: <https://www.>

- higheredtoday.org/2020/03/04/can-internationalization-survive-coronavirus-need-see-data/ (дата обращения: 17.11.2020).
21. Lee C. Exploring motivations for studying abroad: A case study of Taiwan. *Tourism Analysis*, 2017. No 22(4). P. 523-536.
 22. Marginson S. Covid-19 and the market model of higher education: Something has to give, and it won't be the pandemic. Oxford, UK: Centre for Global Higher Education. 2020. URL: <https://www.researchcghe.org/blog/2020-07-20-covid-19-and-the-market-model-of-higher-education-something-has-to-give-and-it-wont-be-the-pandemic/>. (дата обращения: 4.12.2020).
 23. Marginson S. Global HE as we know it has forever changed. *Times Higher Education*, March 26, 2020. URL: <https://www.timeshighereducation.com/blog/global-he-we-know-it-has-forever-changed#> (дата обращения: 16.11.2020).
 24. Mercado S. International student mobility and the impact of the pandemic. *BizEd: AACSB International*, June 11, 2020. URL: <https://bized.aacsb.edu/articles/2020/june/covid-19-and-the-future-of-international-student-mobility>. (дата обращения: 14.11.2020).
 25. Mok K.H. "Will Chinese students want to study abroad post-COVID-19?" // *University World News*, 4 July, 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200703155021111> (дата обращения: 14.11.2020).
 26. Understanding the college choice process of Asian international students / Kim D., Bankart C.A.S., Jiang X., Brazil A.M. // *Understanding International Students from Asia in American Universities: Learning and Living Globalization*. Springer. 2018. № 6. P. 15-41.

References

1. Zamotin M.P. *Diskurs* [Discourse], no 5, (2016): 77-86. URL: [https://discourse.etu.ru/assets/files/zamotin-m.p\(1\).pdf](https://discourse.etu.ru/assets/files/zamotin-m.p(1).pdf) (accessed 02.11.2020).
2. URL: <https://versia.ru/minobrnauki-chislo-inostrannyx-studentov-v-rossii-udvoitsya> (accessed 19.11.2020).
3. Mitin D.N. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia], no 3 (2010): 123-134.

- URL: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8976/8427> (accessed 01.11.2020).
4. Kosheleva E. Yu., Samofalova E. I., Pak I. Ya., Shevel E. A., Ishutina I. A. *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija* [Journal of Experimental Education], no 6 (2015): 14-16. URL: <https://www.expeducation.ru/pdf/2015/6/7645.pdf> (accessed 16.11.2020).
 5. *Rejting QS: 10 rossijskikh universitetov voshli v top-100 po ot-del'nym spetsializatsiyam* [QS rating: 10 Russian universities entered the top 100 for individual specializations]. URL: <https://indicator.ru/news/2019/02/26/rejting-qs-2019/> (accessed 25.11.2020).
 6. Ryzantsev S. *Nauka. Kultura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], no 4 (2018): 19-27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36547142> (accessed 17.11.2020).
 7. Samofalova E. I. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University], no 4 (2016): 302-315. doi:10.17223/1998863X/36/31
 8. Trofimov E. A., Trofimova T. I. *Tendencii i problemy v jekonomike Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Trends and problems in the Russian economy: theoretical and practical aspects]. Irkutsk: Baikal State University Publ., 2018: 221-222.
 9. *Chislo uchastnikov studencheskikh obmenov RF i KNR v 2019 godu dostiglo 100 tys.* [The number of participants in student exchanges between the Russian Federation and the PRC reached 100 thousand in 2019]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/10062903> (accessed 19.11.2020).
 10. *Eksport rossijskikh obrazovatel'nykh uslug* [Export of Russian educational services]. Moscow: Centr sociologicheskikh issledovanij, 2019. 536 p.
 11. Abbott A. *The World Economy*, vol. 39(5) (2016): 621-635. doi:10.1111/twec.12319
 12. Bodycott P. *Journal of Research in International Education*, no 8(3), (2009): 349-373.
 13. Browne E. *Institute of Development Studies*. 2017. URL: <http://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/123456789/13050> (accessed 15.11.2020).
 14. Cebolla-Boado H., Hu, Y., & Soysal Y. N. *British Journal of Sociology of Education*, no 39(3) (2018): 365-380.

15. Dustmann C., Glitz A. *Handbook of the Economics of Education*, no 4 (2011): 327-439. doi:10.1016/B978-0-444-53444-6.00004-3
16. Findlay A. *International Migration*, no 49(2) (2011): 162-190.
17. Goris J.A.Q. URL: <https://www.iesalc.unesco.org/en/2020/06/26/how-will-covid-19-affect-international-academic-mobility/> (accessed 14.11.2020).
18. Hagen-Zanker J. *Journeys to Europe. The Role of Policy in Migrant Decision-making*. London: Overseas Development Studies Institute, 2016. 50 p. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/10297.pdf> (accessed 14.11.2020).
19. Heisel M. URL: <https://news.berkeley.edu/2020/05/07/covid-19-the-end-or-revival-of-international-higher-education/> (accessed 14.11.2020).
20. Helms R.M. URL: <https://www.higheredtoday.org/2020/03/04/can-internationalization-survive-coronavirus-need-see-data/> (accessed 17.11.2020).
21. Lee C. *Tourism Analysis*, no 22(4), (2017): 523-536.
22. Marginson S. URL: <https://www.researchcghe.org/blog/2020-07-20-covid-19-and-the-market-model-of-higher-education-something-has-to-give-and-it-wont-be-the-pandemic/> (accessed 4.12.2020).
23. Marginson S. URL: <https://www.timeshighereducation.com/blog/global-he-we-know-it-has-forever-changed#> (accessed 16.11.2020).
24. Mercado S. URL: <https://bized.aacsb.edu/articles/2020/june/covid-19-and-the-future-of-international-student-mobility> (accessed 14.11.2020).
25. Mok K.H. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200703155021111> (accessed 14.11.2020).
26. Kim D., Bankart C.A.S., Jiang X., Brazil A.M. *Understanding International Students from Asia in American Universities: Learning and Living Globalization*. Springer, no 6 (2018): 15-41.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления

*Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, Курск, Курская обл., 305040, Россий-
ская Федерация
kuzmina-violetta@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuzmina Violetta Mikhailovna, Candidate of History Science, Associate Professor, Department of International Relations and Public Administration
*Southwestern State University
94, 50 Let Oktyabrya Str., Kursk, Kursk region, 305040, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1867-7330
kuzmina-violetta@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-193-216

УДК 93/94

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА КАК ФАКТОР СТРОИТЕЛЬСТВА ДОРОГ В СССР В 1920-Е ГОДЫ

Ренухова О.Ю.

***Цель.** Статья посвящена изучению истории строительства стратегических дорог в Западной пограничной полосе СССР в контексте советской мобилизационной подготовки в 1920-х гг. Предметом исследования выступают влияние мобилизационной подготовки на принятие решений и динамику дорожного строительства в Западной пограничной полосе СССР. Цель работы показать основные направления и результаты влияния мобилизационной подготовки на дорожное строительство в Западной пограничной полосе СССР.*

***Метод и методология проведения работы.** На основе интеграции общенаучных, специальных и вспомогательных методов был проанализирован комплекс документов центральных и региональных архивов Российской Федерации.*

***Результаты.** Динамика строительства стратегических дорог зависела от оценок военным ведомством конкретной территории как потенциального театра военных действий. Дороги стратегического значения в угрожаемых зонах Западной пограничной полосы СССР строили в приоритетную очередь. В 1924–1927 гг. протяженность дорог стратегического значения в Западной пограничной полосе СССР выросла на 20% и требовалось ее нарастить еще на 60%. Мобилизационная подготовка выявила стремление правительств республик Западной пограничной полосы СССР использовать свое приграничное положение для расширения дорожной сети в пределах республиканской территории. Оперативные решения по ведению дорожного строительства стратегического*

значения, поиск источников его финансирования стимулировали реорганизацию дорожного управления в стране и введение долевого участия бюджетов всех уровней в мобилизационной подготовке военно-гражданской инфраструктуры Западной пограничной полосы с конца 1920-х гг.

Область применения результатов. Результаты исследования могут способствовать осмыслению мобилизационной политики Советского государства межвоенного периода.

Ключевые слова: мобилизационная подготовка; Западная пограничная полоса; дорожное строительство.

MOBILIZATION TRAINING AS A FACTOR IN ROAD CONSTRUCTION IN THE USSR IN THE 1920S

Repukhova O. Y.

Purpose. *The article is devoted to the study of the history of the construction of strategic roads in the Western border strip of the USSR in the context of Soviet mobilization training in the 1920s. The subject of the study is the influence of mobilization training on decision-making and dynamics of road construction in the Western border strip of the USSR. The purpose of the work is to show the main directions and results of the influence of mobilization training on road construction in the Western Border Strip of the USSR.*

Methodology. *A set of documents of the central and regional archives of the Russian Federation was analysed on the basis of the integration of general scientific, special and auxiliary methods.*

Results. *The dynamics of the construction of strategic roads depended on assessments by the military department of a specific territory as a potential theater of operations. Strategic roads in the threatened zones of the Western border strip of the USSR were built as a priority. In 1924–1927 the length of strategic roads in the Western border zone of the USSR increased by 20% and it was required to increase by another 60%. Mobilization training revealed the desire of the governments of*

the republics of the Western border strip of the USSR to use their border position to expand the road network within the republican territory. Operational decisions on the conduct of road construction of strategic importance, the search for sources of its financing stimulated the reorganization of the road administration in the country and the introduction of shared participation of budgets of all levels in the mobilization preparation of the military-civil infrastructure of the Western border strip since the late 1920s.

Practical implications. *The results of the study can contribute to understanding the mobilization policy of the Soviet state of the interwar period.*

Keywords: *mobilization training; Western Border Strip; road construction.*

Введение

Основа современной дорожной сети в странах и территориях, составлявших советское западное приграничье в 1920-х гг., была заложена и построена в ходе реализации решений по мобилизационной подготовке, развернувшейся в Советском государстве с 1924 г. Многие автодороги, успешно эксплуатируемые сегодня, были построены только в связи с тем, что на тот момент имели стратегическое значение с точки зрения военно-политического руководства СССР.

Значению дорожной (автодорожной) инфраструктуры Западной пограничной полосы СССР как потенциального театра военных действий было уделено особое внимание в ходе общегосударственной мобилизационной подготовки. Учитывалась решающая роль дорожной сети не только в обеспечении боевых операций, в мобильном перемещении войск и материалов, но и в эвакуации гражданского населения, грузов и т.д. Существенное значение имел размер финансовых затрат на строительство дороги в условиях мобилизационной подготовки и значительно меньшие сроки восстановления по сравнению с железнодорожным транспортом в условиях военных действий [18, д. 455, л. 61]. В условиях дефицита

финансирования и трудовых ресурсов в 1920-х гг. определяющим фактором строительства дорог в пределах конкретной территории было включение ее в состав Западной пограничной полосы СССР.

Исследование истории строительства дорог в СССР в контексте мобилизационной подготовки Западной пограничной полосы Советского государства в 1920-х гг. позволяет осмыслить динамику развития дорожной сети.

Между тем, история строительства дорог не только в заявленном контексте, но и в целом как историческая действительность 1920-х гг. чрезвычайно слабо исследована. В 1940-х гг. несомненный вклад в развитие изучения истории дорожной отрасли внесли военные инженеры [9; 10], их работы посвящены анализу основных видов разрушений на дорогах в 1939–1945 гг. и технологии их устранения. В разгар войны, в 1943 г., отдельный номер Вестника военно-инженерной краснознаменной Академии Красной Армии им. В. В. Куйбышева был посвящен военно-дорожным вопросам [3]. Размещенные в нем статьи освещали накопленный опыт технического обслуживания дорожных покрытий в весенний, зимний период [11; 12; 14; 15]. В 1950-х гг. вышла в свет монография А.С. Кудрявцева, во втором томе которого был аккумулирован документальный и фактологический материал по истории дорожного строительства в СССР с 1917 по конец 1950-х гг., основанных на опубликованных источниках [13].

Современные исследователи изучают историю дорожного строительства, отдельных регионов, как правило, через призму реорганизации управления дорожного строительства [7; 16; 26]. Отметим, что, как правило, при исследовании истории дорожного строительства специалисты не учитывают действовавшую на тот момент классификацию дорог (стратегические, государственные и т.д.) и соответственно их назначение, условия финансирования и т.д.

Материалы и методы

Исследовать историю строительства дорог в контексте мобилизационной подготовки Западной пограничной полосы СССР в 1920-х гг. позволяет комплекс источников, отложившихся в фон-

дах федеральных (Российский государственный военный архив (РГВА), Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (ГА РФ), Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив экономики» (РГАЭ) и региональном (Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Санкт-Петербурга» (ЦГА СПб) архивах. Работа с обнаруженными документами, многие из которых привлечены в научный оборот впервые, потребовала интеграции общенаучных, специальных и вспомогательных методов исследования.

Результаты и обсуждение

До I Мировой войны отсутствие развитой дорожной сети на западных рубежах Российской империи рассматривалось военно-политическим руководством страны как одна из причин значительного отставания скорости развертывания армии. Если Германия после объявления мобилизации могла вывести на линию развертывания свои войска на 3-й день, Франция – на 5-й, то Россия 50% численности армии – только на 15-й, а 100% – на 41-й [19, д. 734, л. 86]. Уже по опыту I Мировой войны военные специалисты подчеркивали «огромную роль в деле подготовки страны к обороне» дорог [1, с. 97].

Между тем, прокатившаяся по России с 1914 по начало 1920-х гг. череда военных действий значительно ухудшила состояние дорог [13, с. 17]. К 1921 г. общее протяжение дорожной сети в России оставалось примерно таким же, как и в 1913–1914 гг., но почти не осталось грунтовых дорог, улучшенных различными способами, а дороги с твердым покрытием были сильно изношены [13, с. 41]. В 1921 г. в стране имелось 22,5–23 тыс. км. дорог с твердым покрытием, что было значительно меньше чем в передовых странах: если в России на 100 кв. км. приходилось 0,1 км дорог с твердым покрытием, то в США – 60 км [13, с. 42].

В ходе развернувшейся в начале 1920-х гг. общегосударственной мобилизационной подготовки Советского государства дорожное строительство было определено как важная составляющая воен-

но-гражданской мобилизационной работы, обеспечивающая эффективность реализации мобилизационных (МП) и эвакуационных планов (ЭП) [17, с. 66–79; 22, с. 25–26]. Военное ведомство оказывало прямое влияние на формирование мобилизационных планов дорожного строительства [19, д. 734, л. 27]. Динамика строительства стратегических дорог в стране была поставлена в зависимость от оценки военным ведомством угроз конкретной территории, в которой пролегалла дорога, как потенциального театра военных действий [4, д. 111, л. 61–63].

Вместе с тем, различались представления о необходимости и возможности, (финансовой, кадровой) дорожного строительства союзного военно-политического руководства и региональной власти. Если союзное руководство при определении перечня строительства дорог в приграничных территориях исходило, прежде всего, из военно-стратегических представлений, то руководство республиканских приграничных территорий видело в дорожном строительстве возможность решения региональных проблемы и в этой плоскости вступало в противоречие с общесоюзными представлениями.

С апреля 1921 г. по февраль 1924 г. Наркомат путей и сообщений (РСФСР, с 1923 г. – СССР) возглавлял Ф.Э. Дзержинский. Как нарком НКПС он входил в состав Совета Труда и Оборона (РСФСР, затем, с 1923 г. – СССР), являлся в те же годы председателем ГПУ (ОГПУ) и председателем комиссии по выработке мер политической охраны государственной границы Советского государства [6, с. 106; 23, с. 14]. В эти годы НКПС заложил основы новой структуры транспортного хозяйства страны, объединив в одном центре руководство всеми видами транспорта [13, с. 56]. Очевидно, что решения по дорожному строительству в приграничье были приняты с учетом необходимости обеспечения государственной безопасности страны.

В ноябре 1921 г. была проведена централизация управления дорогами: Управление шоссейных грунтовых и узкоколейных железных дорог (Упшосс) вместе с окружными управлениями шоссейных дорог был передан из ВСНХ в Центральное управление местного

транспорта (ЦУМТ) НКПС [13, с. 51]. В августе 1922 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР дорожное хозяйство было разделено между двумя организациями: дороги общегосударственного и стратегического значения по особому списку были оставлены в ведении ЦУМТа НКПС, а дороги местного значения – переданы в отделы коммунального хозяйства исполкомов под общее руководство Главного управления коммунального хозяйства НКВД РСФСР [13, с. 51]. Таким образом, дороги общегосударственного и стратегического значения находились под контролем общесоюзного руководства, остальные – в ведении региональных и местных властей.

Согласно утвержденному ВЦИК и СНК РСФСР Положению ЦУМТа занимался устройством, ремонтом и содержанием шоссейных и грунтовых дорог и сооружений общегосударственного и стратегического значения, перечень которых утверждали СТО и ВЦИК, наблюдал за состоянием дорог местного значения; финансированием работ на дорогах общегосударственного и стратегического значения, а также отвечал за принятие мер по улучшению финансирования работ на дорогах местного значения. С одной стороны, эти задачи означали восстановление и реорганизацию дорожного хозяйства в соответствии с единым планом развития страны [13, с. 52]. С другой – финансирование работ на дорогах государственного и стратегического значения предполагалось из общесоюзного бюджета, но в случае если дорога теряла статус стратегической, то ее содержание перекладывалось на республиканский или местный бюджет.

К концу 1922 г. в основном была установлена организационная схема управления дорогами: окружные управления местного транспорта (ОМЕС), ведавшие дорогами государственного и стратегического значения, и губернские инспекции, на которые возлагалось обеспечение общего руководства и технического надзора по дорогам местного значения. В пределах округов дорожная сеть была разделена на участки [13, с. 52]. В особых случаях (обычно в условиях пограничных районов) дорожные участки объединялись в районные дорожно-строительные управления, подчиненные ОМЕСам [13, с. 53]. Но уже в конце 1923 г. для упрощения дорожного

аппарата районные дорожно-строительные управления (их было 4) и губернские инспекции были упразднены [13, с. 54].

ОМЕСы подразделялись на три разряда в зависимости от объема работ и протяжения дорог общегосударственного и стратегического значения. Из них Московский, Петроградский, Украинский и Западный ОМЕСы, на которые приходилось около 50% протяженности дорог общегосударственного и стратегического значения, были отнесены к самому высокому I разряду, Северный – ко II разряду (на рубеже 1922–1923 гг. работало 14 ОМЕСов) [13, с. 53].

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. из пяти ОМЕСов, ведавших дорогами государственного и стратегического значения в пределах Западной пограничной полосы СССР, в зависимости от объема работ и протяжения дорожного полотна три было отнесено к I разряду (Петроградский (с 1924 г. – Ленинградская губерния, и территория Псковской губернии), Западный (переименован в Белорусский, охватывал Белорусскую ССР) и Украинский (охватывал территории Украинской ССР, Крымской АССР), и в двух ОМЕС (Северном (Мурманская губерния) и Карельском (был образован в 1925–1926 гг.) не предполагалось значительного объема работ и протяженности дорог [13, с. 54]. Присвоенный разряд ОМЕС показал оценку военно-политическим руководством страны территорий Западной пограничной полосы СССР как потенциального театра военных действий. Очевидно, что, территории, входившие в Петроградский, Западный и Украинский ОМЕС, рассматривались как наиболее угрожаемые противником. Округа (ОМЕС) без изменений просуществовали до первой пятилетки [13, с. 54] и с точки зрения границ совпадали с пределами военных округов в Западной пограничной полосе СССР.

В декабре 1922 г. СТО РСФСР утвердил перечень дорог государственного и стратегического значения [5, д. 836, л. 1]. Перечень был поддержан постановлением ВЦИК РСФСР 28 ноября 1923 г., но вызвал негативную реакцию со стороны республиканских правительств, в частности УССР, в связи с вопросом о финансировании строительства дорог разного статуса (государственного или стра-

тегического) на территории республики. В декабре 1923 г. Экономическое совещание УССР перечень дорог опротестовало, заявив, что при утверждении сети государственных и стратегических дорог для УССР, содержание которых должно было быть обеспечено за счет общесоюзного финансирования, «не было в должной мере учтено значение Украины в экономической жизни Союза» [5, д. 836, л. 1]. Согласно постановлению ВЦИК за счет общесоюзного бюджета должны были финансировать содержание 2028 км дорог государственного значения и 4914 км дорог стратегического значения (всего 6942 км). Между тем Экономическое совещание УССР еще 1 марта 1922 г. настаивало на 34% увеличении дорог государственного значения и включении их в перечень протяженностью 6032 км. Кроме того, в 1923 г. в связи с «ультиматумом Керзона» и обострением англо-советских отношений [8, с. 324–327], военное ведомство высказалось за расширение перечня дорог стратегического значения на Украине до 7605 км (больше на 65%), а перечня дорог государственного значения – до 6615 км (т.е. на 31% больше). Из них только 2572 км дорог между собой совпали. Ссылаясь на оценку ситуации 1923 г. и предложение военного ведомства, Украинское Экономическое совещание просило СТО утвердить перечень дорог общей протяженностью 11649 км, т.е. увеличить общий перечень более чем на 60%, главным образом, за счет дорог стратегического значения.

Но летом 1923 г. правительства СССР и Великобритании обменялись обязательствами невмешательства во внутренние дела и поддержания от враждебных актов и «нашумевший конфликт с Англией кончился тихо, мирно и позорно...» [2, с. 10]. Расширение перечня дорог стратегического значения в Украинском военном округе потеряло актуальность. В январе 1924 г. по настоянию НКПС и РВС СССР представительство УССР сняло свое ходатайство в СТО СССР об увеличении общей протяженности дорог [5, д. 836, л. 13].

К февралю 1924 г. в СТО СССР был представлен согласованный с Госпланом, НКПС, РВС и НКВД СССР перечень дорог стратегического значения [5, д. 836, л. 16 – 17]. Общая протяженность

стратегических дорог Западной пограничной полосы (по военным округам: Петроградскому, Западному (Белорусский), Украинскому, Крымскому) составила 8473 км или 56% от общей протяженности стратегических дорог (15106 км) [5, д. 836, л. 18, 72] и 34% от общего перечня государственных и стратегических дорог в СССР (42075 км) [18, д. 455, л. 33–31]. Протяженность общегосударственных дорог Западной пограничной полосы составила 12453 км.

Большая доля стратегических дорог пришлась на Украинский ВО – 50%, соответственно, на Петроградский ВО – 26,5%, на Западный ВО – 16%, Крымский ВО – 7,5% [5, д. 836, л. 18]. Согласно утвержденному перечню дорожного строительства в Украинском ВО общая протяженность дорог (государственных и стратегических) составила 5251 км (т. е. оставили всего 45% от заявленных Экономическим совещанием УССР), из них 81% был отнесен к стратегическим (4265 км) (т.е. из 7129 верст, заявленных УССР стратегических дорог, было оставлено 56%). В Петроградском ВО в перечень стратегических дорог было отнесено 2242 км (60% от общей протяженности дорог Петроградского ВО), в Западном ВО – 1331 км (60% дорог общей протяженности Западного ВО), в Крымской АССР – 635 км (51% дорог общей протяженности Крымской АССР), всего по Украинскому Военному Округу (включая территории УССР и Крымской АССР) в перечень стратегических дорог было отнесено 4900 км (75% дорог общей протяженности Украины и Крыма) [5, д. 836, л. 16 – 18].

Если до весны 1924 г. республиканские правительства использовали приграничное положение как аргумент для лоббирования строительства дорог стратегического значения на территории республик за счет общесоюзного бюджета, то после того как СТО СССР предоставил право НКПС и военному ведомству производить «изменения перечня дорог» [5, д. 836, л. 79] в пределах установленного постановлением СТО от 5 августа 1924 г. протяжения стратегических дорог в зависимости от оперативных задач, но не чаще одного раза в год, ситуация принципиально изменилась. Квалификация дороги стратегического значения зависела от меняющихся

оперативных планов военного ведомства, внешнеполитического положения страны [5, д. 836, л. 63]. Лишение дороги стратегического значения означало, что ее финансирование переходило на республиканский или местный бюджет, в чем не были заинтересованы региональные правительства. В связи с этим республиканские правительства Западного приграничья изменили подход и стали настаивать на увеличении перечня дорог общегосударственного значения, строительство которых велось за счет общесоюзного бюджета при любых обстоятельствах.

Так, в мае 1924 г. постоянный представитель СНК УССР при СНК СССР Д. И. Петровский дал отрицательное заключение по перечню дорог общегосударственного и стратегического значения, внесенном на утверждение в СТО СССР [5, д. 836, л. 63–64]. Представительство СНК УССР при СНК СССР прямо указывало, что его не устраивает неопределённость перспективы финансирования строительства и содержания дорог разного значения, т. к. дороги стратегического значения финансировались из общесоюзного бюджета до тех пор, пока имели такое значение, а при изменении внешнеполитической ситуации, обязанности по финансированию дорог должен был взять на себя республиканский бюджет. Д.И. Петровский просил увеличить на 31% список общегосударственных дорог на территории УССР, финансируемых из общесоюзного бюджета [5, д. 836, л. 63] (в этом случае доля общегосударственных дорог в УССР по отношению к перечню общегосударственных дорог по СССР составила бы около 20% [5, д. 836, л. 64]).

Более того, для ясности ситуации представительство УССР настаивало на отдельном утверждении списка дорог стратегического и общегосударственного значения [5, д. 836, л. 63]. Поскольку к дорогам стратегического значения в Украинском ВО было отнесено 4900 км [5, д. 836, л. 17–18], что составляло 32% дорог стратегического значения СССР, а к общегосударственным всего 986 км (2% от всех дорог по СССР) [5, д. 836, л. 63], то руководство УССР опасалось, что основная (стратегическая) часть дорог, пролегающих по территории республики, может потерять свое стратегиче-

ское значение и их финансирование ляжет тяжелым бременем на республиканский бюджет.

Несмотря на отрицательное заключение представительства СНК УССР при СНК СССР по перечню дорог общегосударственного и стратегического значения, внесенном на утверждение в СТО СССР, он был утвержден на заседании административно-финансовой комиссии (АФК) при СНК СССР 20 июня 1924 г. [5, д. 836, л. 72] и 23 июня 1924 г. [5, д. 836, л. 66], когда дополнительно был рассмотрен вопрос о перечне дорог по УССР. АФК при СНК СССР утвердило перечень дорог общегосударственного и стратегического значения протяженностью в 42075 км, из них государственного значения – 26969 км, стратегического – 15106 км [5, д. 836, л. 72]. НКПС и военное ведомство при изменении перечня стратегических дорог и их направления «в чрезвычайно исключительных случаях» должно было обращаться с ходатайством в СТО СССР [5, д. 836, л. 72]. Дороги, исключенные из перечня стратегических дорог, передавались в ведение местных органов власти спустя три месяца после уведомления их о внесенных изменениях [5, д. 836, л. 79]. Тогда же, летом, по поручению АФК при СНК СССР НКПС начал работы по строительству дорог [5, д. 836, л. 79], обеспечивающих подъездные пути к железнодорожному полотну, необходимые для обеспечения эвакуации гражданского населения от сборных пунктов в пределах фронтового тыла в глубокий тыл железнодорожными путями [19, д. 734, л. 77].

Руководство УССР продолжало отстаивать республиканские интересы и направило 27 июня 1924 г. протест в СТО СССР, подчеркивая, что в утвержденном списке стратегические дороги, пролегающие по территории УССР, в большинстве случаев не совпадают с дорогами общегосударственного значения [5, д. 836, л. 66–67] и «вследствие стратегического положения Украины, ее экономические интересы страдают, причем это зашифровывается довольно большим количеством стратегических дорог» [5, д. 836, л. 67]. Из-за протеста правительства УССР заседание СТО СССР по этому вопросу откладывалось дважды 23 и 25 июля 1924 г. [5, д. 836, л.

78]. 5 августа 1924 г. СТО СССР отклонил протест представительства СНК УССР при СНК СССР [5, д. 836, л. 89]. Представительство СНК УССР снова опротестовало решение СТО и затягивало решение вопроса, не являясь на заседание СНК СССР, ссылаясь на болезнь и. о. полномочного представителя СНК УССР при СНК СССР А.Т. Приходько [5, д. 836, л. 93] (он исполнял обязанности после Д.И. Петровского). Наконец, сменивший А.Т. Приходько на посту представителя СНК УССР при СНК СССР В.Я. Чубарь, снял протест по вопросу об определении перечня дорог и СТО СССР [5, д. 836, л. 96], а затем и СНК СССР [5, д. 836, л. 95], решили, что вопрос исчерпан.

5 августа 1924 г. было принято итоговое постановление СТО СССР о перечне шоссейных и грунтовых дорог мостов и переправ общесоюзного, в частности стратегического значения [5, д. 836, л. 79–80], в целом, подтвердившее решения АФК при СНК СССР от 20 июня 1924 г. [5, д. 836, л. 72] и перечень дорог общегосударственного и стратегического значения, согласованный с Госпланом, НКПС, РВС и НКВД СССР в феврале 1924 г. [5, д. 836, л. 16–17]. Перечень дорог общегосударственного и стратегического значения в стране, подлежащих содержанию за счет общесоюзного бюджета включил 41806 км, в том числе дорог стратегического значения – 15010 км [18, д. 455, л. 33]. В Западной пограничной полосе СССР протяженность стратегических дорог составила 8473 км, из них в Украинском ВО – 4900 км (из них в Крымской АССР – 635 км), Петроградском ВО – 2242 км, Западном ВО – 1331 км [5, д. 836, л. 79–80].

Основной проблемой для реализации планов дорожного строительства в стране оставался дефицит финансирования. В октябре 1925 г. на основе предложений административно-финансовой комиссии (АФК) СНК СССР принял постановление, в котором НКПС СССР было поручено в Западных приграничных районах в 3-летний период полностью провести ремонт шоссейных и грунтовых дорог, имеющих стратегическое значение. НКВМ и НКПС было поручено разработать план постройки в Западной пограничной полосе новых шоссейных и грунтовых дорог и переправ стратегиче-

ского значения и через Госплан внести его на утверждение в СТО СССР [5, д. 44, л. 6–7]. АФК рассчитала, что стоимость срочных строительных и ремонтных работ дорог составит около 14 млн руб. Но из-за отсутствия финансирования требуемых работ, постановление сразу было опротестовано наркомом НКПС СССР Я. Э. Рудзутаком [5, д. 44, л. 14].

Тем не менее, в 1926–1927 финансовом году Наркомат Финансов (НКФ) СССР выделил НКПС кредит в размере 13,5 млн. руб. на строительство стратегических дорог. В тоже время, военное ведомство, учитывая угрозы, увеличивало сеть стратегических дорог в отдельных секторах Западной пограничной полосы по согласованию с НКПС за счет их сокращения (переквалификации) как в других районах страны, так и в пределах пограничной полосы. В результате, если общая протяженность стратегических дорог в стране, утвержденная постановлением СТО 5 августа 1924 г., во второй половине 1920-х гг. оставалась неизменной (15010 км), то их протяженность в Западной пограничной полосе с 1924 по 1927 гг. выросла на 20% и составила 10105 км [18, д. 455, л. 33–31]. В пределах Западной пограничной полосы значительно (на 40%) была увеличена сеть дорог в Белорусском ВО и составила 3393 км [18, д. 455, л. 33–31]. Это произошло за счет переквалификации дорог как в не западно-пограничных районах, так и в Ленинградском и Украинском ВО (на 15% и 2%, соответственно) [18, д. 455, л. 33–31]. Соответственно перераспределялось и финансирование дорожных работ.

В тоже время, в разработанных Межведомственной мобилизационной комиссией (ММК) мероприятиях по мобилизационной подготовке союзных и объединенных народных комиссариатов [4, д. 111, л. 13–61], составивших основу «Положения о подготовительном к войне периоде», утвержденном СТО СССР 11 августа 1926 г., был сформулирован принцип динамики строительства стратегических дорог в приграничных территориях. Исходным пунктом было определение этапа (подпериодов) подготовительного периода к войне. Исходя из него, НКПС должно было усилить работы по ремонту и строительству стратегических дорог в подпериод № 1 (до

выявления неизбежности войны) [17, с. 30] и приостановить ведение капитальных работ, ненужных в условиях военного времени в подпериод № 2 (от выявления неизбежности войны до открытого объявления мобилизации) [17, с. 35].

Для оперативности определения начального периода будущей войны на западном театре военных действий командование РККА в 1926 г. выделило в Западной пограничной полосе СССР угрожаемую зону, к которой были отнесены Карельская АССР, г. Ленинград с прилегающими районами, территории Западных областей РСФСР (Лужский уезд Ленинградской губернии, Псковская губерния), БССР, правобережная УССР и Крымская АССР [21, д. 657, л. 71]. Таким образом, в Западную угрожаемую зону была включена вся Западная пограничная полоса СССР, кроме Мурманской губернии Северо-Западного края. С апреля 1927 г. ее разделили на секторы, что давало мобилизационным органам [24, с. 50–54] возможность корректировать планы по вывозу людских и материальных ресурсов, проводя его только из того сектора, которому непосредственно угрожал противник: Северный, Белорусский, Украинский, Крымский, Северо-Кавказский [4, д. 83, л. 6]. Сектора были разделены на угрожаемые зоны (1-ю и 2-ю – по степени опасности расположения на театре военных действий). В 1-й угрожаемой зоне оказались приграничные районы АКССР (Самозерский, Видлицкий, Олонецкий, Святозерский и Прионежский районы), Ленинградской области (9 районов Ленинградского округа: Кингисеппский, Котельский, Ораниенбаумский, Урицкий, Ленинский, Парголовский, Куйвозовский, Мгинский, Волховский [27, д. 134, л. 36], 4 района Псковского округа: Псковский, Палкинский, Островский, Красногородский, 3 района Лужского округа: Рудницкий, Гдовский, Полновский, часть Лодейнопольского района Лодейнопольского округа и Себежский район Великолукского округа [27, д. 134, л. 1]), БССР (Полоцкий округ, большая часть Минского, Бобруйского и Мозырского округов [20, д. 13, л. 233–236]), УССР (часть Коростеньского, Волынского округов и полностью Шепетовский, Проскуровский и Каменецкий округа, Могилевский, Тульчинский, Одесский округа, часть Нико-

лаевского и Херсонского округов [20, д. 13, л. 233–236]) и целиком Крымская АССР [4, д. 83, л. 6]. Детализация территорий в пределах Западной угрожаемой зоны СССР происходила в сопряжении с административно-территориальным реформированием конца 1920-х гг., когда оформление районов концентрировалось вокруг дорожных узлов, а комплекс приграничных районов становился мезоуровнем пограничной полосы, в отношении которого власть проводила особую социально-экономическую политику [25, с. 138–152].

К 1927 г. военное ведомство исчерпало все возможности для увеличения протяженности стратегических дорог в Западной угрожаемой зоне СССР за счет переквалификации дорог в пределах установленных постановлением СТО 5 августа 1924 г. В мае 1927 г., в условиях разрыва англо-советских дипломатических отношений и провокации в Польше, связанной с убийство советского полпреда П. Л. Войкова [8, с. 482–487], РВС направил в СТО СССР ходатайство об увеличении числа дорог стратегического значения только в 1-й угрожаемой зоне Ленинградской области, БССР и УССР на 60% (с 10105 км до 16724 км) [18, д. 455, л. 33–31]. Общая протяженность стратегических дорог в стране должна была составить 21629 км. Самая острая потребность в увеличении километров стратегических дорог, по мнению военного ведомства, была в Белорусской ССР. Если в Ленинградской области протяженность стратегических дорог необходимо было увеличить на 31% (до 2786 км), в Украинской ССР – на 14% (до 5590 км), то в Белорусской ССР – на 43% (до 8348 км) [18, д. 455, л. 33–31].

НКПС считало нежелательным увеличение сети дорог стратегического значения по причинам «неустойчивости перечня этих дорог... по оперативным соображениям» и, как следствие, необходимости постоянной переброски строительной техники и людей [18, д. 455, л. 33–31]. Как временное решение НКПС предложил провести необходимые дорожно-строительные работы за счет специальных ассигнований, без изъятия этих дорог из ведения исполкомов и без внесения в перечень общегосударственных дорог. ГОСПЛАН предложил принять решение через межведомственную комиссию в составе НКПС, НКВМ и ГОСПЛАНа и в случае увеличения списка

дорог стратегического значения в Западной угрожаемой зоне отнести их на госбюджет по смете НКПС, т.к. местные исполкомы не в состоянии их содержать [18, д. 455, л. 33–31].

Необходимость оперативных решений по строительству стратегических дорог подтолкнула к реорганизации НКПС. В начале 1928 г. управление дорогами в СССР оставалось таким, как оно сложилось к 1925–1926 гг. Государственные и стратегические дороги находились в ведении ЦУМТа НКПС, которому было подчинено 15 окружных управлений местного транспорта (ОМЭСов) и Управление Амуро-Якутской магистрали. Управление дорогами местного значения не было единообразным. Так, в РСФСР, УССР и БССР общее заведование дорогами местного значения осуществлялось комиссариатом внутренних дел [13, с. 56]. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 ноября 1928 г. НКПС, по статусу общесоюзному наркомату, были присвоены функции объединенного наркомата, что позволило при сохранении централизованного управления всем дорожным хозяйством, перераспределить обязанности по дорожному строительству на региональную власть и ввести совместное финансирование по его ведению из бюджетов всех уровней. Согласно постановлению ЦУМТ НКПС был реорганизован в Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (Цудортранс). Руководство автомобильно-дорожным хозяйством в союзных республиках было возложено на главное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (Главдортрансы), организованные при СНК союзных республик [13, с. 128]. Постройка, содержание и ремонт шоссейных и грунтовых дорог государственного и местного значения возлагались на организованные республиканские, краевые, областные, окружные, районные дорожно-автомобильные органы (дортрансы). В результате реорганизации дорожное строительство в СССР было подчинено централизованному управлению НКПС через Цудортранс, Главдортрансы и дортрансы.

И самое важное, финансирование дорожного строительства устанавливалось через доленое участие общесоюзного, республи-

канского и местных бюджетов [22, с. 33], а также введения в пределах соответствующей союзной республики обязательного трудового участия населения в дорожном строительстве [13, с. 129; 22, с. 35]. Принцип долевого участия бюджетов всех уровней был заложен в мобилизационном планировании военно-гражданской инфраструктуры Западной пограничной полосы с конца 1920-х гг. Вовлечение бюджетов республиканского и местного уровня в дорожное строительство обязывало региональное руководство продолжать сооружение запланированной в МП дороги, даже в случае изменения оперативных планов военного ведомства и перевода дороги из разряда стратегической в первоочередную дорогу местного значения. Но, как правило, ограниченность региональных бюджетов сдерживала финансирование дорожного строительства на республиканском и местном уровне [22, с. 48, 52].

Фактически НКПС реализовала подход к финансированию дорожного строительства за счет специальных ассигнований, без изъятия дорог из ведения исполкомов и без внесения в перечень общегосударственных дорог. Так, в специальной смете РЗ СТО СССР к постановлению «О мероприятиях по обороне на 1928/29 год» в перечне работ НКПС были выделены средства в объеме 11 тыс. руб. (т.е. всего около 16% от общей суммы всех дорожных работ) на ведение строительства первоочередных дорог местного значения в угрожаемых зонах [18, д. 696, л. 30–35], остальные средства должны были покрыть дорожные фонды республиканского, местного бюджетов и трудовое участие населения в дорожном строительстве. Титульный список этих дорог ежегодно утверждали совместно Штаб РККА и Цудортранс НКПС.

Привлечение к финансированию дорог бюджетов разного уровня позволило увеличить объемы строительства к рубежу 1920–1930-х, а при переквалификации разряда дорог – не срывать их строительство. Так в 1929–1930 гг. приграничных районах АКС-СР, Псковского округа Ленинградской области и Себежском районе Великолукского округа Западной области была выделена на строительство стратегических дорог сумма около 9 млн руб., в тоже

время местные фонды выделили на строительство первоочередных дорог местного значения 6,5 млн. руб. [19, д. 962, л. 66]. Некоторые дороги были построены только за счет местных бюджетов, например, дорога Лоухи – Кестеньга в Карелии [22, с. 49].

Местные бюджеты испытывали значительную финансовую нагрузку и обращались в за помощью в бюджеты более высокого уровня. Так, Президиум Леноблисполкома в 1929 г. ходатайствовал в СНК РСФСР об отпуске из фондов СНК РСФСР по республиканскому дорожному строительству дорог в пограничных районах области 1 млн. руб. [31, л. 33]. ГОСПЛАН констатировал значительное недовыполнение планов строительства 1929–1930 гг. как местного оборонного (на 50%), так и дорог стратегического значения (на 75%) [19, д. 962, л. 75–108].

Заключение

Таким образом, мобилизационная подготовка повлияла на динамику и приоритетность направлений дорожного строительства в Западной пограничной полосе СССР 1920-х гг. Принципы динамики дорожного строительства были сформулированы в 1926 г. в документах по мобилизационным мероприятиям и зависели от оценок военным ведомством угроз конкретной территории, в которой проходила дорога, как потенциальном театре военных действий. Дороги стратегического значения в угрожаемых зонах Западной пограничной полосы СССР строили за счет переквалификации дорог в других, не угрожаемых районах страны. В 1924–1927 гг. протяженность дорог стратегического значения в Западной пограничной полосе СССР выросла на 20% (в наиболее угрожаемом Белорусском секторе – на 40%). С точки зрения военного ведомства, в 1-й угрожаемой зоне Ленинградской области, БССР и УССР сеть стратегических дорог необходимо было нарастить еще на 60% (среди них, в наиболее угрожаемом Белорусском секторе – на 43%).

Мобилизационная подготовка выявила стремление правительств республик, включенных в состав Западной пограничной полосы СССР, использовать ситуацию для расширения дорожной сети в

пределах республиканской территории. В начале 1920-х гг. они выступали за активное строительство дорог стратегического значения. С весны 1924 г., когда был введен регламент ежегодного пересмотра перечня стратегических дорог исходя из оперативной оценки потенциальных угроз, в результате которого дорога могла быть переквалифицирована и передана на содержание местного бюджета, республиканские власти выступали за расширение перечня общегосударственных дорог, финансирование которых велось из союзного бюджета и не зависело от представлений военного ведомства об оперативной ситуации.

Необходимость принятия оперативных решений по ведению дорожного строительства стратегического значения и поиск источников его финансирования в условиях реализации мобилизационной подготовки стимулировала реорганизацию дорожного ведомства страны. Это привело к формированию централизованной системы управления дорожным хозяйством с распределением обязанностей по дорожному строительству на разные уровни власти и введения долевого участия бюджетов всех уровней в мобилизационной подготовке военно-гражданской инфраструктуры Западной пограничной полосы с конца 1920-х гг. Это позволило увеличить объем финансирования дорожного строительства и при переквалификации разряда дорог – не срывать их строительство.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Букин Б. Железные дороги в мировую войну и их ближайшие задачи в подготовке страны к обороне // Война и революция. 1926. № 4. С. 87–100.
2. Булгаков М. Под пятой: Мой дневник. М.: Правда, 1990. 46 с.

3. Вестник военно-инженерной краснознаменной Академии Красной Армии им. В.В. Куйбышева. М.: Издание ВИКА. 1943. № 36. Сборник статей по военно-дорожным вопросам. 62 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. Р-8418. Оп. 1.
5. ГА РФ Ф. 5446. Оп. 5 А.
6. Ежуков Е.Л. Становление концепции защиты и охраны границ Советского государства // *Власть*. 2008. № 12. С. 104–107.
7. История дорожного строительства в г. Санкт-Петербурге-Ленинграде // *Путевой навигатор*. 2017. № 32 (58). С. 78–89; № 33 (59). С. 30–43; 2018. № 34 (60). С. 60–73.
8. История дипломатии / под ред. А.А. Громыко. М.: Издательство Политической литературы, 1965. Т. 3. 831 с.
9. Ильин-Миткевич А.Ф. Инженерное обеспечение наступательного боя в болотистой местности. М.: Гос. воен. изд., 1940. 21 с.
10. Карташев А.А. Дорожное обеспечение наступательного боя. М.: Воениздат, 1940. 96 с.
11. Карташов А.А. Дорожные работы в зимний период // *Вестник военно-инженерной краснознаменной Академии Красной Армии им. В.В. Куйбышева*. 1943. № 36. С. 5–23.
12. Кирюхин И.Я. Новый тип бревенчатого колеинового покрытия // *Вестник военно-инженерной краснознаменной Академии Красной Армии им. В.В. Куйбышева*. 1943. № 36. С. 44–47.
13. Кудрявцев А.С. Очерки истории дорожного строительства в СССР. М.: Автотрансиздат, 1957. Т. 2. 367 с.
14. Кутузов И.Д. Дорожные утюги // *Вестник военно-инженерной краснознаменной Академии Красной Армии им. В.В. Куйбышева*. 1943. № 36. С. 48–51.
15. Лалетин Н.В. Распутица на грунтовых дорогах и борьба с ней // *Вестник военно-инженерной краснознаменной Академии Красной Армии им. В.В. Куйбышева*. 1943. № 36. С. 24–43.
16. Лихорадова И.Н. История дорожного строительства на территории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2006. 174 с.

17. Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР (1921–1941 гг.) М.: Альпина Бизнес, 2004. 352 с.
18. Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 4. Оп. 1.
19. РГВА Ф. 7. Оп. 10.
20. РГВА. Ф. 4. Оп. 18.
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2097. Оп. 1.
22. Репухова О.Ю. Военно-гражданская мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 85 с.
23. Репухова О.Ю. Пограничный режим в Карелии в 1920-1930-е годы. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 104 с.
24. Репухова О.Ю. Эвакуационное планирование в Карелии в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2016. № 9. С. 50-54.
25. Репухова О.Ю. Мобилизационная подготовка как фактор административно-территориального реформирования в 1920-х гг. // Карелия: история и современность: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Карелия, Петрозаводск, 23 октября 2020 года. Петрозаводск: КарНЦ, 2020. С. 138–152.
26. Туренко А.Н. Из истории развития организации дорожного движения // Автомобильный транспорт. 2006. № 19. С. 7-10.
27. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7179. Оп. 3.

References

1. Bukin B. *Voyna i revolyutsiya*. 1926. № 4. P. 87–100.
2. Bulgakov M. *Pod pyatoy: Moy dnevnik* [Under the fifth: My diary]. М.: Pravda, 1990. 46 p.
3. *Vestnik voenno-inzhenernoy krasnoznamennoy Akademii Krasnoy Armii im. V.V. Kuybysheva*. М.: Izdanie VIKА. 1943. № 36. *Sbornik statey po voenno-dorozhnyim voprosam* [Collection of articles on military road issues]. 62 p.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archives of the Russian Federation] F. R-8418. Op. 1.

5. GA RF F. 5446. Op. 5 A.
6. Ezhukov E.L. *Vlast*. 2008. № 12. P. 104–107.
7. *Putevoy navigator*. 2017. № 32 (58). P. 78–89; № 33 (59). P. 30–43; 2018. № 34 (60). P. 60–73.
8. *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy] / ed. A.A. Gromyko. M.: Izdatel'stvo Politicheskoy literatury, 1965. V. 3. 831 p.
9. Il'in-Mitkevich A.F. *Inzhenernoe obespechenie nastupatel'nogo boya v bolotistoy mestnosti* [Engineering support for offensive combat in swampy areas]. M.: Gos. voen. izd., 1940. 21 p.
10. Kartashev A.A. *Dorozhnoe obespechenie nastupatel'nogo boya* [Road support for offensive combat]. M.: Voenizdat, 1940. 96 p.
11. Kartashov A.A. *Vestnik voenno-inzhenernoy krasnoznamennoy Akademii Krasnoy Armii im. V.V. Kuybysheva*. 1943. № 36. P. 5–23.
12. Kiryukhin I.Ya. *Vestnik voenno-inzhenernoy krasnoznamennoy Akademii Krasnoy Armii im. V.V. Kuybysheva*. 1943. № 36. P. 44–47.
13. Kudryavtsev A.S. *Ocherki istorii dorozhnogo stroitel'stva v SSSR* [Essays on the history of road construction in the USSR]. M.: Avtotransizdat, 1957. V. 2. 367 p.
14. Kutuzov I.D. *Vestnik voenno-inzhenernoy krasnoznamennoy Akademii Krasnoy Armii im. V.V. Kuybysheva*. 1943. № 36. P. 48–51.
15. Laletin N.V. *Vestnik voenno-inzhenernoy krasnoznamennoy Akademii Krasnoy Armii im. V.V. Kuybysheva*. 1943. № 36. P. 24–43.
16. Likhoradova I.N. *Istoriya dorozhnogo stroitel'stva na territorii Voronezhskogo kraya* [The history of road construction in the Voronezh region]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 2006. 174 p.
17. Meliya A.A. *Mobilizatsionnaya podgotovka narodnogo khozyaystva SSSR (1921–1941 gg.)* [Mobilization preparation of the national economy of the USSR (1921–1941)]. M.: Al'pina Biznes, 2004. 352 p.
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive] F. 4. Op. 1.
19. RGVA F. 7. Op. 10.
20. RGVA F. 7. Op. 18.
21. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archives of Economics]. F. 2097. Op. 1.

22. Repukhova O. Yu. *Voенно-grazhdanskaya mobilizatsionnaya podgotovka v Karelii v 1920–1930-kh godakh* [Military-civil mobilization training in Karelia in the 1920s – 1930s]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2016. 85 p.
23. Repukhova O. Yu. *Pogranichnyy rezhim v Karelii v 1920-1930-e gody* [Border regime in Karelia in the 1920s-1930s]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2017. 104 p.
24. Repukhova O. Yu. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 2016. № 9. P. 50-54.
25. Repukhova O. Yu. *Kareliya: istoriya i sovremennost': sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Kareliya, Petrozavodsk, 23 oktyabrya 2020 goda* [Karelia: history and modernity: collection of materials of the scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, October 23, 2020]. Petrozavodsk: KarNTs, 2020. P. 138–152.
26. Turenko A. N. *Avtomobil'nyy transport*. 2006. № 19. P. 7-10.
27. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb) [Central State Archives of St. Petersburg]. F. R-7179. Op. 3.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Репухова Оксана Юрьевна, доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук
*Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Республика Карелия, 185000,
Российская Федерация
Repukhova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Repukhova Oksana Yurevna, Associate Professor of Russian History,
Ph. D. (History)
*Petrozavodsk State University
33, Lenin Ave., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185000, Russian Federation
Repukhova@yandex.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ XVII В.: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН Еланцева О.П., Шаходанова О.Ю.	14
КРЕДИТНЫЙ РЫНОК ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ Назырова Е.А., Шелкоплясова Н.И.	28
ПРОФЕССОРА-БИОЛОГИ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОХРАНИВШИЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ИХ ЛЕКЦИЙ Жарова Е.Ю.	48
ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ КАК «ОТЛОЖЕННОЕ» ВООБРАЖЕНИЕ НАЦИИ В СОРЬСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ (ЧАСТЬ 1. ИЗОБРЕТЕНИЕ НАЦИИ В СОРЬСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ В КОНТЕКСТАХ «ОТЛОЖЕННОЙ» МОДЕРНИЗАЦИИ СООБЩЕСТВА С НЕПОЛНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ СТРУКТУРАМИ) Кирчанов М.В.	69
ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ КАК «ОТЛОЖЕННОЕ» ВООБРАЖЕНИЕ НАЦИИ В СОРЬСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ (ЧАСТЬ 2. ВООБРАЖЕНИЕ СОРЬСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ В НАЦИОНАЛИЗМЕ МЕНЬШИНСТВА С «НЕГАТИВНЫМ» СОЦИАЛЬНЫМ НАСЛЕДИЕМ) Кирчанов М.В.	97
СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР УКРАИНЦЕВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН КАК ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ Пилипак М.А.	132

ТРАНСПОРТНЫЕ ПОТОКИ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ (АРА) НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГРАДА (1921–1923 ГГ.) Филиппова М.Н., Романова А.Н.	147
ИЗ ОПЫТА РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г.Н. ЧЕРНОВА Тимченко С.А.	162
ПОКАЗАТЕЛИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В РОССИЮ Кузьмина В.М.	179
МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА КАК ФАКТОР СТРОИТЕЛЬСТВА ДОРОГ В СССР В 1920-Е ГОДЫ Репухова О.Ю.	193
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	217

CONTENTS

HISTORY STUDIES

THE PHENOMENON OF CORRUPTION IN THE SYSTEM OF VOEVODSK GOVERNANCE IN SIBERIA OF THE 17 TH CENTURY: INTERDISCIPLINARY APPROACH TO STUDYING CAUSES Elantseva O.P., Shakhodanova O.Yu.	14
CREDIT MARKET OF THE TULA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES Nazirova E.A., Shelkopyasova N.I.	28
PROFESSORS OF LIFE SCIENCE OF THE UNIVERSITIES OF RUSSIAN EMPIRE AND EXTANT COPIES OF THEIR LECTURES Zharova E.Iu.	48
INVENTION OF TRADITIONS AS “POSTPONED” IMAGINATION OF THE NATION IN SORBIAN NATIONALISM (PART 1. THE INVENTION OF THE NATION IN SORBIAN NATIONALISM IN CONTEXTS OF “DELAYED” MODERNIZATION OF A COMMUNITY WITH INCOMPLETE SOCIAL STRUCTURES) Kyrchanoff M.W.	69
INVENTION OF TRADITIONS AS “POSTPONED” IMAGINATION OF THE NATION IN SORBIAN NATIONALISM (PART 2. IMAGINATION OF THE SORBIAN ETHNIC AND POLITICAL NATION IN MINORITY NATIONALISM WITH A “NEGATIVE” SOCIAL HERITAGE) Kyrchanoff M.W.	97
WEDDING FOLKLORE OF UKRAINIANS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AS A FACTOR IN THE PRESERVATION OF ETHNIC IDENTITY Pylypak M.A.	132

TRAFFIC FLOWS OF THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION (ARA) ON THE EXAMPLE OF PETROGRAD (1921–1923) Filippova M.N., Romanova A.N.	147
FROM THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE BIOGRAPHY OF THE HERO OF THE SOVIET UNION G. CHERNOV Timchenko S.A.	162
INDICATORS OF STUDENTS' ACADEMIC MOBILITY FROM THE ASIA-PACIFIC REGION TO RUSSIA Kuzmina V.M.	179
MOBILIZATION TRAINING AS A FACTOR IN ROAD CONSTRUCTION IN THE USSR IN THE 1920S Repukhova O.Y.	193
RULES FOR AUTHORS	351

Подписано в печать 30.11.2020. Дата выхода в свет 30.11.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 16,10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP123/020. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.